

**АЗИАТСКО-
ТИХООКЕАНСКИЙ
РЕГИОН**

- ◆ Экономика
- ◆ Политика
- ◆ Право

**№2 (20)
2009**

**Научный
и общественно-политический
журнал**

**АЗИАТСКО-
ТИХООКЕАНСКИЙ
РЕГИОН**

- ◆ Экономика
- ◆ Политика
- ◆ Право

Журнал основан в 1999 году

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В.И. Курилов, засл. работник высшей школы РФ, профессор,
доктор юридических наук

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Е.П. Жариков (зам. главного редактора),
В.Н. Антонов, П.Я. Бакланов, П.Ф. Бровко, В.К. Заусаев, А.И. Коробеев,
А.М. Кузнецов, Н.В. Кузнецова, В.А. Номоконов, В.Ф. Печерица,
Л.И. Романова, В.В. Савалей, В.Г. Сазонов, Р. Скалапино

**№2 (20)
2009**

**Научный
и общественно-политический
журнал**

Адрес редакции: 690950, г. Владивосток, ул. Уборевича, 25
Дальневосточный государственный университет
Владивостокский институт международных отношений,
Тел: (4232) 515-310

Владивосток ◆ Издательство Дальневосточного университета, 2009

PACIFIC RIM

- ◆ Economics
- ◆ Politics
- ◆ Law

The Journal was published first in 1999

EDITOR-IN-CHIEF

V.I. Kurilov, Professor, Doctor of Law, Honorary University Educationalist of the Russian Federation

EDITORIAL BOARD

E.P. Zharikov (Assistant to the Editor-in-Chief),
V.N. Antonov, P.Y. Baklanov, P.F. Brovko, V.K. Zauscaev, A.I. Korobeev,
A.M. Kuznetsov, N.V. Kuznetsova, V.F. Pecheritsa,
L.I. Romanova, V.V. Savaley, V.G. Sazonov, R. Scalapino

**№2 (20)
2009**

**Scientific,
social and political
journal**

Address of the editorial office:
Vladivostok Institute for International Studies of the Pacific Rim Countries
Far Eastern State University
25, Uborevicha st., Vladivostok, 690950, RUSSIA
Tel.: (4232) 515-310. Fax: (4232) 515-310

Vladivostok ◆ Printed in the Far Eastern State University Press, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

- Тулохонов А.К., Зомонова Э.М.* Асимметрия социально-экономического развития приграничных территорий России и Китая.....7
- Быстрицкий С.П., Фролова Н.С.* Локальные контактные зоны Дальнего Востока.....15
- Порунов А.Н.* Кризис и страны БРИК: итоги января-февраля 2009 года в зеркале статистики.....22

ФИНАНСЫ В РАЗВИТИИ РЕГИОНА

- Вотинцева Л.И., Ярославцева С.В.* Регионализм как фактор системных изменений в финансовой сфере Дальнего Востока России.....32
- Сазонова Е.С., Безруков И.С.* Эффективность механизма валютного регулирования и валютного контроля (На примере Приморского края).....49
- Слезко А.Н.* Рынок ипотечного кредитования в регионе: особенности и перспективы.....58

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- Жариков А.Е.* Проблемы взаимодействия нефтегазового и рыбопромышленного комплексов на шельфе.....66
- Стащенко А.Н.* Региональные аспекты сферы телекоммуникационных услуг.....71

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АГЛОМЕРАЦИИ

- Овсянникова С.И.* Роль крупных региональных портовых транспортных узлов.....82
- Ивельская Н.Г.* Влияние крупных агломераций на развитие малых городов.....86

ОБЩЕСТВО, ПРАВО, ВЛАСТЬ

- Золотухин И.Н.* Проблемы национального строительства в Малайзии.....91
- Кузьмина О.В.* Правовые аспекты этнонациональной политики России в конце XX – начале XXI веков.....99

РЕЦЕНЗИИ

- Кузнецов А.М.* Об одном направлении в исследовании международных отношений.....107
- Аннотации к статьям на русском языке.....116
- Аннотации к статьям на английском языке.....120
- Сведения о членах редколлегии.....124

CONTENTS

THE ECONOMIC CHALLENGES OF REGION

- Tulohonov A.K., Zomonova E.M.* The social-economic development asymmetry in near-border areas of Russia and China.....7
- Bistritsky S.P., Frolova N.S.* Local contact zones on Russian Far East.....15
- Porunov A.N.* BRIC countries and world crisis: the outcome of January-February 2009, statistics overview.....22

THE ROLE OF FINANCE SECTOR IN THE DEVELOPMENT OF REGION

- Votintseva L.I., Yaroslavtseva S.V.* Appearance of regionalism as bottom for system changes in finance sphere of Russian Far East.....32
- Sazonova E.S., Bezrukov I.S.* The monetary control and currency regulation measures as effective strength factor (on sample of Primorsky Region).....49
- Slezko A.N.* Regional mortgage lending market: peculiarities and perspectives.....58

REGION BUSINESS ANALYSIS

- Zharikov A.E.* The complication of interaction between oil & gas and fishing industries on Sakhalin shelf.....66
- Stashenko A.N.* Regional aspects in telecommunication service area 71

REGION AGGLOMERATIONS

- Ovsyannikova S.I.* The role of largest ports as multimodal international terminals.....82
- Ivelskaya N.G.* The impact of heavy agglomerations on small cities development.....86

SOCIETY, LAW, GOVERNMENT

- Zolotuhin I.N.* The current problems of national building industry in Malaysia.....91
- Kuzmina O.V.* Legal aspects of ethnic and national policy in Russia in the end of XX – beginning XXI centuries.....99

CRITICAL REVIEWS

- Kuznetsov A.M.* About one approach in international relations investigations 107
- Short description of articles (Russian version).....116
- Short description of articles (English version).....120
- College members' data.....124

К читателям журнала

Либерализация экономики Российского Дальнего Востока (РДВ) создала реальные условия для развития внешнеэкономических связей со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Безусловно, что интеграция в экономику тихоокеанских стран объективно зависит от комплекса политических, экономических, военно-стратегических и социально-психологических условий. Недостаточное внимание к ним и их слабая изученность чреват замедлением интеграционных процессов. Поэтому появление журнала «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» весьма актуально в целях содействия развитию фундаментальных и прикладных исследований в области регионального сотрудничества РДВ со странами АТР, освещения проблем его участия в развитии интеграционных процессов, решения задач подготовки высокопрофессиональных специалистов в области международных отношений.

В соответствии с целью в рубриках журнала, издаваемого Дальневосточным государственным университетом 2 раза в год, предполагается публикация следующих материалов:

- статьи по экономике, внешнеэкономической деятельности, политике, международному сотрудничеству стран АТР, Дальнего Востока, Приморского края;
- архивные материалы и комментарии к ним по истории сотрудничества России со странами АТР, политическим взаимоотношениям;
- материалы социологических исследований по важнейшим экономическим, общественно-политическим и правовым вопросам;
- справочные законодательные материалы по регулированию национальных экономик, межстрановому взаимодействию в АТР;
- обзоры деятельности региональных организаций;
- сообщения, официальная информация по материалам региональных совещаний, конференций, дипломатических встреч.

Необходимо отметить также, что в журнале помимо указанных проблем предполагается освещение и иных региональных аспектов – демографических, экологических и пр.

Учитывая важность затрагиваемых в журнале проблем, редколлегия приглашает к сотрудничеству специалистов из разных сфер деятельности, имеющих отношение к тематике журнала. В первую очередь это относится к сотрудникам Дальневосточного государственного университета, работникам других вузов, научных институтов; специалистам, знающим на практике проблемы Дальнего Востока и регионального взаимодействия.

Для участия в издании журнала достаточно присылать материалы согласно указанных рубрик, объемом не более 15 страниц машинописного текста, включая список литературы, таблицы и рисунки с указанием фамилии, имени, отчества (полностью), должности и места работы, ученой степени и звания. Присланная *рукопись должна иметь краткую аннотацию на русском и английском языках* и быть высокого качества: текст через 1 интервал с полями (поля зеркальные): верхнее – 20 мм, нижнее – 30 мм, внутри – 20 мм, снаружи – 25 мм, переплет 0, шрифт № 12. К рукописи прилагать электронный вариант, записанный в редакторе WORD на CD-R (материалы на дискетах не принимаются и не рассматриваются).

Требования редколлегии – ссылки давать в квадратных скобках с помещением источников в конце статьи (например, «Согласно работе [5], или при цитируемой ссылке [5, с. 18]».

Надеемся, что журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» сыграет важную роль в обмене опытом между учеными и практиками Дальнего Востока и будет способствовать эффективному решению проблем региона.

Предложения, пожелания, заявки на участие в издательской деятельности журнала и его приобретения направлять по адресу:

690950, Владивосток, ул. Мордовцева, 12, зам. гл. редактора.

Тел.: (4232) 26-76-41, Факс: (4232) 22-78-25, E-mail: <Zharikov@mail.dvgu.ru>

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

АСИММЕТРИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ И КИТАЯ

А.К. Тулохонов, Э.М. Зомонова*

Будущее России, подъем ее экономики и культуры напрямую зависят от усиления роли «периферийных» регионов, к числу которых относятся и приграничные территории. Известно также, что одним из важнейших условий экономического развития региона является его географическое положение, в частности близость государственных границ, наличие морских путей сообщения и т.д. В этом смысле географическое положение может служить наиболее простой формой ренты, получаемой регионом. При этом экономически значимыми становятся такие факторы, как добрососедские отношения государств, наличие транзитного коридора к перспективным мировым рынкам сырья и сбыта готовой продукции и т.д.

С этой точки зрения Республика Бурятия занимает особое географическое положение. Она расположена в пяти часовых поясах по отношению к западным и восточным окраинам России, в одном поясе с Монголией и Китаем. Являясь самым восточным национальным образованием России, Бурятия находится в зоне непосредственного контакта с остальной Азией. Через территорию республики проходят три железнодорожные магистрали, связывающие запад и восток. Ответвление от Транссибирской магистрали на Улан-Батор является кратчайшим железнодорожным путем до Пекина и соответственно до крупнейших месторождений золота, каменного угля, меди, урана и др. стратегических минерально-сырьевых ресурсов Монголии.

Вместе с тем, необходимо отметить, что к этим объектам проявляет особый интерес Китай, который интенсивно развивает на своих западных и северных территориях широтно-транспортно-логистический путь с выходом в Среднюю Азию, который почти на 2 тыс. км короче Транссиба. В нем сосредотачиваются трубопроводы, железная и автомобильная дороги для перевозки топлива, продовольствия из Казахстана и др. среднеазиатских республик [6].

Россия вынуждена соперничать за место в формирующейся трансконтинентальной наземной транспортной системе с проектом ТРАСЕКА (Transport Corridor Europe Caucasus Asia), в котором участвуют 14 государств. Цель проекта – восстановление древнего «Великого шелкового пути». ТРАСЕКА – выделяется в качестве самостоятельного евроазиатского транспортного коридора, хотя в его состав не входят коммуникации КНР и др. восточноазиатских государств. Говоря о проекте ТРАСЕКА, необходимо отметить его политическое значение, поскольку поддержка его западными странами означает стремление решить задачу не только экономической, но и политической независимости новых стран от России.

---

* *Тулохонов Арнольд Кириллович* – член-корреспондент РАН, директор Байкальского ин-ститута природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ, e-mail: atul@binm.bsnet.ru;

Зомонова Эржена Михайловна – кандидат экономических наук, с.н.с. Байкальского ин-ститута природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ, e-mail: zomerl@binm.bsnet.ru.

На фоне происходящих здесь процессов Россия имеет ряд преимуществ в обеспечении транспортных связей между двумя регионами. Во-первых, она является естественным мостом между Европой и Азией. Во-вторых, российская транспортная сеть сравнительно хорошо развита: Транссиб и БАМ, морские порты во всех бассейнах, сеть воздушных линий и аэропортов, обеспечивающих кратчайшие пути перевозок, направление которых совпадает с направлением грузопотоков. В-третьих, она сможет обеспечить многократно больший объем транзитных перевозок (примерно 15% общего грузопотока) в сообщениях Европа-Азия. В-четвертых, что немаловажно, низкая себестоимость доставки грузов. Сегодня доставка одного 20-футового контейнера по Транссибу не превышает 1600 долл. США, время транзита контейнерных грузов по территории России от порта Восточный до финской границы менее 13 суток, что делает транзит грузов через территорию России особенно выгодным. Соответствующие затраты на транспортировку из Юго-Восточной Азии в Западную Европу стоят порядка 3 тыс. долл. при сроках доставки порядка 30-40 дней [7].

Ключевой веткой российского транзитного коридора выступает маршрут «Санкт-Петербург – Екатеринбург – Красноярск – Иркутск – Улан-Удэ – Чита – Хабаровск – порт Восточный», обеспечивающий доставку грузов из Южной Кореи и Японии. Основными стратегическими ответвлениями являются маршруты: «Уссурийск – Сеул – Пусан», «Чита – Забайкальск – Харбин», «Улан-Удэ – Кяхта – Улан-Батор – Пекин». Второй из названных маршрутов идет по КВЖД до порта Далянь и обеспечивает доставку грузов из восточного и северного Китая. Последний же маршрут позволяет охватить грузопотоки, формируемые в Центральном Китае и Монголии.

В отличие от России, где приоритет отдан развитию магистральных нефте- и газопроводов, мало стимулирующих занятость населения, китайская экономика активно развивает периферийные территории и формирует новые выходы к мировым рынкам. В результате такой диверсификации в Китае еще больше обостряется проблема обеспечения дополнительными источниками сырья и квалифицированной рабочей силой, несмотря на наличие большой численности населения. Поэтому руководство страны уже готово к отмене демографических ограничений, которые на протяжении длительного времени сдерживали рост населения Китая.

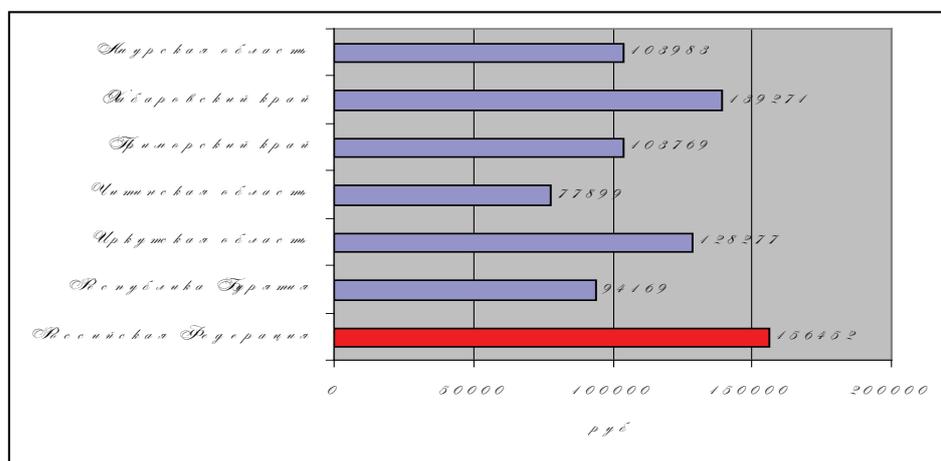

Рис. 1. Валовой региональный продукт на душу населения в 2006 г., рублей

Российская внешняя и региональная политика ориентирована на поставку сырья на азиатские рынки. Такая экономика, в отличие от китайской, практически не влияет на развитие приграничных российских регионов.

По данным статистики, в российских приграничных регионах низкие по сравнению со средними по стране темпы роста ВРП и, как следствие, низкие доходы населения, рис. 1 [1, 9]. Разрыв от среднероссийских темпов роста ВРП для Дальнего Востока и Забайкалья в 2006 г. составлял 22,9 %. Для преодоления отставания темпы роста ВРП на Дальнем Востоке и в Забайкалье должны превышать в перспективе среднероссийские и быть не ниже в среднем 6,5-9,2% в год [4].

По географическому положению наиболее близким соседом Китая является Забайкальский край с населением 1,12 млн человек. С другой стороны границы расположен Автономный район Внутренняя Монголия (АРВМ) с населением чуть меньше 24 млн жителей. До последнего времени это была одна из самых отсталых окраин Китая с преобладающей аграрной экономикой.

С 1990 г. по 2005 г. российские приграничные территории теряли в численности населения. Так, население Читинской области сократилось почти на 200 тыс. человек, в то время как во Внутренней Монголии оно увеличилось на 2,4 млн человек. Согласно пессимистическому прогнозу, если не будут приняты экстраординарные меры, сокращение численности населения региона в период 2015-2025 гг. будет катастрофическим [3].

Следует отметить, что рост населения на китайской стороне идет за счет значительно большей продолжительности жизни и меньшей его смертности. Несмотря на то, что показатели рождаемости в Забайкальском крае (Читинской области) выше, чем в АРВМ, почти в полтора раза, рост численности населения в приграничных регионах Китая выше соответствующих показателей на территории России, рис. 2. При этом даже при сокращающемся населении безработица в Забайкальском крае в 2 раза выше, чем во Внутренней Монголии. Видимо, в связи с этим в Китае отсутствуют или резко ограничены социальные выплаты, особенно сельскому населению.

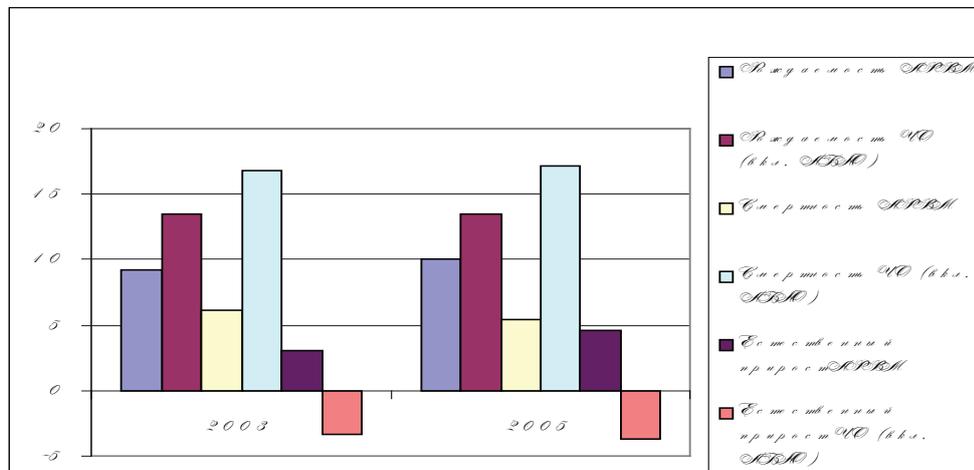

Рис. 2. Показатели рождаемости, смертности и естественного прироста в расчете на 1000 человек [8; 9]

В любом случае по объективным и субъективным причинам экономическая мотивация деятельности китайского населения значительно выше. Поэтому не случайно во Внутренней Монголии Китая только за период 2003 – 2006 гг. посевная площадь увеличилась с 5753 тыс. га до 8201 тыс. га, а в Читинской области уменьшилась с 370 тыс. га до 278 тыс. га. Подобные соотношения характерны для площадей зерновых и овощных культур. Резко возросли и показатели производства мяса на душу населения, которые превышают показатели Читинской области в 3 раза (табл.1).

Таблица 1

Основные социально-экономические показатели развития Автономного района Внутренняя Монголия и Забайкальского края*

	2003	2005	2006
Ожидаемая продолжительность жизни, лет			
АРВМ	69,87	н/д	н/д
ЧО (вкл. АБАО)	59,7	59,2	61,4
Уровень безработицы, %			
АРВМ	4,5	4,3	4,1
ЧО (вкл. АБАО)	15,1	11,1	8,8
ВРП на душу населения (долл./чел.)			
АРВМ	1083,9	1994,0	2558,7
ЧО (вкл. АБАО)	1537,4	2259,6	
Производство мяса (кг на душу населения)			
АРВМ	68,4	96,2	106,4
ЧО (вкл. АБАО)	32,9	33,2	35,1
Сбор зерновых культур (кг на душу населения)			
АРВМ	571,7	698,4	
ЧО (вкл. АБАО)	180,1	259,1	164,2
Поголовье КРС (на душу населения)			
АРВМ	0,26	0,33	0,26
ЧО (вкл. АБАО)	0,37	0,36	0,37
Поголовье свиней (на душу населения)			
АРВМ	0,61	0,71	
ЧО (вкл. АБАО)	0,11	0,08	0,1
Поголовье овец и коз (на душу населения)			
АРВМ	1,87	2,27	2,33
ЧО (вкл. АБАО)	0,46	0,5	0,51
Посевная площадь (тыс. га)			
АРВМ	5752,8	6215,7	8201,0
ЧО (вкл. АБАО)	369,2	285,4	278,0
Посевная площадь зерновых культур (тыс.га)			
АРВМ	4051,5	4373,6	4461,9
ЧО (вкл. АБАО)	289,1	213,3	211
Посевная площадь овощей (тыс.га)			
АРВМ	192,1	221,5	251,7
ЧО (вкл. АБАО)	4,4	4,3	4,4

* Составлено по данным National Bureau of Statistic of China; Читинская область в цифрах; Статистический ежегодник. 2007: Стат.сб./Читастат.- Чита, 2007.- 363 с.

При этом потенциал сельского хозяйства российских приграничных регионов реализован слабо, значительная часть пашни не используется, не используются также современные агротехнологии. Сократилось поголовье скота, низка их продуктивность. Республика Бурятия и Забайкальский край традиционно относятся к регионам с более высоким удельным весом сельского хозяйства в ВРП, что, как известно, является дополнительным источником депрессивности. Существенное сокращение сельскохозяйственной продукции привело к тому, что прилегающие к российской территории районы Китая переориентировались на их снабжение своей продукцией.

Продовольственная безопасность на протяжении долгого времени была одной из основных задач китайского руководства. Проблема управления сельскохозяйственным сектором экономики стала еще острее с принятием Китаем обязательства ВТО в области сельского хозяйства. В частности, были сокращены таможенные тарифы и введены жесткие ограничения на использование сельскохозяйственных субсидий, которые позволили значительно повысить открытость китайского рынка. Эти меры позволили Китаю стать крупным экспортером товаров с большой добавленной стоимостью и большой трудоемкостью, таких как продукты садоводства, животноводства, рыбного хозяйства.

Необходимо отметить, что китайская экономика также страдает из-за сильных различий между восточными анклавами современного развития и отсталыми внутренними провинциями, но поиск ренты в относительно бедной природными ресурсами среде не сказался негативно на развитии промышленности, экспортного и импортозамещающего секторов [5]. Как результат этого поиска на северо-востоке Китая сформировался и продолжает активно развиваться мощный комплекс деревообрабатывающих и нефтехимических предприятий, рассчитанный на экспорт российского сырья.

Таким образом, китайское правительство поощряет создание добавленной стоимости, особенно в экспортном секторе, привлекающем значительные объемы прямых иностранных инвестиций, в то время как российское правительство делает упор на добычу полезных ископаемых, а также на внешние эффекты экспорта и импорт дешевых китайских товаров.

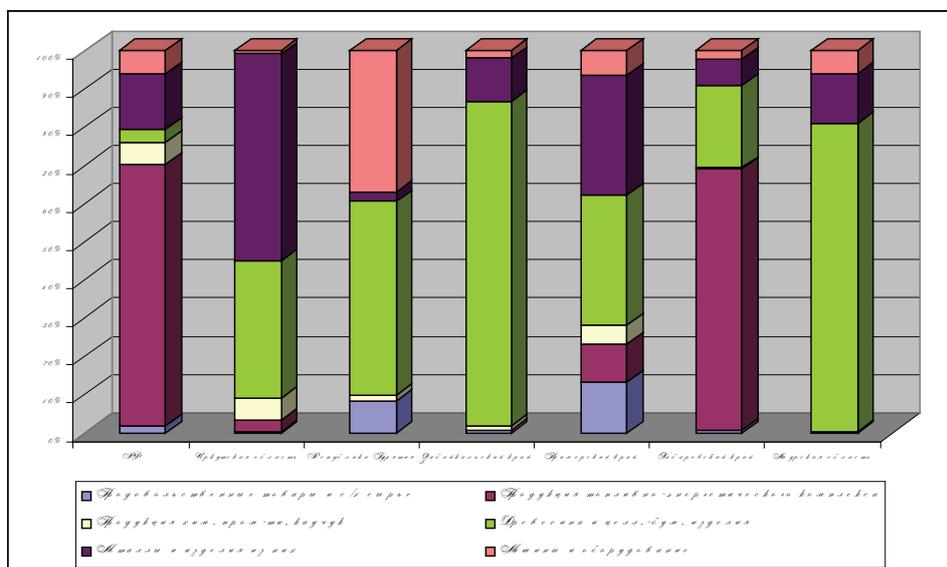

Рис. 3. Товарная структура экспорта в 2006 году, %

Экспортная структура товаров северо-восточных приграничных российских территорий характеризуется особой несбалансированностью, если не сказать гипертрофированностью. Экспорт практически сведен к монокультуре в добывающих и низкотехнологичных отраслях. В основном это продукция лесного комплекса. В Забайкальском крае и Амурской области экспорт продукции лесной отрасли в 2006 г. составлял 85% и 81%, соответственно, в Бурятии около половины регионального экспорта, около трети – в Иркутской области и Приморском крае (рис. 3). Воротами для экспорта леса в Китай служат три таможенных пункта: Наушки на территории Республики Бурятия, Забайкальск в Забайкальском крае и Гродеково в Приморском. К 2007 г. в Забайкальском крае древесина стала по существу единственным экспортным товаром, ее доля в экспорте края достигла 94,3%. Устойчивый рост спроса на лесную продукцию, в основном на круглый лес, объясняется, с одной стороны, запретом китайского правительства на собственную лесозаготовку, с другой стороны, поддержкой собственной лесоперерабатывающей промышленности. Так, в 2003 г. в Маньчжурии был построен современный лесоперерабатывающий комплекс, базирующийся на российском сырье, с годовой мощностью 1 млн м³, включающий в себя 17 деревообрабатывающих заводов с объемом инвестиций в 1 млрд юаней [2]. Российский лес обрабатывается на таких заводах и далее отправляется на экспорт в Японию, США, занимая до 50% их экспортной квоты.

Структура импорта в приграничных регионах по данным Госкомстата РФ с точки зрения воспроизводственного процесса противоположна структуре экспорта. Основную ее долю занимает импорт машин и оборудования. В Бурятии и Хабаровском крае эта доля составляет более двух третей, а в Приморском крае – более 50 % всего импорта (рис. 4). Такая структура торговли свидетельствует о том, что приграничные регионы не реализуют преимущества в развитии внешнеэкономических связей своего географического положения, что объясняется во многом низкой конкурентоспособностью товаров и неразвитостью внутренних рынков.

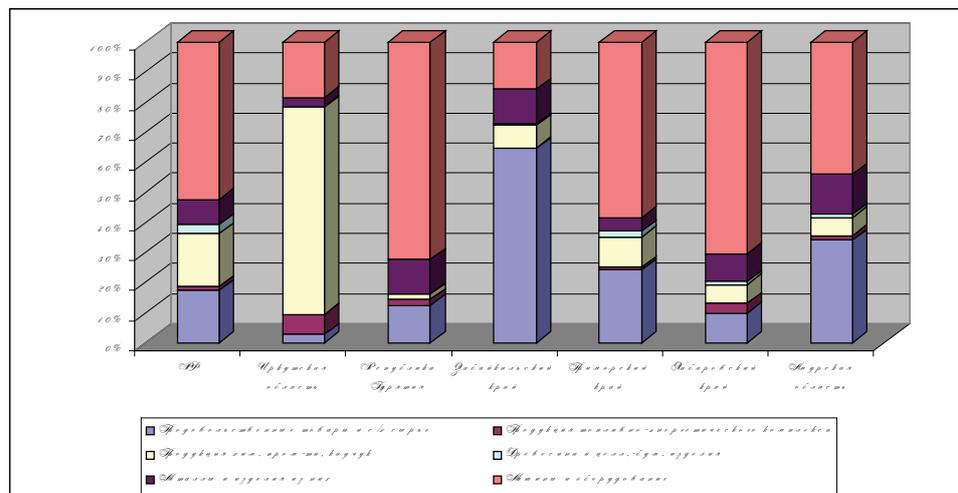

Рис. 4. Товарная структура импорта в 2006 г., %

Локомотивом экономического роста и устойчивого развития приграничных территорий должен оставаться их внутренний рынок и сокращение межрегионального неравенства, поскольку российские приграничные территории являются

депрессивными не только по отношению к другим российским регионам, но и к периферийным регионам государств, являющихся географическими соседями. Это означает, что необходимо вернуться к идее использования территориального ресурса страны и вновь начать освоение приграничных территорий. Для преодоления этих негативных тенденций нужны новые макроэкономические подходы для социального и экономического развития приграничных регионов. В частности, использование уже имеющихся и создание новых возможностей для переработки сырья в продукцию более глубокой переработки для увеличения прибыльности от производства продукции и преодоления роли «сырьевого придатка».

Необходимо развивать в приграничных регионах экспорт не топливных ресурсов, а электроэнергии, продукции нефтепереработки и газохимии, продовольственных товаров, машин и оборудования. Несмотря на проблемы, обрабатывающие отрасли являются базовым фундаментом формирования кластеров, ориентированных на законченный цикл «добыча-переработка». Речь идет о развитии на этих территориях горнодобывающих кластеров, кластеров легкой промышленности, строительства и строительных материалов, лесопромышленных кластеров. Кроме того, необходимо завершить формирование в приграничных регионах интегрированных транспортно-логистических кластеров.

Для продовольственной безопасности регионов азиатской части России необходимо решение, как минимум, двух задач: во-первых, задачи закрепления населения на селе и освоения заброшенных земель; во-вторых – увеличения производства экологически чистой продукции животноводства. Реализации этих задач будет способствовать развитие агропищевого кластера, который позволит возродить эффективную традиционную систему животноводства для регионов Южной Сибири и Забайкалья, учитывающую специфику суровых природных условий, традиции местного населения и породные особенности аборигенного скота, максимально приспособленного для круглогодичной пастбы.

Однако задача развития периферийных сибирских и дальневосточных территорий не может быть отложена в «долгий ящик», поскольку «локомотив» регионов-доноров не в состоянии решить все федеральные проблемы. Наиболее результативная форма решения поставленных задач может, по нашему мнению, появиться как результат детального анализа территориальной специфики экономики с выделением элементов рентных отношений.

Как известно, природно-ресурсная рента лежит в основе экономики нефтяных регионов, а энергетическая рента позволяет развивать энергоемкие отрасли Красноярского края и Иркутской области, использовать преимущества лесных и приморских территорий. Для каждого региона можно выделить факторы, благоприятствующие развитию определенных отраслей производства, и за их счет компенсировать негативные условия стагнации экономики.

Использование таких новых форм приграничного сотрудничества, как «еврорегионы», возможно, поможет преодолеть сложившуюся в настоящее время парадоксальную ситуацию в приграничных территориях азиатской части России. Несмотря на положительное сальдо товарного баланса эти регионы, тем не менее, платят своеобразную ренту отсталости сопредельным территориям Китая, что проявляется в преобладании челночной торговли, насыщающей потребительские рынки относительно дешевыми товарами. Кроме того, в силу экономической неразвитости эти регионы вынуждены выплачивать такую же ренту и центральным российским регионам, поглощающим человеческий потенциал этих территорий и постепенно

устанавливающим контроль за финансовыми и товарными потоками приграничных территорий.

В целом сравнение показателей социально-экономического развития Забайкальского края и Автономного района Внутренняя Монголия КНР не в пользу первого. Еще более контрастно развивается китайский город Хайхэ, расположенный на противоположном берегу Амура напротив Благовещенска. Еще в начале 90-х годов мы наблюдали полуразрушенные фанзы и грузовики ЗИС-5. Сегодня диаметрально противоположная ситуация. Наши «челноки» помогли построить китайцам современные города Хайхэ, Манчжурия, Муданьзян и др., в которых начинают переселяться российские граждане. Для российских туристов в степи вблизи г. Манчжурия построен крытый горнолыжный стадион.

Это во многом явилось результатом целенаправленной политики Китая в отношении своих приграничных провинций на выравнивание территориальных диспропорций за счет роста объемов внешней торговли, увеличения бюджетных инвестиций на развитие приграничной инфраструктуры.

Чтобы внешнеэкономические отношения с приграничными китайскими провинциями и монгольскими аймаками стали «локомотивом» для выхода из депрессивного состояния многих приграничных российских регионов (от Алтая до Приморья), необходимо принять правовые акты, регламентирующие торговые отношения с соседними государствами, в т.ч. необходимо принять федеральный закон «О приграничном сотрудничестве в Российской Федерации».

Более того, режим наибольшего благоприятствования должен быть создан и на уровне приграничных муниципалитетов, экономика которых должна иметь, как минимум, два равнозначных источника финансирования за счет как региональных поставок, так и внешнеторговой деятельности и культурных связей. Именно эти районы должны максимально использовать преимущества своего пограничного положения и быть своеобразным «фасадом» российской государственности для ее гостей.

Между тем, сегодняшняя реальность показывает, что внешнеэкономические отношения между государствами никоим образом не влияют на уровень жизни жителей, живущих вдоль государственных границ. Как бы в ответ на современные реалии, наши пограничные службы вновь восстановили ограничения на доступ в приграничные районы. Вероятно это только часть из причин удручающего состояния наших таможенных пунктов и депрессивного состояния населения на прилегающих территориях. В условиях нарастающей безработицы и замкнутости экономического пространства усиливается миграция в центральные районы, распространяется контрабандная деятельность по вывозу в Китай добытых незаконным путем ценных видов природного сырья, незаконно приобретенной и укрытой от налогообложения промышленной продукции. Эти явления резко контрастируют с миграционной и таможенной политикой и, как следствие, с экономическим развитием и ростом населения на другой стороне границы, что может иметь катастрофические последствия для России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валовой региональный продукт по субъектам Российской Федерации в 1998-2006 гг.- Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/free/b01_19/IssWWW.exe/Stg/d000/vrgp98-06.htm.
2. Грибова С.Н. Забайкальский край и Китай в торговле лесом: новые подходы // Пространственная экономика, № 4, 2008. – С.139-152.

3. Дмитриев М. Россия-2020: демографические вызовы экономическому росту // Экономическая политика, № 2, 2007. – С.123-134.
4. Проект стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока, Республики Бурятия, Забайкальского края и Иркутской области на период до 2025 года. – С. 165. – Режим доступа: [http://www.minregion.ru/OpenFile.ashx/project_DVZ_19dec\(5\).doc?AttachID=2121](http://www.minregion.ru/OpenFile.ashx/project_DVZ_19dec(5).doc?AttachID=2121).
5. Роузфилд С. Иллюзия вестернизации в России и Китае // Экономическая наука современной России, № 3 (38), 2007. – С. 117-133.
6. Титаренко М.Л. Экономическое взаимодействие России с Китаем // ЭКО. №3, 2008. – С. 68-77.
7. Томчин Г. Россия – страна транзита // Экономическая политика, № 3, 2008. –С.190-196.
8. China statistical yearbook 2006: National Bureau of Statistics of China.- China Statistics Press.- Beijing, 2004. – 1028 p.
9. China statistical yearbook 2007: National Bureau of Statistics of China. – China Statistics Press. – Beijing, 2004. – 1030 p.

ЛОКАЛЬНЫЕ КОНТАКТНЫЕ ЗОНЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА*

С.П. Быстрицкий, Н.С. Фролова**

Тематика формирования контактных географических структур в АТР разрабатывается в Институте географии РАН. Ее научным руководителем является академик П.Я. Бакланов, которым выполнено ряд исследований и опубликовано несколько монографий.

По определению института: «В зонах длительного контакта различных сред и структур образуются специфические контактные структуры. Их важнейшая особенность – наличие границ и взаимодействующих приграничных структур» [1, с.9]. Подобные структуры имеют устойчивую выраженность и большую протяженность в пространстве. Авторы выделяют три типа контактных географических структур – акваториальные, приграничные, а также смешанные. Первый тип структур образует сочетания природных, природно-ресурсных и хозяйственных компонентов в зоне контакта, стыка суши и моря, океана. Второй тип контактных структур образуют сочетания природных, природно-ресурсных и хозяйственных компонентов. В них входят также структуры расселения, расположенные по разные стороны от государственной границы, в приграничных районах двух соседних стран. Третий – совмещение структур первого и второго типов, когда к морским побережьям подходят государственные границы [2, с. 31].

Обширная приокеаническая зона суши Северо-Восточной Азии (СВА) и прилегающая к ней прибрежная акватория океана рассматривается в целом как зона контактных географических структур. В такой зоне в направлении от океана к побережью происходит сгущение государственных контактов, особенно в юго-восточном направлении. В результате такого «сгущения» образуются контактные географические

* Выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 09-02-88203 а/Т).

** *Быстрицкий Станислав Пахомович* – кандидат экономических наук, заслуженный экономист России, зам. директора по науке Дальневосточного НИИ рынка при Минэкономразвития России, г. Хабаровск;

Фролова Наталья Сергеевна – ведущий экономист Дальневосточного НИИ рынка при Минэкономразвития России, г. Хабаровск, e-mail: frolova.nc@rambler.ru.

структуры. По признакам общности географического положения и соответствующих характеристик в восточных районах России сегодня выделяются следующие сегменты контактных структур по стыку суши с разными морями: Берингоморский, Охотоморский, Камчатский и Япономорский сегменты; по выходу к разным странам выделяются сегменты территорий и акваторий, выходящие непосредственно к североамериканским странам, Японии, Северной Корее, Китаю.

Контактные структуры выполняют различные экономические и геополитические функции. Для восточных регионов России наиболее важными являются экономические контактные функции. Они обеспечивают:

- взаимодействие сухопутных видов транспорта с морским транспортом;
- комплексирование в использовании природных ресурсов суши и моря;
- сочетание сухопутных территориальных видов деятельности с морскими видами деятельности;
- контактные функции, связанные с выходом дальневосточных районов России к странам АТР (внешнеэкономическая деятельность, научно-технические и гуманитарные связи);
- контактные геополитические функции – обеспечение безопасности страны и устойчивости государственных границ [3, с. 161].

Очевидно, что формирование географических контактных структур идет через развитие локальных структур или зон. Локальная контактная зона – это место (территориальное пространство), где осуществляются контактные функции по взаимодействию России с сопредельными государствами. В этом процессе участвуют: предприятия, государственные структуры, муниципальные районы, население; здесь происходит включение глубинных регионов в международный обмен. Через такие зоны реализуются общенациональные интересы, а также интересы самих регионов (власти, бизнеса и населения). Регионы, используя близость тех или иных стран, включаются в глобальный процесс обмена продуктами и услугами, культурными ценностями и научными достижениями. В итоге формируется особая социально-экономическая система, ориентированная на потребности и возможности внутреннего и внешнего рынков. Она одновременно учитывает особенности экономического, социального и культурного развития соседей.

Выполнение контактных функций достигается за счет того, что территория имеет выход к морскому побережью, является транспортным узлом, связывающим воедино железнодорожный, автомобильный и морской пути сообщения, расположенные на стыке приграничных территорий. Локальная контактная зона образует собой систему синергетического действия единого регионального пространства.

Такая система включает в себя три уровня, первый из которых – это территориальное развитие на локальном уровне (импульс развития для муниципальных образований, входящих в локальную контактную зону), которое способствует за-

Рис. 1. Схема размещения бухт Ванино-Советско-Гаваньской локальной контактной зоны

ности населения, поступлению средств в бюджет различных уровней, развитию малого бизнеса, инфраструктуры, культурных связей с муниципалитетами.

Второй уровень – это регион (субъект федерации) – развитие межрегиональных и международных связей (внешнеэкономическая деятельность, научно-техническое сотрудничество), формирование соответствующего образа, имиджа региона.

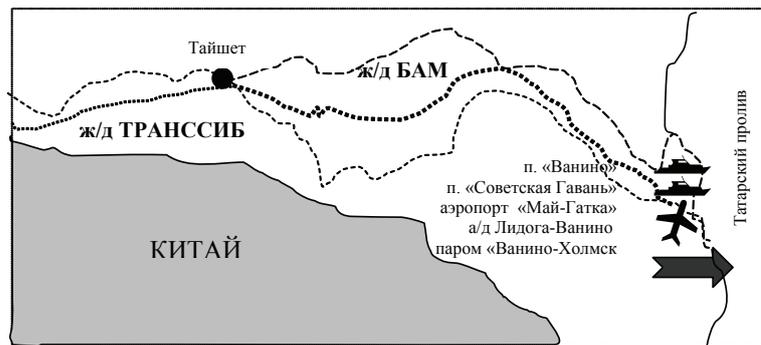

Рис. 2. Схема транспортных сообщений Ванино-Советско-Гаванской локальной контактной зоны

Третий уровень – это реализация общенациональных интересов страны через развитие регионы, включение ее в международный обмен и сотрудничество, обеспечение безопасности и устойчивости государственных границ (отслеживание, мониторинг геополитических интересов и проблем в регионе).

В настоящее время примерами создания и развития подобных зон в Дальневосточном регионе являются - Хасанская, Владивостокская, Находкинская, Уссурийская-Гродековская, Ванино-Советско-Гаванская, Магаданская, Петропавловск-Камчатская, Сахалинская, Благовещенская, Забайкальская контактные зоны.

Развитие локальных контактных зон – это стратегический код включения России в интеграционные процессы АТР. К наиболее перспективным зонам развития в ближайшие 20-30 лет следует отнести локальные контактные зоны – Находка, «Большой Владивосток», Ванино-Советско-Гаванская.

Формирование локальной контактной зоны в Ванино-Советско-Гаванском районе на территории Хабаровского края – это новый крупномасштабный научный проект по созданию высокоэффективного производственного комплекса на востоке Российского Дальнего Востока за счет включения его в интеграционные процессы и более полного обеспечения контактных функций взаимодействия России и АТР.

Создание такой зоны исходит из следующих условий и предпосылок:

- заинтересованности Правительства РФ в формировании, укреплении границ на Дальнем Востоке, создании «сильных» регионов (зон экономического роста) на всей территории России;
- заинтересованности Правительства Хабаровского края в развитии региона (социально-экономическом, промышленном, транспортном);
- заинтересованности бизнеса, инвесторов, в т.ч. иностранных в создании и реализации проектов на территории, входящей в состав локальной контактной зоны;
- населения – в создании комфортных условия для проживания путем реализации своего трудового и интеллектуального потенциалов.

Основными районами, образующими локальную контактную зону, являются Ванинский и Советско-Гаванский районы, численность населения которых 86,1 тыс. чел., общая площадь 41,3 тыс. км². В состав зоны входят 26 населенных пунктов, большинство из которых расположено вдоль железнодорожной магистрали Комсомольск-на-Амуре – Советская Гавань.

На севере зона граничит с Ульчским районом, на западе – с Нанайским, Комсомольским и Богородским районами. С юга она окружена глубоководным зал.

Советская Гавань, с востока омывается водами Татарского пролива. Ее отличительная характеристика – примыкание к ней системы бухт, наиболее крупные из которых – Мучке, Ванина, Обманная, Северная, Западная, Юго-Западная (рис. 1). Ключевыми отраслями экономики являются морской транспорт, лесопромышленный и рыбный комплексы, судоремонт.

Рис. 3. Схема размещения природных ресурсов, на территориях, тяготеющих к Ванино-Советско-Гаваньской локальной контактной зоне

Транспортный каркас Ванино-Советско-Гаваньского узла формирует железная дорога Комсомольск-на-Амуре – Советская Гавань (восточный участок Байкало-Амурской железнодорожной магистрали) и автомобильная дорога Лидога-Ванино, обеспечивающая круглогодичную связь района с автомобильной и железнодорожной системами России. Она является связующим транспортным звеном в сообщении зоны с Амурской областью, Еврейской Автономной областью и Хабаровского краем (рис. 2).

Внешняя транспортная инфраструктура района представлена железнодорожными магистралями – Транссиб и БАМ. Транссиб - двухпутная, полностью электрифицированная железнодорожная линия протяженностью около 10 тыс. км, технические возможности которой позволяют освоить объемы перевозок грузов в ближайшей перспективе до 100 млн тонн в год. Эксплуатационная длина Байкало-Амурской железнодорожной магистрали от Тайшета до Советской Гавани с учетом примыкающих участков Известковая – Новый Ургал – Чегдомын; Дземги – Комсомольск – Сортировочный – Волочаевка-2, Тында – Штурм, участок Бестужево – Нерюнгри составляет 5676 км.

Ванинский морской торговый порт круглогодичного действия специализируется на переработке практически всех видов грузов. География каботажных грузов включает в себя Магадан, Камчатку, Чукотку. Через Ванино поставляются грузы в большинство стран Азиатско-тихоокеанского региона. Географическое расположение порта открывает выходы к морю грузам, идущим с запада по Байкало-Амурской и частично – Транссибирской железнодорожным магистралям. В 10 км к северо-востоку от пгт. Ванино в бухте Мучке формируется крупнейший в России порт по перевалке угля. Советская Гавань – морской рыбный и торговый порт, который по своему расположению, метеорологическим и гидрологическим условиям является единственным портом – убежищем в этом районе для судов практически при всех направлениях ветров, особенно в осеннее время, изобилующее штормовыми погодами. В 36,5 км от Ванино на территории Советско-Гаваньского района расположен аэропорт «Май-Гатка», который связывает район с другими регионами Дальнего Востока и России.

Формирование Ванино-Советско-Гаваньской локальной контактной зоны определяется следующими факторами перспективного развития.

Примыканием к международным транспортным коридорам (МТК).

Ванино-Советско-Гаваньская зона имеет прямой выход на две железнодорожные магистрали – Транссибирскую и Байкало-Амурскую. Транссибирская магистраль входит в МТК «Восток-Запад», дает возможность Ванино-Советско-Гаваньской контактной локальной зоне (ВСГКЛЗ) участвовать в международных транспортных процессах, осуществляя при этом реализацию своего транзитного потенциала между Европой и АТР.

Северный широтный ход Трассиба – Тайшет-Ванино – проходит по трассе БАМ и соединяется в Тайшете с Транссибом. По коридору проходит основная часть сахалинского и северного грузопотока. И по нему же осуществляется основные грузоперевозки в страны АТР [4, с.63].

Формирующийся международный автомобильный транспортный ход «Харбин – о. Большой Уссурийский – Ванино» сможет обеспечить движение грузов из провинции Хэйлунцзян в порты зоны и далее – в США, на Хоккайдо, в Корею, Южный Китай (порты Янцзы и Хуанхэ), Гонконг и Тайвань.

Особенно нужно отметить наличие огромных запасов природных ресурсов (рис. 3), расположенных в зоне влияния ВСГКЛЗ. В ближайшие годы на базе Эльгинского месторождения предполагается строительство разреза мощностью 30 млн т. в год с обогатительной фабрикой, позволяющей довести отправление угольного концентрата и промпродукта на экспорт до 22 млн т. Эльга – крупное неразработанное месторождение жирных коксующихся углей. Лицензированные запасы составляют 2,2 млрд т., а в прилегающих к месторождению областях находится еще до 40 млрд т различных марок углей. Начато (и временно приостановлено) строительство 315-километрового участка железной дороги от станции Улак Байкало-Амурской магистрали до Эльги.

Удско-Селемджинский железорудный район, площадью около 5 тыс. км.², удален от БАМа на 180-260 км. Мощность рудных залежей 40-80 м, протяженность рудных тел от нескольких сотен метров до 4-6 км. Прогнозные ресурсы оцениваются в 10-12 млрд тонн со средним содержанием железа 32-43 %. Руды по составу – магнетитовые, магнетит – гематитовые. Значительная часть руд связана с гематитом, что потребует сложных методов обогащения, в том числе полного измельчения руды [5, с. 63]. Здесь же расположен крупнейший на востоке страны бассейн агроруд.

Куранахское месторождение титаномагнетитов и ильменита находится на северо-западе Амурской области. Лицензируемая территория Куранахского рудного поля 85 км², добыча на месторождении ведется открытым способом. На месторождении ведется строительство обогатительной фабрики по производству титаномагнетита и ильменита. Производственные мощности уже проектируемого предприятия составят 900 тыс. т в год титаномагнетитового концентрата, с перспективами роста в несколько раз.

Месторождение магнетит-ильменитовых руд Большой Сейим расположено в Тындинском районе Амурской области. Лицензионный участок покрывает площадь в 26 км² и распространяется на глубину в 1000 метров. По условиям лицензионного соглашения геологоразведочные работы должны быть закончены к декабрю 2010 года, а производство должно начаться к декабрю 2012 г. с минимальной мощностью в 2 млн т руды в год.

Чинейское месторождение медно-сульфидных и ванадийсодержащих титаномагнетитовых руд находится в Каларском районе Читинской области. Запасы месторождения оцениваются в 1,5 млрд т руды и 30,3 млрд т двуокиси титана. Удоканское медное месторождение с запасами 18-20 млн т меди.

Значительный интерес представляют железорудные месторождения ЕАО (Мало-Хинганский железорудный район, Кимканское, Сутарское, Костеньгинское железорудные месторождения) и Гаринского месторождений железных руд Амурской области, общие запасы которых оцениваются в 3,4 млрд т.

Вопреки прогнозам по снижению потребления минерального сырья в мире и странах АТР растет потребление угля, нефти, газа, железных и цветных руд. Мощный импульс этим процессам дает Китай. Он еще не закончил этап индустриального развития и, следовательно, будет определять общие тенденции развития АТР. Итак, растущий спрос в АТР и в мире на сырьевые ресурсы – это второй фактор формирования локальной контактной зоны именно на оконечности БАМа.

Повышение спроса на уголь обусловлено значительными его запасами и доступностью, в сравнении с другими видами углеводородного топлива. Увеличение перевалки лесных грузов через ВСГЛКЗ обуславливается повышением спроса на лесоматериалы в странах АТР и загрузкой южных портов ДВФО. Рост спроса на внешних рынках на цветные металлы будет происходить за счет возрастающей доли потребления алюминия (тара и упаковка, электротехника и энергетика), меди (кабельные изделия), никеля (черная металлургия, машиностроение, энергетика).

Растущий спрос на коммуникационные услуги в связи с интернационализацией мировой экономики, поиском безопасных маршрутов движения грузов поднимают конкурентоспособность всех портов Дальнего Востока. Это является хорошим стимулом реализации следующих задач [6, с. 30]:

- в бухте Мучке на основе строительства угольных терминалов создание комплексов по переработке угля;
- в порту Ванино и прилегающих к нему территорий и акваторий Малой Ванина – осуществление строительства причалов для навалочных грузов, переработки металлов, лесных грузов;
- на территории, прилегающей к заливу «Советская Гавань», формирование портовой особой экономической зоны;
- в бухтах, прилегающих к п. Заветы Ильича (Обманная, Северная, Западная), перспективно формирование крупнейшего порта по перевалке транзитных контейнеров.

Среди заинтересованных фирм по развитию ВСГЛКЗ:

- ОАО «Сибирская угольная компания» (СУЭК) осуществляет строительство угольного терминала в бухте Мучке порта Ванино, мощностью 12 млн т. для экспорта угля в страны АТР. Планируется через построенный терминал осуществлять перевалку угля из Бурятии и Кузбасса.
- ОАО «Мечел» начинает строительство собственного угольного терминала в районе пос. Ванино. Он будет являться важной составляющей частью проекта разработки Нерюнгринского и освоения Эльгинского каменноугольных месторождений. Расчетная пропускная способность специализированного угольного производственного комплекса (СУПК) Ванино должна составить 25 млн т. в год. Ввод в эксплуатацию первой очереди терминала мощностью 15 млн т планируется в 2012 г., второй очереди мощностью 15 млн т - к 2015 г. Стоимость нового проекта оценивается в 12 млрд руб.
- ЗАО «Управляющая компания «Базовый элемент» планирует в порту Ванино строительство причала длиной 240 м и глубиной 12,5 м для отгрузки до 500 тыс. алюминия в год судовыми партиями до 45 тыс. т. Кроме того – еще и строительство причалов № 21 и 22 для отгрузки 600 тыс. т лесных грузов.
- ОАО «Сахатранс» планирует возведение терминала по переработке железной руды, угля, древесины, контейнеров ежегодным объемом до 25 млн т.
- компания «Ариком» планирует построить в заливе Советская Гавань на

мысе Марии перегрузочный комплекс железорудных концентратов с ростом мощностей от 1,1 млн т в 2011 г. до 7,1 млн т – к 2015 г.

Выделены значительные государственные средства на усиление железнодорожных подходов, реконструкцию участка Оуэн – Высокогорная со строительством нового Кузнецовского тоннеля на участке Комсомольск-на-Амуре – Советская Гавань, восстановление и строительство развязов; обновление и модернизацию технических устройств станций; реконструкцию и строительство дороги Лидога-Ванино; реконструкцию аэропорта Советская Гавань (Май-Гатка).

В зоне имеются благоприятные условия для проживания населения и формирования нескольких крупных городских поселений – «Ванино-Мучке», «Заветы Ильича», «Советская Гавань».

К факторам, ограничивающим развитие Ванино-Советско-Гаваньской локальной контактной зоны, на данный момент относятся: низкая пропускная способность железной дороги на участке «Комсомольск-на-Амуре – Токи», особенно в районе Кузнецовского перевала; небольшая пропускная способность подъездных железнодорожных станций; низкая степень освоения природных ресурсов, тяготеющих к зоне; наличие неблагоприятных природно-климатических факторов (сейсмичность, мерзлота и т.п.); недостаточное развитие автомобильных и железнодорожных подходов к источникам грузовой базы и пунктам их переработки; недостаточная развитость портовой инфраструктуры.

Создание локальной контактной зоны должно стать важным элементом современной экономики РФ. Однако это потребует привлечения крупных инвестиций частных и государственных; дополнительного населения, формирования крупных городских агломераций, сопоставимых по размерам с Находкой и Владивостоком; развития крупномасштабного жилищного и производственного строительства, индустрии промышленности строительных материалов, электроэнергетики. В русле ее реализации потребуются разработка схемы единой планировки зоны на уровне РФ и включение ее в стратегию развития ДВФО и России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Природопользование в прибрежной зоне: (проблемы управления на Дальнем Востоке России) / П.Я. Бакланов (руководитель авторского коллектива), И.С. Арзамасцев, А.Н. Качур, М.Т. Романов, Н.Л. Плинк и др. – Владивосток: Изд-во Дальнаука, 2003. – 251 с.
2. П.Я. Бакланов Контактные географические структуры и их функции в Северо-Восточной Азии. Известия Ан. Серия географическая, 2000, № 1. С. 31-39
3. Бакланов, П.Я. Контактные структуры и функции восточных регионов России / П.Я. Бакланов // Вестник ДВО РАН. – 1997. – № 3. – С. 158-168.
4. Леонтьев Р.Г., Хмель В.А. Международные транспортные коридоры: трансформации региональной инфраструктуры: Научное издание. – М.: ВИНТИ РАН, 2003. – С. 380.
5. Онихимовский, В.В. Беломестных, Ю.С. Полезные ископаемые Хабаровского края (перспективные для освоения месторождения и проявления) – Хабаровск: Приамурское геогр. общество, 1996. 484 с.
6. Басова, С.Н., Быстрицкий, С.П., Царионова, Ю.С., Основные направления формирования Ванино-Советско-Гаваньского транспортного узла. Третий Дальневосточный международный экономический форум. В 7 т. Т. 5. Развитие транспортной системы как условие эффективного развития Востока России : материалы круглого стола / Правительство Хабаровского края. – Хабаровск : Изд-во ТОГУ, 2008. – 197 с.

КРИЗИС И СТРАНЫ БРИК. ИТОГИ ЯНВАРЯ-ФЕВРАЛЯ 2009 ГОДА В ЗЕРКАЛЕ СТАТИСТИКИ

А.Н.Порунов*

Бюджет

Первые месяцы 2009 г. показали, что экономическая ситуация в России складывается не так уж безнадежно, какой она казалась совсем недавно. По оценке Министерства финансов доходы федерального бюджета за январь-февраль составили 1219,1 млрд руб., расходы –1102,8 млрд руб., а профицит бюджета – 116,3 млрд руб [1]. Хотя согласно проекта скоординированного бюджета по итогам 2009 г. предполагается дефицит в объеме 7,4% ВВП или около 87,4 млрд долл. Профицит в январе-феврале во многом обусловлен тем, что в этот период происходило зачисление в бюджет доходов от размещения средств нефтегазовых фондов, а также была пересмотрена целесообразность реализации целого ряда статей бюджетных расходов в связи с отсутствием нового утвержденного варианта федерального бюджета. Вместе с тем по сравнению аналогичным периодом прошлого года одновременно имело место падение доходов бюджета на 7% и увеличение расходов на 19% (рис.1).

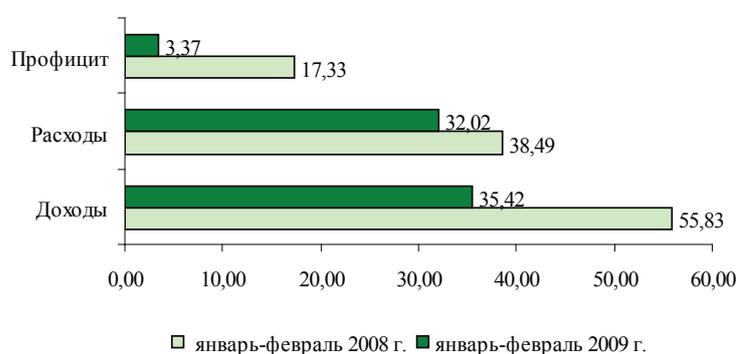

Рис.1. Итоги выполнения государственного бюджета России за январь-февраль 2008-2009 гг., \$ млрд USA

Кризис весьма заметно сказался на снижении поступлений налогов и платежей от важнейших администраторов доходов – налоговой и таможенной служб России. За два первых месяца прошлого года эти службы обеспечили около 20% годовых поступлений, а за январь-февраль 2009 г. – не больше 10% от прогнозируемых годовых доходов федерального бюджета России.

Напряженная экономическая и финансовая ситуация в Бразилии – новость не первого дня, а скорее последних десяти лет. Вот и сейчас, по итогам января-февраля 2009 г., дефицит бюджета (рис. 2) превысил 8 млрд долл. [2]. Причины такого бедственного экономического и финансового состояния Бразилии кроются

* *Порунов Аркадий Николаевич* – кандидат экономических наук, сотрудник лаборатории стратегических исследований и операционного проектирования при Самарском техническом университете, e-mail: gameno@rambler.ru.

Автор выражает признательность коллегам (бывшим сокурсникам по Ленинградскому государственному университету): Родриго Вига Фуентосу Фуентесу из Федерального университета Минас-Жерайс (Бразилия), Арниту Пракаш из Мадрасской школы научного управления (Индия) и Ву Хуану из пекинского Международного университета бизнеса и экономики (Китай), за помощь в получении оперативной статистической информации.

в ее высокой зависимости от циклов экономики США и неэффективной системы государственных финансов, приводящей к постоянному дефициту бюджета и растущему государственному долгу.

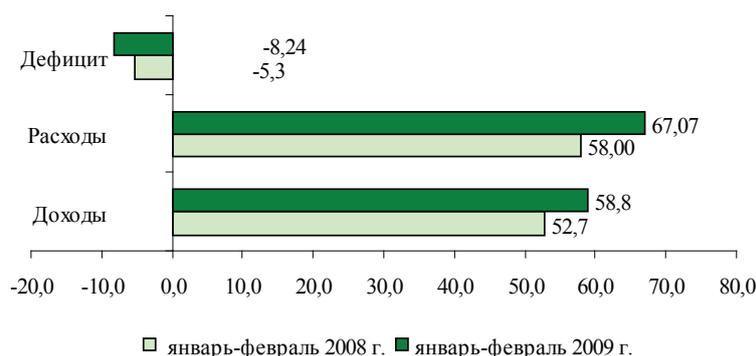

Рис.2. Итоги выполнения государственного бюджета Бразилии за январь-февраль 2008-2009 гг., \$ млрд USA

Итоги первых двух месяцев выполнения нового бюджета Индии на 2008-2009 гг. – огромный дефицит в размере \$22,72 млрд (рис.3) больше говорят о непреодолимой тенденции индийских правительств использовать национальный бюджет в качестве предвыборного оружия, чем о текущем финансовом состоянии страны. **Индия столкнулась с беспрецедентным** замедлением экономического роста, масштабным исходом иностранного капитала. **В декабре прошлого года правительство** выделило экономике стабилизационный пакет в \$8 млрд. Объемы экспорта в Индии сократились впервые за почти 15 лет так, что Центральный банк понизил учетные ставки и позволил правительству одолжить еще \$6 млрд. По итогам 2009 г. ожидается дефицит бюджета до 12% ВВП [3].

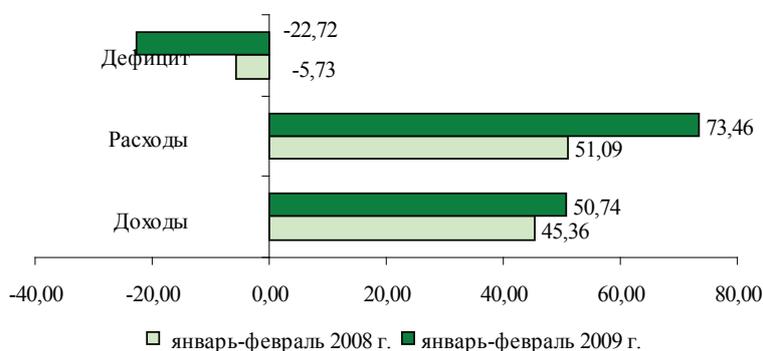

Рис.3. Итоги выполнения государственного бюджета Индии за январь-февраль 2008-2009 гг., \$ млрд USA

По итогам первых двух месяцев 2009 г. Китай в более выгодной экономической ситуации по сравнению с Бразилией и Индией. Дефицит бюджета Китая за этот период составил 23,12 млрд долл. (рис.4), что составляет 0,51% от ВВП [4]. Однако к концу 2009 г., по прогнозам, дефицит составит не менее 140 млрд долл., т.е. в 9

раз больше уровня 2008 г. и достигнет около 3% от ВВП. Подобная ситуация вызвана снижающимися доходами казны и необходимостью увеличения расходов в условиях экономического кризиса. Между тем Китай располагает почти 2 трлн долл. международных резервов, часть из которых аккумулирована в государственном инвестиционном фонде, поэтому существенная часть дефицита может быть покрыта из этих средств. Общая величина расходов на 2009 г. составит почти 1584 млрд долл., что на 21% больше, чем в 2008 г. Доходы же вырастут только на 8% и составят около 1445 млрд долл. В конце 2008 г. Китай принял грандиозную программу стимулирования экономики, на эти цели планируется выделить около 585 млрд долл., безусловно это усиливает давление на бюджет.

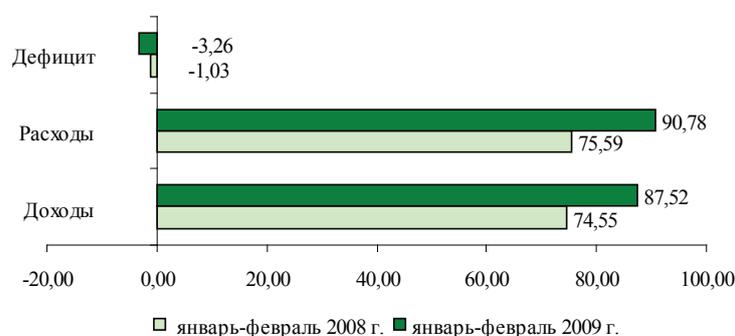

Рис.4.Итоги выполнения государственного бюджета Китая за январь-февраль 2008-2009 гг., \$ млрд USA

Темпы развития промышленного производства

В России индекс промышленного производства, в среднем, в январе-феврале 2009 г., по сравнению с январем-февралем 2008г., составил 85,4% (рис.5), в феврале 2009 г. по сравнению с февралем 2008г. - 86,8%, по сравнению с январем 2009г. - 106,4% [5].

Наиболее значительное падение в сфере добывающих производств отмечено в добыче угля (20,8%) и природного газа (13,2%).

В отраслях обрабатывающих производств падение, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, в среднем составило 16%. Безрадостно выглядит ситуация в машиностроительной отрасли, и все же эта отрасль скорее жива, чем мертва. В сравнении с аналогичным периодом прошлого года здесь наблюдается существенное снижение выпуска машин и оборудования - на 21,2%. Однако понижение курса рубля создало некоторый потенциал конкурентоспособности для предприятий легкой промышленности, поэтому за январь-февраль наблюдался заметный рост выпуска (до 13%) по отдельным ее товарным компонентам к январю-февралю 2008 г.

В целом можно констатировать, что в феврале падение промышленного производства заметно замедлилось, но все же остается очень существенным. Однако считать, что замедление падения производства это тенденция, пока еще нельзя. Большинство аналитиков сходятся во мнении, что оно обусловлено активными инфраструктурными проектами Китая, которые незначительно оживили в первую очередь металлургию и добычу неэнергетических полезных ископаемых в России, а также сезонным фактором (производство удобрений). Как бы то ни было, этот факт свидетельствует об определенной стабилизации в реальном секторе экономики.

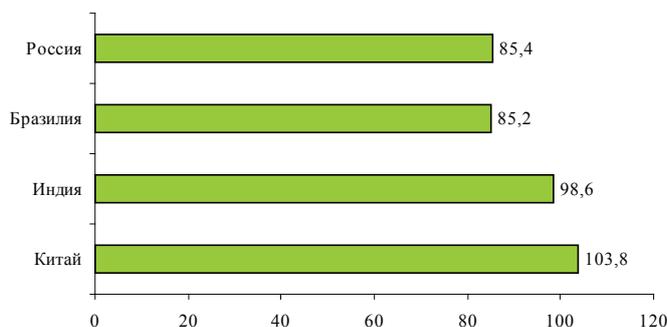

Рис. 5. Индекс промышленного производства в странах БРИК в январе-феврале 2009 по сравнению с тем же периодом 2008 г.,%

В Бразилии спад промышленного производства в январе-феврале 2009 г. составил 14,8 %, по сравнению с соответствующим периодом 2008 г.[6]. За последние 20 лет это самый низкий результат. В машиностроении падение производства составило 17,8%, между тем промышленное производство составляет около 32% экономики страны. Из-за негативного влияния нынешней конъюнктуры дела хуже всего идут в горнодобывающей отрасли (добыча и обогащение железной руды, других металлов и минералов), а также в таких отраслях, как авиастроение, черная и цветная металлургии, производство промышленного оборудования. По этому перечню отраслей спад производства в годовом исчислении варьируется в пределах от 17,3 % до 19,4%. Снижение спроса на промышленные товары на внешнем рынке негативно сказалось на объемах экспорта и торговом сальдо, что стало одной из наиболее тяжелых проблем для сегодняшней экономики Бразилии.

По сведениям Национального статистического бюро Китая в январе-феврале 2009 г. рост промышленного производства в стране замедлился до 3,8% по сравнению с 5,7% в декабре. В первые два месяца текущего года общий объем выработки электроэнергии в Китае сократился по сравнению с тем же периодом прошлого года на 3,7% , выпуска автомобилей – на 1,7%. Темпы падения этих показателей заметно замедлились. Объемы производства «грубой» стали и стального проката выросли соответственно на 2,4% и 3,1%. Добавленная стоимость промышленной продукции выросла на 3,8 % [7]. Тем не менее продолжавшийся в феврале рост банковского кредитования вселяет оптимизм по поводу восстановления деловой активности в сфере национальной экономики. Розничные продажи за первые два месяца нынешнего года тоже замедлились, но не существенно, и это показывает, что китайские потребители, как и экономика в целом, пребывают в лучшей форме, чем другие страны БРИК.

За январь-февраль 2008/2009 финансового года промышленное производство Индии после продолжительного периода роста, вопреки ожиданиям, переместилось в область относительного затишья. По данным министерства промышленности и торговли, индекс объема промышленного производства составил 98,6% от аналогичного показателя прошлого финансового года [8].

В разрезе отдельных отраслей картина по итогам января-февраля по сравнению с тем же периодом прошлого года (в годовом исчислении) выглядит следующим образом:

- производство химической продукции снизилось на 5,5%;
- резинотехнической, пластмасс и нефтехимической продукции сократился на 2,9%;
- черной и цветной металлургий, в среднем, на 11,4%.

Положительную динамику развития показали швейная и текстильная промышленность, производство изделий из кожи и производство ювелирных изделий. Рост наблюдался и в отраслях горнодобывающей промышленности, а также в строительстве –8,2%. Эти отрасли извлекают пользу до сих пор из протекционистской системы высоких бюрократических барьеров и относительно независимого финансового рынка. Вместе с тем государственные пакеты по стимулированию этих отраслей неадекватны ситуации и, по нашему мнению, не окажут существенного влияния на динамику индустрии. Кроме того в этих отраслях предполагается сократить до миллиона рабочих мест – почти половину из двух миллионов сокращений, на которые будут вынуждены пойти все экспортно-ориентированные отрасли индийской экономики, чтобы смягчить последствия глобального кризиса.

Самой динамично развивающейся отраслью индийской экономики по прежнему остается IT- и ITES индустрия (производство информационной и коммуникативной техники, разработка IT-технологий и услуг). Темпы ее роста несколько снизились – до 12,3%. Однако сегодня таких темпов роста не имеет никакая другая отрасль среди экономик стран БРИК.

Фондовые рынки

Конец 2008 г. характеризовался исходом иностранного капитала из еще совсем недавно прибыльных национальных отраслей стран БРИК - строительства, банковского бизнеса, обрабатывающей промышленности и уменьшением капитализации компаний на фондовом рынке: бразильских – на 45%, китайских – на 60%, российских – на 68%, индийских – на 55%. Однако за первые два месяца 2009 г. ситуация изменилась. Фондовые рынки Бразилии, Китая и России оказались чуть ли не единственными в мире, которые с начала 2009 г. показали рост свыше 9% [9].

Российский индекс ММВБ за январь-февраль поднялся на 17% (рис.6), благодаря прекращению девальвации рубля, а также росту цен на металлы на мировом рынке.

В свою очередь бразильский индекс *Bovespa* за тот же период поднялся на 9,4%. Куда больших результатов добился китайский индекс *Shanghai Composite*, поднявшийся за два первых месяца 2009 г. на 22%. Из стран БРИК только в Индии на фондовом рынке наблюдалось падение в общей сложности на 11,4% с начала года. Это худший результат среди всех азиатских рынков (в 2008 г. он потерял 52%).

Между тем за этот же период фондовые индексы в индустриально развитых странах так же показали себя не лучшим образом: американский индекс *S&P 500* с начала года опустился на 7,7%, японский *Nikkei 225* потерял 13,6%, а сводный европейский *Dow Jones Stoxx 600* - 2,7% [10]. Неблагоприятное развитие событий на фондовом рынке Индии было обусловлено сочетанием внутренних и внешних факторов. Падение фондовых рынков в мировых финансовых центрах подняло очередную волну оттока финансовых средств из индийской экономики и фондового рынка. Только за январь-февраль нынешнего года чистый отток капитала в Индии составил \$1,65 млрд.

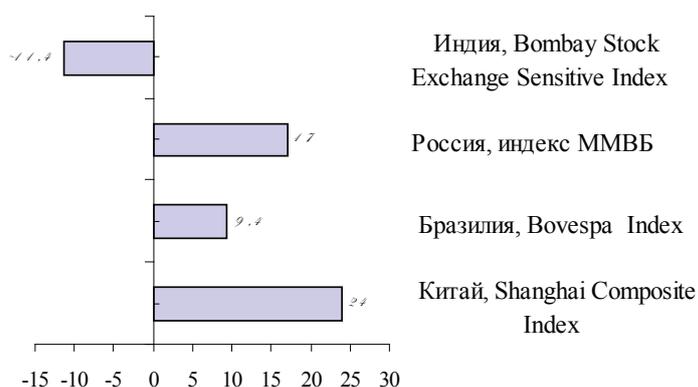

Рис.6. Динамика фондового рынка в странах БРИК в январе-феврале 2009 г. ,%

Безработица

По оценке Росстата в январе-феврале 2009 г. число занятых в экономике понизилось на 0,6 млн человек и на конец февраля равнялась 69,9 млн человек. В начале 2009 г. наиболее заметно проявилось негативное влияние кризиса на российский рынок труда. Численность безработных в феврале 2009 г. составляла 6,1 млн человек (рис.7), или 8,1% экономически активного населения. В годовом исчислении общее число безработных возросло на 1,1 млн человек. Количество официально зарегистрированных безработных за два первых месяца текущего года увеличилось на 156 тыс. человек и составило 1,708 млн человек, или 2,3% экономически активного населения [11]. По нашим расчетам, в феврале 2009 г. коэффициент напряженности (число незанятых граждан, зарегистрированных в госучреждениях службы занятости, в расчете на одну вакансию) для российского рынка труда, по сравнению с соответствующим месяцем 2008 г., увеличился с 1,6 до 2,5, а для негосударственных – с 2,3 до 4,7. По тому как растет безработица в России, видно, что она уже сейчас существенно опережает темпы роста, которые были в перестроечные 90-е годы, и к лету 2009 общее число безработных вполне может превысить цифру в 9 млн человек. Это означает, что незанятыми будут около 12% трудоспособного населения, то есть без работы останется каждый десятый. Предложенные правительством меры по борьбе с безработицей, на реализацию которых выделено более миллиона долларов, пока малоэффективны, поскольку большая часть средств идет на выплату пособий по безработице.

В Китае официальная статистика ведется только по так называемой «городской» безработице. Однако отдельные министерства предоставляют информацию и о неофициальной безработице. Так министерство сельского хозяйства сообщает об ищущих работу в деревнях Китая. В городах Китая официальный уровень безработицы за январь-февраль 2009 г. поднялся до уровня 4,2%, а в абсолютном выражении увеличение городских безработных за этот период составило 3,3 млн человек. Общий уровень безработицы вырос до 9,7% , что составляет более 11 млн человек («городские безработные»). В сельской местности численность безработных за два зимних месяца 2009 увеличилась на 23 млн человек [12]. В значительной степени сокращению подверглись рабочие места, занятые так называемыми «отходниками»-крестьянами, приехавшими в города на заработки.

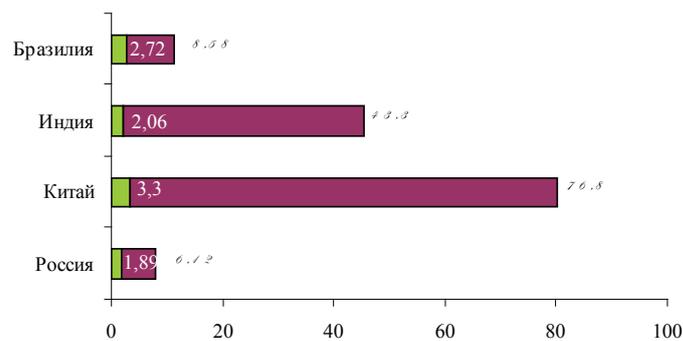

Рис. 7. Общая и официально зарегистрированная численность безработных в странах БРИК в январе-феврале 2009 г. , млн человек

Сокращения столь масштабны, что привели к многочисленным выступлениям протеста в 12 из 23 провинций страны. Только за рассматриваемый период количество рабочих мест в промышленности Китая снизилось почти на 430 тыс., в строительстве – на 270 тыс., а в сфере услуг – на 1580 тыс. Кризис сильнее всего ударил по предприятиям, ориентированным на экспорт, а таких в Китае большинство. Поскольку многие страны опустили шлагбаум в виде высоких таможенных пошлин перед китайским ширпотребом, то объемы производства экспортной продукции резко пошли на убыль и как следствие этого, отпала потребность в миллионах рабочих рук. И тем не менее по заявлению министра людских ресурсов и социальной защиты КНР Инь Вэйминь, сегодня уже можно говорить о некотором улучшении ситуации в сфере занятости. В марте этого года прекратилось падение и наблюдается некоторый рост коэффициента занятости в китайских городах и поселках городского типа, число вновь созданных рабочих мест увеличилось на 690 и 930 тыс. соответственно.

Начало 2009 г. характеризовалось ускорением темпов роста безработицы и в Индии, хотя несравнимо меньшими, чем в любой другой стране БРИК. Но прежде чем привести статистические данные по безработице в Индии необходимо сделать небольшое отступление по поводу системы национальной статистики в этой стране. Сказать, что она (система) значительно отличается от европейской системы учета и отчетности, значит не сказать ничего, индийская система настолько специфична, что без помощи двух индийских коллег, экономистов из Мадраской школы научного управления (Madras School of Management Science) читатель не увидел бы этих строк¹.

Официальный уровень безработицы в Индии на конец февраля 2009 г. составил 3,9% или 2,2 млн человек [13]. Однако эти сведения отражает безработицу в организованном секторе экономики, который включает только 10% рабочей силы страны. Общая численность безработных за январь-февраль 2009 увеличилось на 2,2 млн человек, а общий уровень безработицы достиг 8,2% или 20,4 млн человек. За два первых месяца 2009 г. распределение потерь рабочих мест по основным секторам экономики Индии выглядело следующим образом: текстильная и швейная промышленность – 220 тыс., химия и нефтехимия – 180 тыс., строительство – 120 тыс..

¹ В индийской статистике трудовых ресурсов нет четкого, однозначного определения статуса занятого и безработного. Вместо этих понятий используются расплывчатые, на наш взгляд, категории типа: «как пра-вило, постоянно занятый» («as a rule, the status» (constant employment)), «еженедельно занятый» («the current status a weekly journal»» (weekly employment)), «периодически занятый» («the current status in day»» (daily work)).

Индийские экспортеры потеряли до 1 млн рабочих мест. Вместе с тем безработица практически не коснулась таких сфер, как IT-услуги и сектор FMCG – т.е. производства и реализации так называемых «предметов упакованного ширпотреба». Здесь отмечался даже некоторый рост численности занятых. За январь-февраль 2009 г. доля занятых в общем населении страны в Индии снизилась с 50,5% в конце 2008 г. – до 48,2% [14]. Это самый низкий показатель занятости населения из всех стран БРИК, где эта доля изменяется от 55–61% населения. В сельских районах Индии, где живет 70% населения страны, очень высока скрытая безработица, на сегодняшний день излишки трудовых ресурсов здесь могут превышать 150 млн человек.

Уровень общей безработицы в Бразилии за январь-февраль 2009 г., по данным бразильского Института географии и статистики (IBGE), повысился с 8,2% в январе, до 8,5% в феврале. Численность официально зарегистрированных безработных возросла с 1,9 до 2,7 млн человек. Общая численность безработных составила 8,6 млн человек [15]. Как сообщает министерство труда и занятости Бразилии, экономика страны недосчиталась 655 тыс. рабочих мест. Из них в машиностроении и металлообработке – 145 тысяч, горнорудной промышленности и металлургии – 172, химической – 52 тысячи, в агропромышленном секторе – 214 тыс. Положительная динамика в изменении численности занятых наблюдалась лишь только в двух отраслях – целлюлозно-бумажной (0,5%) и в производстве транспортного оборудования, где отмечен рост на 2,7%.

Потребительский рынок

В январе-феврале 2009 г. в странах БРИК, за исключением России, цены на национальных потребительских рынках практически оставались стабильными или снижались. Так, по данным Национального бюро статистики КНР, за январь-февраль 2009 г. индекс потребительских цен² составил 99,3% (рис.8). Причем цены на мясо, птицу и переработанной продукции сократились на 8,8%, свинины на 18%, на свежие овощи, масла и жиры, свежие фрукты и яйца сократились на 9,3%, 17,2% 5,1%, и 2,9% соответственно. В то же время зерно, напитки, специи повысились на 4,4%, 3,3% и 5,4%. Промышленная продукция за этот же период подешевела в среднем на 8,7% [16].

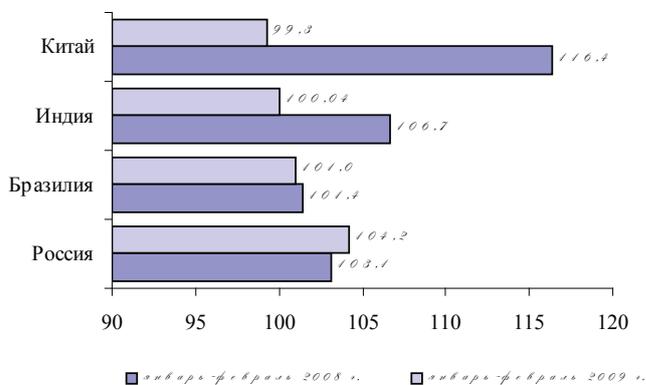

Рис. 8. Индекс потребительских цен в странах БРИК за январь-февраль 2008 и 2009 гг., в % к началу года

² Здесь и далее по странам БРИК представлены гармонизированные индексы потребительских цен, исчисленные по единой методологии в соответствии со стандартами Европейской статистической системы.

Потребительские цены в Индии в январе-феврале 2009 г. повысились на 0,04% по сравнению с декабрем 2008 г. В частности, цены на продукты питания, напитки, табачные изделия за два первых месяца 2009 г. повысились на 0,05%; ткань, постельное белье и обувь и на 0,02% [17]. Резкое торможение инфляции в Индии началось осенью 2008 г. на фоне мирового экономического кризиса, тогда как еще летом прошлого года темпы роста цен били рекорды и «перешагивали» за 12%.

На продовольственном рынке Бразилии с начала 2009 г. ценовой штиль. Индекс потребительских цен за январь-февраль 2009 г. составил 101,03%. Незначительное возмущение в значение индекса внесло февральское повышение на 0,56% цен на продукты, составляющие базовую корзину: мясо – 0,23%, рис – 0,58%, фасоль – 0,44%, молоко – 0,35% и хлеб – 0,22% [18]. Причина роста цен – климатические проблемы и подорожавшие в конце 2008 г. удобрения.

В первой половине марта Росстат опубликовал данные, согласно которым по темпам роста инфляции и расходам на конечное потребление наша страна лидирует с большим отрывом. Цены производителей промышленной продукции в России за январь-февраль снизились на 2,7%, а инфляция на потребительском рынке за это же время достигла 4,1%. Индекс потребительских цен с начала 2009 г. составил 104,2%, в 2008 г. за этот же период – 103,7 % [19]. Дорожает все, или почти все. По итогам двух месяцев 2009 г. только в России наблюдается самый устойчивый рост потребительских цен среди стран БРИК, причем цены на продовольственном рынке России растут быстрее в 3 раза, чем в Бразилии и в 10 раз, чем в Индии.

Эмерджентные итоги

Итоги первых двух месяцев 2009 г. показывают, что расходы домохозяйств БРИК явно недостаточны, чтобы компенсировать спад в США и Европе и сохранить темпы роста мировой экономики хотя бы на уровне 0,3 – 0,5% в год. Их покупательная способность по-прежнему значительно слабее по сравнению с богатыми странами – такими, как США и Япония. Дело в том, что, несмотря на бурное экономическое развитие этих стран, население в них в значительной степени по-прежнему остается бедным, а за чертой бедности находится примерно треть, что отражается на структуре и масштабах рынка потребления. И к данному моменту ситуация не улучшилась. Слои же с высоким уровнем доходов достаточно быстро исчерпали емкость рынка.

Экономика стран БРИК обладает несколько большей устойчивостью, чем экономики Запада по отношению к внешним факторам воздействия в силу специфической, доминантной роли государства в этих странах. И все же кризис повлиял не лучшим образом на темпах роста экономик стран БРИК. Снижение потребления в Штатах и Европе привело к переполнению их собственных рынков (за исключением России), – во всех странах БРИК в 2009 г. обострились проблемы с инфляцией.

Китай в меньшей степени, а Бразилия и Индия находятся в более выгодной позиции для преодоления кризиса, чем Россия. В общем и целом более эффективный контроль над инфляцией, большая диверсифицированность национальных экономик, рост производительности, щедрые социальные программы и политическая стабильность дали этим странам больше пространства для маневров, в то время как в России макроэкономическая среда значительно ухудшилась.

Мировой финансовый кризис продолжает «сжимать» реальную экономику в странах БРИК, предприятия сокращают рабочие места или даже закрываются, численность безработных в этих странах приблизилась к 150 млн человек. Пик безработицы еще не пройден. И все же сквозь океан статистической информации просматриваются симптомы стабилизации экономической ситуации в странах БРИК. Из всей четверки стран экономики Китая и Бразилии на сегодняшний день демонстрируют несколько лучшие результаты. Китай благодаря реализации весьма продуктивной программы стимулирования национальной экономики имеет большие

шансы на решение своих проблем и ускорение темпов экономического развития уже в текущем году. Экономика Бразилии будет первым прицепным вагоном к локомотиву китайской экономики, благодаря растущему спросу со стороны Поднебесной на ее сельскохозяйственную продукцию и минеральные ресурсы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пресс-релиз. Оценка исполнения федерального бюджета за январь-февраль 2009 года. Минфин России. http://www.gks.ru/bgd/free/B09_00/Main.htm
2. Press bulletin. About performance of the federal budget of Brazil in January-February, 2008/2009. The report of the Brazilian Institute of geography and statistics (IBGE). Brasilia, 12 March 2009. Table 41, p.16
3. "Monthly statistical review" Management of statistics Central statistical Departments. Ministry of planning. Delhi, 16 March, 2009, p.123
4. Press bulletin. Ministry of Finance People's Republic of China. Performance of the Allied Budget 2008/2009 in January-February, 2009, 23 March 2009. <http://www.mof.gov.cn/mof/>
5. Федеральная служба государственной статистики. Промышленное производство в январе-феврале 2009 года. http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/39.htm
6. Press bulletin. Federal Industrial production of Brazil in January-February, 2008/2009. The message of the Brazilian Institute of geography and statistics (IBGE). Brasilia, 14 March 2009. Table 48, p.21
7. Press bulletin «About measures on counteraction to global financial crisis». Whether the report of minister of the industry and information of Peoples Republic of China Li Ichgun. Forum "Development of China ". Pekin, 23 March, 2009 P. 12
8. "Monthly statistical review". Management of statistics of the Central statistical department. Ministry of planning. Delhi, March 2009, p. 83
9. Emerging-Market Stocks Soar on Obama Plan, Wiping Out 2009 Loss. <http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=newsarchive&sid=acL7oHYz53kg>
10. Asian Stocks Rise on Japan, China Policy Optimism; Canon Gains. <http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=newsarchive&sid=a8tLDxhbTNJk>
11. Федеральная служба государственной статистики. Информация о социально-экономическом положении России - 2009 год, январь-февраль. Занятость и безработица. http://www.gks.ru/bgd/free/B09_00/Main.htm
12. Ministry of Human Resources and Social Security of the People's Republic of China. <http://www.mohrss.gov.cn/mohrss/Desktop.aspx?PATH=rsbww/sy>
13. Labour Bureau. Government of India Report on Effect of Economic Slowdown on Employment In India, January - February 2009. (Trends). <http://labourbureau.nic.in/reports>
14. Labour Bureau. Government of India Report on Effect of Economic Slowdown on Employment In India, January - February 2009. Table 2.2, p.10. <http://labourbureau.nic.in/reports>
15. Brazilian Institute of geography and statistics (IBGE). Social Communication, 23 March 2009, p.11. <http://www.ibge.gov.br/english/presidencia/noticias>
16. National Bureau of Statistics of China. Press release. A consumer price index, January-February, 2009. Pekin, 15 March 2009. p. 18
17. Release of linked CPI (UNME) for January-February, 2009. No.M-12011/2/2005-PCL Government of India Ministry of Statistics & Programme implementation Central Statistical Organization. http://mospi.nic.in/mospi_cpi.htm
18. Brazilian Institute of geography and statistics (IBGE). Brazilian National Consumer Price Index (IPCA) . January 29 - February 27, 2009 (reference). http://www.ibge.gov.br/english/estatistica/indicadores/precos/inpc_ipca/ipca-inpc_200902_1.shtm
19. Федеральная служба государственной статистики. Информация о социально-экономическом положении России - 2009 год. Потребительские цены, январь – февраль 2009 г. http://www.gks.ru/bgd/free/B09_00/IssWWW.exe/Stg/d02/4-1.htm

ФИНАНСЫ В РАЗВИТИИ РЕГИОНА

РЕГИОНАЛИЗМ КАК ФАКТОР СИСТЕМНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ФИНАНСОВОЙ СФЕРЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

Л.И. Вотинцева, С.В. Ярославцева*

На современном этапе необходимым условием поддержания устойчивого роста и укрепления позиций государств в глобальных экономических процессах является проведение активной финансовой политики и формирование адекватной финансовой системы, способной обеспечить расширенное воспроизводство.

Одной из важнейших составных частей финансовой системы государства являются территориальные финансы – совокупность денежных средств, используемых на экономическое и социальное развитие территорий. Финансы влияют на воспроизводственный процесс количественно и качественно. Количественно – через объемы финансовых средств, мобилизуемых и направляемых на конкретные цели, и пропорции их распределения. Качественно – через формы организации финансовых отношений, воздействуя на материальные интересы участников и превращая финансы в стимул развития экономики. Таким образом, финансовая сфера региона является базой осуществления его эффективной экономической политики и основой повышения качества жизни населения.

Факторы, оказывающие влияние на развитие финансовой системы, можно разделить на несколько групп. Решающую роль в формировании и развитии финансовых отношений играют институциональные условия. К ним относят: степень защищенности прав инвесторов и кредиторов, качество корпоративного управления в стране, уровень информационной «прозрачности» предприятий и т.п. Во вторую группу входят макроэкономические индикаторы, среди которых обычно выделяют три показателя: уровень и структуру сбережений, уровень инфляции, величину ВВП на душу населения. Между тем важным макроэкономическим фактором выступает величина потоков капитала между российской и мировой экономикой. Третью группу формируют структурные характеристики экономики, среди которых следует выделить развитие финансово-промышленных групп. Широкое распространение их способствует замене перераспределения финансовых ресурсов через посреднический сектор распределением внутри бизнес-групп.

Воздействие вышеуказанных факторов придает финансовой системе при благоприятных условиях определенный уровень динамизма. Однако этот процесс может ускориться либо замедлиться по объективным причинам, среди которых выделяется регионализация. Последняя активно протекает параллельно глобализации. В современных условиях ее следует рассматривать с двух позиций: внутренней и внешней. Внутренняя присутствует при рассмотрении и решении экономических, социальных, политических и других проблем под углом зрения интересов потребителей того или иного региона; внешняя – как оценка стремления к более тесному экономическому

---

* *Вотинцева Людмила Ивановна* – доктор экономических наук, профессор кафедры «Финансы и кредит» Института менеджмента и бизнеса ДВГУ, г. Владивосток, e-mail: sotrudnichestvo@mail.ru;

Ярославцева Светлана Владимировна – кандидат экономических наук, заместитель руководителя Территориального управления Федеральной службы финансово-бюджетного надзора в Приморском крае.

и политическому сотрудничеству с соседними странами по сравнению с остальными государствами мира.

Системные изменения в финансовой сфере Дальнего Востока будут скорее всего происходить под влиянием факторов регионализма, характерных для приграничных районов. Специфика этих территорий состоит в том, что:

- они занимают двойственное положение в экономическом пространстве государства, будучи одновременно и центром связей и периферией своей страны;
- производство продукции в приграничных регионах направлено на удовлетворение не только внутреннего, но и внешнего спроса;
- здесь многократно возрастает возможность создания предприятий на основе совместного использования сырьевых, трудовых, производственных, информационных и др. ресурсов;
- по приграничной территории проходят важные стратегические пути и коммуникации, что требует организации соответствующей инфраструктуры для создания условий по привлечению дополнительных социальных, экономических, финансовых и т.п. ресурсов;
- территориальная близость с зарубежным государством является сильным стимулом для развития приграничного сотрудничества как одной из форм приграничного взаимодействия [15, с. 11-12].

В настоящее время российский Дальний Восток как административный округ включает в себя 9 субъектов Федерации, каждый из которых может рассматриваться в качестве приграничного региона. Анализ основных показателей социально-экономического развития этих территорий свидетельствует, что уровень их значительно отличается от среднероссийского не в пользу первого (табл. 1).

Таблица 1

Основные показатели социально-экономического развития Дальнего Востока, 2007 год

Показатели	Дальний Восток	Средне-российское значение
ВРП на душу населения, тыс. руб.	198,8	198,8
Удельный вес экономически активного населения, %	54,3	52,9
Уровень безработицы, %	6,7	6,1
Удельный вес населения с доходами ниже прожиточного минимума в общем объеме населения, %	19,9	13,4
Сальдированный финансовый результат деятельности организаций на душу населения, руб.	13651,3	40323,2

Составлено по: [11].

Приведенные данные наглядно свидетельствуют об отсутствии каких-либо преимуществ в жизнеобеспечении и формировании экономической основы страте-

гически важного российского региона для укрепления позиций в АТР и паритетного взаимодействия с азиатскими приграничными государствами.

За средними значениями обозначенных показателей скрываются более глубинные характеристики, по которым можно судить об имеющемся потенциале и наличии предпосылок к системным изменениям во всем хозяйствующем комплексе и его отдельных секторах, прежде всего финансовом. Несмотря на то, что объем ВРП на душу населения аналогичен среднероссийскому значению – 198,8 тыс. руб./чел., однако итоговый финансовый показатель, выявленный на основании бухгалтерского учета всех хозяйствующих операций предприятий Дальнего Востока на душу населения в 3 раза ниже – 13651,3 тыс. руб. против 40323,2 тыс. руб. по России. Сопоставление этих индикаторов в совокупности с социальными – экономически активное население, его занятость, уровень доходов и др. – указывают на практически полное отсутствие внутренних факторов, стимулирующих перевод современной экономики ДФО в модель развития и определяющих ключевые позиции ее ускоренного роста и эффективной интеграции. Это настораживающее явление.

При отсутствии должного внимания со стороны федеральных властей Дальневосточный регион остается «заложником» своего уникального приграничного положения. В результате устойчивы нарушения межрегиональных связей, деформации в структуре экономики в пользу сырьевых отраслей, неснижаемы обороты теневого сектора.

Между тем в качестве важнейшего фактора долгосрочной стратегии развития Дальнего Востока выдвигается его геополитическое положение. И это закономерно, ибо выход региона к государственной границе активизирует выполнение различных контактных функций: внешнеэкономических; транспортно-транзитных и др., и в свою очередь создает предпосылки к усилению ориентации района на зарубежные страны, но ослабляет внутрирегиональные интеграционные процессы.

Анализ показал, что позиция каждого субъекта ДФО по показателям, приведенным в табл. 1, существенно различается. Колебания только по первому из них – объему ВРП на душу населения дает амплитуду от -34 % до +277 %. Крайне низкую позицию занимают Амурская область (131,0 тыс. руб./чел.) и Приморский край (131,6 тыс. руб./чел.) и самый высокий уровень по Сахалинской области (550,2 тыс. руб./чел.) и Чукотскому автономному округу (421,3 тыс. руб./чел.). последние демонстрируют радикальные изменения в товарной структуре экспорта и расширении межрегиональных связей по номенклатуре инвестиционных услуг и продуктов информационно-инновационного содержания.

Гипотетически, в условиях одновременного воздействия факторов глобализации и регионализации, возможно обеспечить укрепление внутреннего положения России и ее позиций в мире, опираясь, в первую очередь, на принципы внутреннего регионализма. При этом внутренняя регионализация Дальневосточного региона рассматривается нами не как противостояние глобализму, а как инструмент развития, привлечения мобильного капитала, адаптации и интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе, включения во внешнюю систему региональных отношений.

Развитие финансовой системы тихоокеанского региона России в среднесрочной перспективе будет осуществляться под воздействием комплекса внешних и внутренних факторов. К группе внешних относятся параметры, связанные с развитием мировой экономики и внешних рынков и не подлежащие регулированию воздействию российских денежных властей (цены мирового рынка на нефть, состояние мировой экономики, состояние развитых и развивающихся финансовых рынков, текущий уровень страновых кредитных рейтингов). Группу внутренних факторов составляют:

уровень социально-политической стабильности, макроэкономическое развитие России, состояние финансовой и банковской систем.

В отдельные периоды внутренние факторы будут оказывать большее воздействие на системные изменения в финансовой сфере, нежели внешние. В настоящее время в приграничных регионах России наблюдается обратное. Между тем только усиление воздействия внутренних условий будет создавать предпосылки к повышению конкурентоспособности национальной экономики и определению ее места в глобальной мирохозяйственной системе.

Современная концепция Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации в качестве основного направления внутренней регионализации предлагает считать политику территориального развития как политику специальной фокусировки финансовых, административно-управленческих и других ресурсов на «опорных регионах», так называемых «полюсах роста». В этих условиях приобретают актуальность вопросы формирования бюджетной системы региона – основы активного становления подобных опорных районов Дальнего Востока.

В последние годы в бюджетной системе России произошли существенные позитивные изменения вследствие коренных преобразований в ее структуре и взаимоотношениях органов власти разного уровня. Динамику доходов и расходов бюджетной системы отражали улучшение экономической ситуации в стране, процесс финансовой стабилизации, экономический рост и достаточно благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура на рынках энергоносителей, сырья, цветных металлов.

Тем не менее на протяжении 2001-2008 гг. консолидированные бюджеты большинства субъектов Российской Федерации Дальнего Востока имели неустойчивые тенденции и характеризовались наличием дефицита и профицита. Исключением является Приморский край, консолидированный бюджет которого в течение семи лет (2002-2008 гг.) был исполнен с превышением доходов над расходами. Профицитные бюджеты в период 2006-2008 гг. имели Сахалинская область и Чукотский автономный округ (табл. 2).

Основу доходов бюджетов всех уровней, в том числе и консолидированных бюджетов субъектов Дальнего Востока, составляют налоговые доходы. Доля их в общем объеме доходов консолидированных бюджетов в 2007 г. варьировалась от 12,5% (Корякский автономный округ) до 64,0 % (Приморский край).

На территориальном уровне наиболее значимыми являются поступления от двух федеральных налогов – налога на доходы физических лиц и налога на прибыль. В объеме налоговых доходов консолидированных бюджетов дальневосточных субъектов Федерации удельный вес налога на доходы физических лиц составляет от 35,0 до 63,5%, а налога на прибыль организаций – от 6,0 до 31,4%.

Наибольший прирост по налогу на доходы физических лиц в 2007 г. относительно 2006 г. отмечался в Еврейской автономной области – 31,2% и Сахалинской области – 30,7%. Максимальный рост налога на прибыль в в этом же периоде был обеспечен в Камчатской области – 171,4% и в Республике Саха (Якутия) – 154,5%. Среди региональных налоговых доходов наиболее весомыми являются поступления от налога на имущество организаций – от 4,2% до 17,5% объема налоговых доходов консолидированных бюджетов субъектов Дальнего Востока.

Неналоговые доходы, предусмотренные Бюджетным кодексом РФ (доходы от использования имущества, находящегося в государственной собственности субъектов; от продажи этого имущества; от оказываемых бюджетными учреждениями платных услуг и других источников), имеют понижающую тенденцию. В общем объеме дохо-

дов консолидированных бюджетов Дальнего Востока они занимают незначительную долю: в 2006 г. – 10,1%, в 2007 г. – 8,6%

Таблица 2

Динамика основных показателей консолидированных бюджетов субъектов Дальнего Востока РФ за 2001-2008 гг., млн руб.

Показатели	Годы							
	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Общий объем доходов	101664,6	121319,8	144817,0	169306,7	194245,8	228363,4	299864,4	373500,5
Общий объем расходов	101596,2	124870,3	150462,4	177809,7	210218,2	231677,1	286372,4	366707,8
Дефицит (профицит)	68,4	-3550,5	-5645,4	-8503	-15972,4	-3313,7	13492,0	6792,7

Составлено по: [9; 11].

В структуре консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации функционирует система местных бюджетов, которая формируется налоговыми, неналоговыми доходами, финансовыми трансфертами от вышестоящих уровней бюджетной системы, источниками финансирования бюджетного дефицита. На 1 января 2009 г. в Дальневосточном федеральном округе насчитывалось 1406 муниципальных образований, в т.ч. 127 муниципальных районов, 48 городских округов, 170 городских и 1061 сельское поселение. [12]. Самостоятельность местных бюджетов, особенно бюджетов поселений, ограничена, т.к. налоги на землю и имущество физических лиц, за счет которых они в основном должны формироваться, являются наиболее проблемными. Существует немало число неучтенных объектов недвижимости, земли. Острым является вопрос разграничения собственности между регионами и муниципалитетами. Расходы бюджетов муниципальных образований носят главным образом социальный характер.

Доходы бюджетов приграничных регионов в большей степени зависят от внешнеэкономической деятельности субъектов хозяйствования, чем бюджеты других территорий. Изменение объема внешней торговли, вызванное увеличением или сокращением размера таможенных пошлин и сборов, применением других инструментов государственного внешнеторгового регулирования или иными обстоятельствами, влияет на платежеспособность налогоплательщиков и изменение отдельных показателей бюджетов.

Так, реально проявился риск сокращения доходов региональных и местных бюджетов Дальнего Востока вследствие уменьшения объема ввоза автомобилей физическими и юридическими лицами по причине повышения импортных пошлин. За пять месяцев 2009 г., по сравнению с аналогичным периодом 2008 г., ввоз через дальневосточные таможенные пункты автотранспортных средств уменьшился в 10 раз. Наиболее значительно снизился ввоз легковых автомобилей – на 91% [1].

Противодействие таможенных органов «неорганизованному» импорту, осуществляемому физическими лицами-«помогайками», зарабатывающими на сдаче в аренду своего права на беспошлинное перемещение 35 кг грузов стоимостью не более 65 тыс. руб. и не чаще одного раза в месяц, закрепленного п. 1 ст. 282 Таможенного кодекса РФ, привело к сокращению потока туристов в Китай и, соответственно, – снижению доходов туристических, автотранспортных компаний, торговли. Для некоторых категорий жителей участие в неформальной трансграничной торговле на сопредельных с Китаем территориях Дальнего Востока являлось практически единственным источником дохода, потеря которого может привести к увеличению расходов бюджета вследствие роста нагрузки на социальную сферу. На снижение объема доходов регионального бюджета от оказания платных услуг может влиять также рост объема медицинской помощи и других услуг, получаемых населением в соседних государствах.

Органам власти и управления дальневосточных регионов приходится решать миграционные, экологические и другие проблемы, связанные с приграничным сотрудничеством. Так, если в целом по стране удельный вес расходов на национальную безопасность и правоохранительную деятельность в общем объеме расходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации в 2007 г. составил 4,1%, то в Приморском крае – 7,8%.

Региональные и местные бюджеты Дальнего Востока не стали действенными инструментами социально-экономического развития территорий. Этому препятствуют, в частности, негативные тенденции, характерные для процессов формирования бюджетной системы России. Одной из самых сложных проблем являются диспропорции в уровнях развития экономики и социальной инфраструктуры регионов, обуславливающие разную степень их бюджетной обеспеченности. Экономический рост приводит к усилению дифференциации территорий, в результате чего благополучные регионы преумножают свой потенциал, а неблагополучные практически не имеют условий для развития.

Рост межрегиональной дифференциации означает, что реализуемая бюджетная политика усугубила проблемы регионального развития, для решения которых между субъектами Российской Федерации ежегодно приходится перераспределять бюджетные средства. В настоящее время более половины ВВП и федерального бюджета формируется десятью регионами. В то же время подавляющая часть субъектов получает дотации, объем которых ежегодно растет. Субъекты Дальневосточного федерального округа на протяжении всего рассматриваемого периода (2000-2007 гг.) являлись реципиентами, т.е. не были способны обеспечить свои расходные обязательства за счет налоговых и неналоговых доходов бюджетов.

Предоставление средств из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ осуществляется в виде межбюджетных трансфертов. Удельный вес их в общем объеме доходов консолидированных бюджетов субъектов Дальневосточного федерального округа на протяжении всего анализируемого периода имел неустойчивые колебания (табл. 3). При этом доля межбюджетных трансфертов региона значительно превышала среднее значение по стране (15,9%). В наибольшей зависимости от федеральных ассигнований на Дальнем Востоке находятся Чукотский автономный округ, а также Еврейская автономная область. Доля федеральных субсидий в их бюджетах превышает 50%.

Экономические и социальные процессы, связанные с рыночным развитием и проведением региональной политики, предполагают централизацию ряда государственных функций и, соответственно, значительной доли ВВП в федеральном бюджете. Однако динамика бюджетных показателей по звеньям бюджетной системы в

период 1998-2007 гг. свидетельствует о неоправданно высокой степени централизации средств на федеральном уровне при формировании структуры бюджетной системы страны. Доля федерального бюджета в объеме доходов консолидированного бюджета возросла с 47 % до 66%, а реальный потенциал территориальных бюджетов как в доходах, так и в расходах (без учета трансфертов из федерального бюджета) за данный период сократился с 13-14 % до 11 % ВВП. Значительная централизация бюджетных средств на федеральном уровне нарушает правовую норму ст. 48 Бюджетного кодекса РФ, согласно которой «налоговые доходы бюджетов субъектов Российской Федерации должны составлять не менее 50 % от суммы доходов консолидированного бюджета Российской Федерации».

Таблица 3

Динамика доли безвозмездных перечислений, предоставляемых субъектам Дальнего Востока в общем объеме доходов консолидированных бюджетов за 2000-2007 гг., %

Показатели	Годы							
	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Республика Саха (Якутия)	52,1	28,7	28,8	29,2	23,3	30,8	34,1	34,1
Приморский край	27,8	40,8	35,6	27,8	22,5	30,5	30,0	28,3
Хабаровский край	21,8	24,3	23,5	22,3	18,6	22,0	18,7	23,2
Амурская область	44,4	49,3	45,2	41,7	37,5	41,5	35,7	42,9
Камчатская область, в т.ч. Корякский автономный округ	50,9	50,3	52,6	48,6	50,2	56,1	58,5	64,1
Магаданская область	40,2	46,7	49,4	48,1	49,0	51,4	47,5	48,1
Сахалинская область	34,2	32,9	31,2	22,4	18,1	19,9	23,2	27,3
Еврейская автономная область	64,5	74,2	66,2	66,2	56,0	53,3	50,4	54,2
Чукотский автономный округ	68,0	57,1	40,0	37,9	15,9	30,2	63,3	75,4

Составлено по: [9; 11].

В то же время территориальные бюджеты продолжают играть все возрастающую роль в социальной и инвестиционной политике, попадая при этом во все большую зависимость от федерального бюджета. Как показывают расчеты, в 2007 г. территориальные бюджеты концентрировали 33,8% доходов консолидированного бюджета, финансируя при этом 38,9% расходов. На консолидированные бюджеты субъектов РФ приходится 74,4% расходов на жилищно-коммунальное хозяйство; 78,4% расходов на образование; 80,0% расходов на здравоохранение и спорт, 74,1% расходов на социальную политику.

Действующая система перераспределения финансовых ресурсов ориентирована

в основном на решение острых социальных проблем. Она не устраняет причины бюджетной недостаточности регионов, не оказывает какого-либо серьезного влияния на рост собственных региональных бюджетных доходов и сокращение бюджетных расходов, не выполняет таких важнейших функций, как стимулирование экономического развития и финансовое оздоровление территорий.

В настоящее время предпринимаются попытки формирования качественно новой системы межбюджетных отношений, основанной на сбалансированном разграничении доходных и расходных бюджетных полномочий между федеральным бюджетом и бюджетами субъектов РФ. Однако «...оптимальный баланс между объективно необходимым выравниванием бюджетной обеспеченности и созданием стимулов для развития экономического и налогового потенциала регионов и муниципалитетов...» пока не найден [2].

С проблемой совершенствования межбюджетных отношений связана и другая бюджетная проблема – достижение минимально необходимой бюджетной обеспеченности российских регионов. В настоящее время отсутствуют минимальные государственные социальные стандарты и нормативы их финансирования. Поэтому реализуемая в настоящее время федеральная региональная политика по обеспечению финансовой поддержки беднейших регионов, включая выделение межбюджетных трансфертов регионам по федеральной целевой программе «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002–2010 годы и до 2015 года)», не гарантирует финансирования необходимых социальных расходов и справедливого обеспечения финансовой помощи субъектам РФ.

Эффективная бюджетная политика в значительной степени является достижением компромисса между региональными интересами государства и интересами самих регионов. По нашему мнению, преодоление несбалансированности бюджетов субъектов РФ должно основываться на стимулировании внутренних возможностей регионального развития, повышении заинтересованности региональных органов власти в развитии собственного внутрирегионального потенциала. Именно устойчивое формирование доходной базы региональных бюджетов позволит им стать ресурсным обеспечением для экономического развития данных территорий. Механизм межбюджетного перераспределения должен выступать вторичным по отношению к механизму мобилизации доходов бюджетов бюджетной системы, т.к. жестко централизованная система межбюджетного выравнивания минимизирует заинтересованность регионов в наращивании и эффективном использовании бюджетных ресурсов, столь необходимых для социального и экономического развития каждого из субъектов РФ.

Многие проблемы формирования бюджетов субъектов Дальнего Востока могут быть решены в ходе развития международного межрегионального взаимодействия. Мировой опыт развития бюджетных отношений между приграничными территориями и государством свидетельствует об использовании преференций для развития приграничного региона. Например, сопредельные приграничные провинции КНР получили импульс к развитию именно благодаря приграничному положению и росту доходов бюджетов данных провинций за счет приграничного сотрудничества. При этом применяется простая взаимосвязь: чем больше объем внешнеторгового оборота, тем больше доходов бюджета получает провинция [15, с. 237]. Такой заинтересованности у приграничных субъектов Дальнего Востока России нет.

Анализ факторов, определяющих бюджетную систему Дальнего Востока в ретроспективе и в настоящее время показывает, что без применения особых бюджетных механизмов регион не готов к решению задач в области освоения Россией геострате-

гического пространства АТР. Эта задача может быть решена в рамках государственного планирования развития регионов.

Важным условием, определяющим уровень согласования внутренних и внешних предпосылок регионализации, выступает банковская система. Многочисленные оценки и наблюдения специалистов, а также официальная статистика свидетельствуют, что она развивается темпами и в масштабах слабо согласованными с процессами индустриализации и перспективами Дальнего Востока. Объективность такого результата predeterminedена прежде всего действующим механизмом монетарной политики и монетарного регулирования. Известно, что кредитное, валютное регулирование является функцией федеральных властей. Региональные органы управления не имеют полномочий в области денежно-кредитной и валютной политики, несмотря на то, что принятые Государственной Думой федеральные законы по вопросам финансового, валютного, кредитного, таможенного регулирования, денежной эмиссии подлежат обязательному рассмотрению в Совете Федерации Федерального Собрания РФ (ст.106 Конституции РФ). Это означает, что субъекты Российской Федерации сообщать могут влиять на проведение монетарной политики. Однако на сегодня ни в «Основных направлениях денежно-кредитной политики», ни в различных средне- и долгосрочных программах, в т.ч. «Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока, Забайкалья...» даже не упоминается (не говоря о серьезных разработках) о региональных аспектах финансов, кредита, банковской и страховой систем.

В то же время развитие этих секторов сферы услуг происходит со значительной региональной спецификой. Однако наличие сдерживающих условий (в основном механизм монетарной политики) не способствует адекватной задачам региона дифференциации и концентрации деятельности финансовых и банковских институтов.

Между тем изменения в механизмах государственного регулирования крайне важны. Особенно в элементах нормативного обеспечения деятельности банковских и финансовых институтов и выработке рычагов по стимулированию «оседания» финансовых ресурсов в нестоличных регионах. Так, для Дальнего Востока характерна локальная монополизация рынков банковских и страховых услуг. Местные банки, как правило, сосредоточены на обслуживании клиентов (юридических и физических лиц), находящихся в районных центрах и городах, а представители крупных инорегиональных банков размещаются преимущественно в столицах субъекта федерации и стратегически важных территориальных образованиях, типа СЭЗ (специальная экономическая зона). Кроме того, наблюдается устойчивая тенденция «вымывания» самых традиционных видов банковских операций – кредитование и сбережение – из-за сворачивания филиальной сети местных банков по причине несоответствия их нормативным требованиям Банка России. В этой связи в регионе восстанавливается изначально действующий в России критерий выбора финансового института не по принципу «цена/качество», а по принципу близости нахождения его от клиента.

Объективности ради заметим, что ни кредитные организации, ни страховые компании тем более не могут размещаться по регионам России пропорционально численности населения или объему валового регионального продукта (ВРП). Но в то же время чрезмерная региональная концентрация активов банков в Центральном федеральном округе в объемах, существенно превышающих плотность, численность населения или ВРП, значительно ухудшают условия конкуренции для хозяйствующих субъектов, расположенных в Дальневосточном федеральном округе. Такой дифференциации банковского дела в России, а следовательно сдерживанию конкуренции на региональных рынках банковских услуг, должна противостоять, по нашему мнению, стимулирующая распределение система, а точнее «оседание» средств в региональных нестоличных экономиках.

В России более половины кредитных организаций сконцентрировано в г. Москве. Здесь гораздо выше концентрация активов кредитных организаций, чем концентрация объектов действующих кредитных организаций (табл. 4).

Согласно официальным данным Банка России, из 48 кредитных организаций, обладающих 80% активами банковского сектора страны, половина, или 52%, располагается в Москве и Московской области. Наблюдения последних лет (2001-2009 гг.) фиксировали некоторые колебания по данному показателю в Москве относительно общероссийского уровня. Однако с 2008 г. наметилась устойчиво повышательная тенденция в пользу традиционного финансового центра – г. Москва.

Таблица 4

Размещение действующих кредитных организаций по федеральным округам

Регионы	01.01.2006 г.		01.01.2007 г.		01.01.2008 г.		01.01.2009 г.	
	количество, ед.	в % к итогу						
Российская Федерация	1253	100,0	1189	100,0	1136	100,0	1108	100,0
Центральный федеральный округ	714	57,0	673	56,6	632	55,6	621	56,0
Москва	631	50,4	593	49,9	555	48,9	543	49,0
Северо-Западный федеральный округ	84	6,7	80	6,7	81	7,1	79	7,2
Южный федеральный округ	128	10,0	124	10,2	118	10,4	115	10,4
Приволжский федеральный округ	146	11,6	139	11,7	134	11,8	131	11,8
Уральский федеральный округ	67	5,4	65	5,5	63	5,6	58	5,2
Сибирский федеральный округ	71	5,7	68	5,7	68	6,0	68	6,2
Дальневосточный федеральный округ	43	3,4	40	3,4	40	3,5	36	3,2

Источник: www.cbr.ru.

Следует отметить, что ранжирование по величине активов кредитных организаций не адекватно отражает фактическое распределение банковской деятельности по территории России. В статистической отчетности фиксируются показатели,

характеризующие местонахождение головной кредитной организации, либо ее обособленного подразделения, а не их клиентов и получателей кредитов. За средними показателями скрываются значительные различия в качественных характеристиках и наличии межрегиональных барьеров на денежном рынке, проецирующих денежные потоки в сторону крупных финансовых центров страны, нежели в противоположном направлении. Между тем реализация перспективного роста России исходит из необходимости устремления экономических, финансовых, политических и других интересов в Азиатско-Тихоокеанский регион, а, следовательно, это продвижение должно затронуть субъекты Дальнего Востока.

АТР в современной глобализации начинает играть важную роль, инициируя формирование совершенно различных типов мировых систем. Экономическая регионализация, усиливающая свои аспекты в АТР, идет в направлении создания нескольких взаимодействующих и конкурирующих группировок, служащих многополюсному управлению мировой системой. Значительный вклад в этот процесс вносят страны АСЕАН и Китай. Укрепляется региональное сотрудничество и в других частях Азии, стремительно распространяясь на новые сферы, включая финансово-валютную сферу.

Кризис 1997-1998 гг. заставил многие азиатские государства уделить особое внимание состоянию национальных кредитных систем. По сравнению с концом прошлого века к настоящему времени в азиатских банках существенно повысилась концентрация ресурсов, показатели достаточности собственного капитала, прибыльности; снизилась доля так называемых плохих кредитов (non performing loans, NPL). Принимаются меры к ограничению рискованных вложений, прежде всего в недвижимость и ценные бумаги.

Финансы большинства азиатских государств, в отличие от российской и тем более от англо-американской системы, в которых ведущую роль в финансировании экономики играет фондовый рынок, основаны на банковском кредите. Тем не менее фондовые рынки Азии играют возрастающую роль в финансировании экономического развития. Это явление лежит в русле общих тенденций мировой экономики.

Принимая во внимание особенности азиатской регионализации российской банковской системы и финансовых структур в регионах, имеющих трансграничные связи в АТР, предстоит решение сложных задач по приведению региональных финансовых и кредитных секторов и их адаптации к условиям конкурентного взаимодействия с системами государств, приграничных с российским Дальним Востоком.

В настоящее время в Дальневосточном федеральном округе действует 36 кредитных организаций, головные офисы которых зарегистрированы в субъектах округа. Кроме того, в регионе функционирует 195 обособленных подразделений банков, среди которых 162 ед. (83%) – инорегиональные филиалы кредитных организаций, в основном г. Москвы. По размеру собственных средств это небольшие кредитные организации с уставным капиталом до 150 млн руб. (69,5%, Россия – 46,4%).

Сегодня банковский сектор Дальнего Востока играет крайне незначительную роль в национальной банковской системе (табл. 5), не говоря о глобальных финансовых потоках АТР.

Для справки. Объем фондового рынка ДВФО, применительно к крупным фондовым рынкам АТР, едва достигает:

- 0,003% капитализации таких стран, как Китай, Австралия, Корея;
- и 0,0007% от капитализации лидера региона – Японии).

Таблица 5

**Институциональные характеристики банковского сектора экономики
Дальневосточного федерального округа (по состоянию на 01.01.2009 г.)**

Регионы	Количество банков и филиалов, ед.		Группировка кредитных организаций по величине зарегистрированного уставного капитала, ед.				Концентрация активов действующих кредитных организаций	
	Кредитные организации	филиалы кредитных организаций	до 60 млн руб.	от 60 млн руб.	от 150 млн руб.	от 300 млн руб. и выше	активы, млрд руб./%	количество кредитных организаций, составляющих до 80% активов, ед./%
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Российская Федерация	1108	3470	28,9	17,5	22,9	30,6	28022,3/ 100,0	48/43,0
Дальневосточный федеральный округ	36	195	47,3	22,2	19,4	11,1	164,8/6,0	8/22,2
в том числе: Приморский край	8	45	37,5	25,0	37,5	—	н/д	н/д
Хабаровский край	5	34	60,0	20,0	-	20,0	н/д	н/д
Камчатский край	6	12	66,7	16,7	16,6	—	н/д	н/д
Сахалинская область	5	14	20,0	80,0	—	—	н/д	н/д
Амурская область	5	16	40,0	—	20,0	40,0	н/д	н/д
Республика Саха (Якутия)	5	47	60,0	—	20,0	20,0	н/д	н/д
Магаданская область	2	14	50,0	—	50,0	—	н/д	н/д

Составлено по: [3].

Инвестиционные возможности кредитных организаций практически достигли предела, в силу того что банковским сектором не сформирован достаточного уров-

ня капитал. Только за 3 года (2006-2008 гг.) уровень капитальной базы опустился до критической отметки – 12% при допустимом значении 11-10%. Кроме того, не в пользу кредитных организаций, зарегистрированных на Дальнем Востоке России, свидетельствует внутрирегиональное распределение привлеченных ресурсов.

Доля банковских вкладов, аккумулированных инорегиональными операционными офисами, достигает в ДВФО самого высокого уровня среди федеральных округов РФ – 12% против 0,22%.

Население проявляет достаточно высокое доверие к филиалам – в общей сумме депозитов доля сбережений физических лиц превышает 80% (84,4%), опережая аналогичный показатель по местным банкам (65,6%), среднероссийский уровень (73,6) и уровень Центрального федерального округа (72,2%) .

Оценка показателей региональной концентрации банковской деятельности и концентрации задолженности по кредитам показала, что субъекты Дальневосточного федерального округа являются чистыми реципиентами межрегиональных кредитов (табл. 6).

Таблица 6

Региональная концентрация кредитов и задолженности по кредитам, 2008 г.

	Выданные кредиты, по месту расположения заемщика		Задолженность по кредитам, по месту расположения кредитора	
	объем, млн руб.	удельный вес, %	объем, млн руб.	удельный вес, %
Дальневосточный федеральный округ	698534,6	100,0	495402,6	100,0
Республика Саха (Якутия)	216128,2	30,9	147987,0	29,9
Камчатский край	24498,6	3,5	23585,1	4,8
Приморский край	194814,9	27,9	105667,7	21,3
Хабаровский край	170,110,2	24,2	128171,3	25,9
Амурская область	39357,4	5,6	42972,1	8,7
Магаданская область	26289,4	3,8	15407,4	3,1
Сахалинская область	22141,9	3,2	24030,5	4,9
Еврейская автономная область	3059,9	0,4	5379,1	1,1
Чукотский автономный округ	2312,1	0,3	2201,6	0,3

Источник: www.cbr.ru

Присутствие инорегиональных банков и обособленных подразделений заметно отразилось на структуре и динамике рынка корпоративного кредитования. Наиболее устойчивая тенденция – удлинение сроков кредитования.

Развитие ритейла в основном инорегиональными банками способствовало привлечению денежных средств во вклады в динамике неснижаемого остатка на сберегательных счетах в иностранной валюте, при невысоких и понижающих темпах сбережений в рублях. Банковский сектор региона недостаточно активно прибегает к возможностям обращения средств на межбанковском рынке, предпочитая накапливать высоколиквидные активы для выполнения своих обязательств перед клиентами. Размер банковского инвестирования в общем объеме инвестиций в основные средства экономики занимает небольшую долю (около 8%). По этой причине потребности в капитале крупнейших региональных предприятий преимущественно удовлетворяются зарубежными банковскими системами Европы и Азии.

Кроме того, ограничено по объему и бюджетное финансирование реального сектора экономики. Так, в период 2000–2007 гг. доля инвестиций в основной капитал, финансируемых за счет бюджетов субъектов, в их общем объеме сократилась более чем в два раза (до 5,2%) и была значительно ниже среднего показателя по Российской Федерации (11,7%) (табл. 7).

Ситуация усугубляется также тем, что в настоящее время большая часть вновь созданной стоимости приходится на долю частных предприятий, которые управляют своими финансовыми ресурсами, исходя из собственных экономических и прочих интересов. Часто эти интересы не совпадают с задачами и потребностями развития региона.

Таблица 7

**Динамика инвестиций в основной капитал за счет бюджетных средств
в общем объеме инвестиций в основной капитал, в процентах**

Показатели	Годы					
	2000	2004	2005	2006	2007	2008
Российская Федерация бюджетные средства	22,0	17,8	20,4	20,2	21,2	21,0
из них: федеральный бюджет	6,0	5,3	7,0	7,0	8,4	8,1
бюджеты субъектов РФ	14,3	11,6	12,3	11,8	11,7	—*
Дальневосточный федеральный округ бюджетные средства	22,0	15,9	14,7	13,6	14,7	16,1
из них: федеральный бюджет	10,2	5,9	6,3	7,6	8,7	10,6
бюджеты субъектов РФ	11,3	9,6	7,6	5,5	5,2	—*

* – нет данных.

Составлено по: [11; 14].

К числу современных проблем инвестиционной политики России следует отнести также и крайне неравномерное распределение прямых иностранных инвестиций по регионам. В 2008 г. наибольшие объемы прямых иностранных инвестиций на-

правлялись в Москву (39,4% от общего объема по РФ), Московскую и Сахалинскую области (6,4 и 6,0%, соответственно). На Сахалинскую область приходится 71,5% прямых иностранных инвестиций Дальневосточного федерального округа [9]. В итоге иностранные инвестиции в Россию усиливают экономическую дифференциацию в стране в целом и, в том числе, на Дальнем Востоке. Главной причиной неравномерного распределения прямых иностранных инвестиций является привлекательность регионов с большим ресурсным потенциалом, высоким платежеспособным спросом, относительно развитой инфраструктурой.

Ограниченность финансовых ресурсов для реализации задач экономического и социального развития вызывает необходимость поиска эффективных форм взаимосвязей и взаимодействия ресурсов всех секторов экономики. Важной закономерностью развития современной рыночной системы хозяйствования является сотрудничество государства и частного бизнеса в поисках эффективных путей решения задач общества.

Интерес к проектам, в финансировании и управлении которыми участвуют государство и частный бизнес, возник достаточно давно: первая постройка канала по концессионному принципу во Франции датируется 1552 г. [6]. Государственно-частное партнерство в концессионной форме активно использовалось многими странами, в том числе и Россией, на рубеже XIX-XX вв., особенно для строительства железных дорог [4].

Официального толкования понятия государственно-частного партнерства в России не существует. В научных исследованиях государственно-частное партнерство рассматривается в следующих аспектах:

1) как принцип сотрудничества государства и бизнеса; предполагает согласование и учет взаимных интересов, систему уступок и преференций, которая дает возможность достижения индивидуальных и зачастую противоречивых целей этих субъектов [5].

2) как система, механизм, форма (правовая форма) взаимодействия (сотрудничества), совокупность отношений государства и бизнеса в целях реализации общественно значимых проектов и программ [16, С. 60; 7, С. 19-27].

В зарубежных странах термин «государственно-частное партнерство» («public-private partnership, PPP») употребляется практически для любых форм сотрудничества государственной власти и частного бизнеса. В мировой практике сформировались пять базовых моделей такого сотрудничества, отличающихся друг от друга формами собственности, финансирования и управления.

Основным элементом государственно-частного партнерства является сотрудничество, при котором государственные и частные структуры выступают как равноправные партнеры, дополняя друг друга. Разделение обязанностей между государственным и частым капиталом может варьироваться от исполнения негосударственными компаниями функции подрядчика до полной передачи отдельных видов государственной деятельности в частные руки. По сути государственно-частное партнерство – это институциональный и организационный альянс между государством и бизнесом в целях реализации общественно-значимых проектов и программ в широком спектре сфер деятельности – от развития стратегически важных отраслей промышленности и научных исследований до обеспечения общественных услуг. Кроме того, партнерства широко используются в качестве инструмента регионального социально-экономического развития. Каждый такой альянс – временный, поскольку

создается, как правило, на определенный срок для осуществления конкретного проекта и прекращает свое существование после его реализации» [4].

Практика государственно-частного партнерства как способа модернизации инфраструктуры доказала свою эффективность в азиатских странах, в частности в Республике Корея. До 1998 г. объем частных капиталовложений в проекты государственно-частного партнерства составлял 300 млрд корейских вон, в 2007 г. – 3,2 трлн корейских вон [13, с. 235]. В настоящее время для привлечения потенциальных инвесторов Законом о государственно-частном партнерстве Республики Корея предусмотрен ряд стимулов: выделение общественных земель; предоставление гарантий доходности для проектов с высокими рисками (до 90% ожидаемой доходности); налоговые стимулы; частичная гарантия валютных рисков.

В современной России сотрудничество между государственными учреждениями и частными организациями существует более пятнадцати лет. Правовую основу государственно-частного партнерства к настоящему времени определяют Федеральные законы: «О концессионных соглашениях» от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ, «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» от 27 августа 2005 г. № 116-ФЗ, «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ и т.д.

Механизм государственно-частного партнерства предполагает согласованное решение двух задач по созданию условий для территориального и хозяйственного развития:

- действенный механизм согласования инфраструктурных приоритетов государства с интересами частного бизнеса, связанными с реализацией крупных промышленных проектов;
- стимулирование притока частных инвестиций в реализацию новых крупных бизнес-проектов.

Становление институтов государственно-частного партнерства является велением времени, экономической необходимостью, о чем достаточно четко было высказано еще в мае 2006 г. в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации [10]. Данное направление принято в качестве стратегического при обеспечении опережающего социально-экономического развития Дальнего Востока и Забайкалья [8]. Таким образом, российские власти признают, что готовы к сотрудничеству с бизнесом в форме партнерства и считают его эффективным экономическим условием взаимодействия.

Среди дальневосточных проектов эксперты выделяют четыре мега-проекта, каждый из которых планируется реализовывать на принципах государственно-частного партнерства.

1. Проект «Комплексное развитие Южной Якутии», в рамках которого будет создан промышленный район, включающий в себя Канкунскую ГЭС и кластер промышленных производств, занимающихся переработкой полезных ископаемых. Проект получил одобрение Инвестиционной комиссии по отбору проектов, претендующих на господдержку за счет средств Инвестиционного фонда РФ. Общая стоимость проекта – 422,5 млрд руб. (в ценах 2007 г.), из них 114,5 млрд руб. – средства Инвестиционного фонда РФ, 308,0 млрд руб. – средства инвесторов.

2. Инвестиционный проект «Создание горно-металлургического кластера в Приамурье» предполагает проектирование и строительство горно-металлургических предприятий и объектов инфраструктуры в Амурской и Еврейской автономной об-

ластях. Общая стоимость проекта – 155,3 млрд руб., из них 29,0 млрд руб – средства Инвестиционного фонда РФ, 126,3 млрд руб. – средства инвесторов.

3. Инвестиционный проект «Комплексное развитие Томпонского горнопромышленного района (Республика Саха (Якутия))» предполагает создание на востоке республики группы горнопромышленных производств. Частные инвестиции составят 35,1 млрд руб. и пойдут на строительство двух горно-обогатительных комбинатов и угольной электростанции; за счет государственных средств (19,1 млрд руб.) планируется строительство инфраструктуры.

4. Инвестиционный проект «Освоение Наталкинского золоторудного месторождения (Магаданская область)» предусматривает создание крупнейшего в России центра золотодобычи, увеличение надежности энергосистемы области. Общая стоимость проекта – 52,9 млрд руб., из них 11,4 млрд руб. – средства Инвестиционного фонда Российской Федерации, 41,5 млрд руб. – средства инвестора.

Вышеприведенный анализ подтвердил выдвинутую гипотезу в отношении превалирования внешних факторов регионализации над внутренними в предстоящих системных изменениях в финансовой сфере и экономике Дальнего Востока. Для современного уровня развития общественного производства в России такой дисбаланс негативно отражается на экономической безопасности региона, способствует формированию угроз во всем национальном хозяйстве, утрате предпосылок развития хозяйственных комплексов субъектов Дальневосточного федерального округа на конкурентоспособной и эффективной основе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автомобильная статистика. – <http://www.intermost.ru/news/131054>.
2. Бюджетное послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации о бюджетной политике в 2008-2010 гг. – <http://www.kremlin.ru/text/appears/2007/03>.
3. Бюллетень банковской статистики. Региональное положение. 2009 №1(33). – <http://www.cbr.ru>.
4. Варнавский В. Г. Партнерство государства и частного сектора: Теория и практика // Мировая экономика и международные отношения. – 2002. – № 7.
5. Вилисов М. Государственно-частное партнерство: политико-правовой аспект // Власть.– 2006. – № 7.
6. Ефимова Л.И. Некоторые модели государственно-частных партнерств: тенденции и зарубежный опыт. – http://www.eatc.ru/rus/doc.id_71.book_1.php.
7. Кречетнев С, Иванов О. Государственно-частное партнерство в реализации национальных проектов и программ // Проблемы теории и практики управления. – 2006. – № 9. – С. 19-27.
8. О бюджетной политике в 2008-2010 гг.: Послание Президента РФ Федеральному собранию РФ// Финансы. 2007. № 3.
9. Основные показатели социально-экономического положения регионов Российской Федерации и исполнение бюджетов. – <http://www.gks.ru>.
10. Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации. 10 мая 2006 года. – <http://www.kremlin.ru/text/appears/2006/05/105546.shtml>.
11. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2008: Стат. сб./Росстат - М., 2007. – <http://www.gks.ru>.
12. Сведения о формировании местного самоуправления в Российской Федерации» на 1 января 2009 года. – <http://www.gks.ru>.
13. Синякова А.Ф. Механизм государственно-частного партнёрства: корейский опыт для

русской практики/Корея на пороге перемен. Доклады, представленные на XII научной конференции корееведов России и стран СНГ. Москва, 27-28 марта 2008 г. М.: Ин-т Дальн. Вост. РАН, 2008.

14. Социально-экономическое положение федеральных округов. – <http://www.gks.ru>.

15. Тишутина О.И. Методология обеспечения устойчивости доходной базы бюджетов приграничных субъектов РФ: монография. – Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2008. 256 с.

16. Якунин В.И. Партнерство в механизме государственного управления // Социологические исследования. – 2007. № 22, С. 60.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕХАНИЗМА ВАЛЮТНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ВАЛЮТНОГО КОНТРОЛЯ (НА ПРИМЕРЕ ПРИМОРСКОГО КРАЯ)

Е.С. Сазонова, И.С. Безруков*

Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле» [1] (далее – Закон) содержит большое число новелл правовой регламентации, что позволяет говорить о введении в России с 2004 г. кардинально иного механизма валютного регулирования взамен существовавшего ранее. В частности, ограничение вывоза из России валютных ценностей, валюты РФ и внутренних ценных бумаг регламентировано ст. 15 Закона, согласно которой сумма одновременно вывозимой валюты как резидентами, так и нерезидентами не должна превышать 10000 долл. США в эквиваленте. Сумма, превышающая 3000 долл. США подлежит обязательному декларированию.

Данная мера призвана пресечь возможность использования наличных средств во внешней торговле, а также перекрыть каналы их перемещения в целях легализации доходов. Согласно данным табл. 1, наблюдается динамика снижения объема вывозимой резидентами через таможи края наличной иностранной валюты, что можно считать критерием эффективности воздействия ст. 15 на данный процесс.

Валютные операции между резидентами и нерезидентами условно ограничены требованием о репатриации резидентами иностранной валюты и валюты РФ (ст.19), согласно которой распоряжение резидентом полученной от внешнеторговой сделки иностранной валютой за пределами территории РФ регламентировано сроками возврата данных средств.

Законом также установлена обязанность резидентов при осуществлении внешнеторговой деятельности обеспечить получение от нерезидентов на свои банковские счета в уполномоченных банках иностранной валюты или российской валюты, причитающейся им в соответствии с условиями договоров. Обязанность резидентов при осуществлении внешнеторговой деятельности обеспечить возврат в Россию денежных средств, уплаченных резидентами нерезидентам в случае неисполнения последними условий договоров (недоставка товаров, невыполнение работ, неоказание услуг и т.п.).

---

* *Сазонова Елена Сергеевна* – аспирантка Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (ВГУЭС);

Безруков Иван Сергеевич – доктор экономических наук, профессор Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (ВГУЭС), e-mail: bezrukov@ext.dvgu.ru.

Таблица 1

Ввоз (вывоз) наличной иностранной валюты физическими лицами через таможи Приморского края, тыс. долл. США

	2004	2005	2006	2007	2008
Ввоз	173 277,7	160 857,1	115 625,7	115 820,3	191 927,7
Резиденты	2 042,4	1 812,8	978,3	9470,6	29 782
Нерезиденты	171 235,3	159044,3	114647,4	106349,7	162 145,7
Вывоз	206 553,2	98814,5	99 670,5	96 221,6	73 901,7
Резиденты	194474,5	94901,2	51185,5	41629,4	41 244,2
Нерезиденты	12 078,7	3913,3	48485	54592,2	32 657,5

Анализ динамики движения товаров и платежей по экспортно-импортным операциям приморских участников внешнеэкономической деятельности за 2005-2007 гг. свидетельствует о наличии негативной тенденции роста авансовых платежей и сокращения расчетов после получения товаров по импорту, а также снижения объема экспортной валютной выручки на фоне роста стоимости отгруженных на экспорт товаров (табл. 2). Данная тенденция может являться следствием как снижения доверия со стороны иностранных контрагентов, так и наличием сомнительных операций, связанных с платежами по фиктивным импортным контрактам.

Таблица 2

Динамика движения товаров и платежей по экспорту и импорту товаров*, тыс. долл. США

	2005	2006	2007	2008
Отгружено товаров с таможенной территории	1 042 646,0	1068990	1098981	715 847
Зачислено на счета за товары, вывозимые с таможенной территории РФ	861010	853368	828023	79742
Ввезено товаров по импорту	2363568	3050188	4212394	3318889
Авансовые платежи по импорту	217544	453195	742682	2533109
Платежи после ввоза товаров по импорту	441064	749665	375529	1687783
Всего платежей по импорту	658608	1202860	1118211	4220893
Возврат средств по внешнеторговым операциям	8363	58705	4281	16784

* По данным отчетности кредитных организаций Приморского края "Отчет о валютных операциях, осуществляемых по банковским счетам клиентов в уполномоченных банках"

Следует также отметить негативную тенденцию роста переводов по импорту услуг, предмет которых не имеет физического проявления (компьютерные, консалтинговые, маркетинговые и т. п.) и увеличения суммы переводимых средств контрагентам, зарегистрированным на территориях, обладающих льготным налоговым режимом, что также является потенциальным каналом бесконтрольной утечки капитала из страны (табл. 3). Приведенная статистика позволяет с достаточной степенью вероятности предположить возможность использования формально законных оснований для оттока средств за рубеж.

Таблица 3

**Динамика валютных операций резидентов, связанных
с оплатой оказанных нерезидентами услуг *,
тыс. долл. США**

Показатель	2006	2007	2008
Всего переведено в пользу нерезидентов в оплату услуг	231067,1	241967,1	663161,2
Объем переводов в оплату нематериальных услуг	29441,0	43195,0	140517,0
Доля в общем объеме переводов из Российской Федерации, %	13,0	18,0	21,0
Объем переводов в пользу контрагентов, зарегистрированных на территории оффшорных зон	66609,1	89290,0	415445,8
Доля в общем объеме переводов из Российской Федерации, %	28,8	36,9	62,6

* По данным отчетности кредитных организаций Приморского края «Сведения о расчетах между резидентами и нерезидентами за выполнение работ, предоставление услуг, результатов интеллектуальной деятельности и операции неторгового характера»

Несмотря на существующую систему валютного контроля в сфере осуществления внешнеторговых операций, за последнее десятилетие российский бизнес разработал ряд очень простых и эффективных схем по невозвращению экспортной выручки, авансов по импортным контрактам, импорту услуг и манипулированию ценами. В частности, импорт услуг является самым сложным объектом валютного регулирования и валютного контроля из-за того, что адекватность стоимости услуги и факт ее «ввоза» (приобретение авторских прав, оплата консультаций, лекций, гастролей и т.д.) проверке практически не поддаются.

Манипуляции с экспортными и импортными ценами, - возможно, самый эффективный способ вывоза капитала, учитывая, что зарубежными контрагентами в сделках с российскими экспортерами сырьевых товаров часто выступают оффшорные компании. Цены при этом зачастую значительно ниже биржевых цен. Это трудно доказуемо, но можно допустить, что в большинстве случаев речь идет о сознательном занижении цен с целью оседания разницы между реальной и контрактной ценой

(предъявляемой в контракте экспортером органам валютного контроля) на зарубежных счетах российских экспортеров. Такой способ стал наиболее безопасным, поскольку манипуляции с ценами не отслеживаются и не фиксируются действующей системой валютного контроля, а доказать в суде, что экспортер сознательно занизил, а импортер сознательно завысил контрактную цену крайне сложно. Вывоз капитала в таких случаях полностью вписывается в уставную деятельность компании и, если она занимается этим в «разумных пределах», вряд ли привлечет внимание государственных проверяющих органов. Не удивительно, что установить точно масштабы вывоза капитала таким путем просто невозможно.

Таблица 4

**Операции по расчетным счетам в уполномоченных банках
в иностранной валюте*, млн долл. США**

Виды операций	2005	2006	2007	2008
Расчеты и переводы между резидентами и нерезидентами за товары, вывозимые с таможенной территории РФ (зачислено)	861,0	853,4	828,0	797,4
Расчеты и переводы между резидентами и нерезидентами за товары, ввозимые на таможенную территорию РФ (списано)	658,6	1202,9	2281,0	4 220,9
Расчеты и переводы между резидентами и нерезидентами за товары без их ввоза на таможенную территорию РФ				
-зачислено	328,0	373,1	430,8	477,6
-списано	108,0	259,8	214,6	370,7
Расчеты и переводы между резидентами и нерезидентами за товары на территории РФ				
-зачислено	36,4	192,1	257,8	345,1
-списано	0,6	1,3	679,6	2,4
Всего операций				
-зачислено	1225,4	1418,6	1516,6	1 620,1
-списано	767,2	1464	3175,2	4 594,0
Операции по внешнеторговым контрактам, не подпадающим под систему валютного контроля				
- зачислено	364,4	565,1	688,6	22,7
- списано	108,6	261,1	894,2	347,5
Доля неконтролируемых операций по расчетам с нерезидентами по договорам, предусматривающим реализацию товаров, (%)				
-в зачисленных средствах	29,7	39,8	45,0	50,7
-в списанных средствах	14,2	17,8	28,0	7,5

*по данным кредитных организаций (филиалов) Приморского края в рамках отчетности по форме 0409664 «Отчет о валютных операциях»

Привязка Законом обязательства возврата валютной выручки резидентами-участниками внешнеэкономической деятельности к срокам, указанным в контракте, породила большое количество фальсификаций в данной области. При непоступлении средств в оговоренный контрактом срок экспортер подписывает зачастую фиктивное дополнительное соглашение, а заложенный в Законе механизм исключает возможность воздействия со стороны органов и агентов валютного контроля на процесс репатриации валютной выручки по экспорту и возврат авансовых платежей по импорту.

Начавшаяся с 2004 г. либерализация валютного законодательства России породила бурное развитие теневой внешнеэкономической деятельности. Только в течение 2005–2007 гг. объем неполученной экспортной выручки в совокупности с непоступившими товарами и услугами по оплаченным импортным контрактам, составили 73 млрд долл. В Приморском крае и сегодня встречаются внешнеторговые сделки, по которым срок расчетов после встречного исполнения обязательств по контракту установлен в 70 лет [2].

Анализ созданной Банком России системы учета и контроля валютных операций между резидентами и нерезидентами за приобретаемые товары свидетельствует о существовании значительного пробела в учете и контроле тех операций, которые формально не являются внешнеторговыми. Обязанность резидентов РФ по зачислению выручки на счета в уполномоченных банках установлена только в отношении договоров, связанных с их внешнеторговой деятельностью – по договорам на экспорт товаров, в которых предусмотрено условие о вывозе товаров с таможенной территории РФ без обязательства об обратном ввозе.

Актуальность контроля за операциями, связанными с их реализацией нерезидентам, либо приобретением у них товаров без пересечения границы, не подпадающими по существующую систему учета и контроля валютных операций, подтверждается динамикой роста объема и удельного веса неконтролируемых операций. Если в 2005 г. не контролировалась треть реализуемых нерезидентам товаров, то в 2008 г. – почти половина (табл. 4).

Статистические данные и анализ действующего механизма валютного регулирования и валютного контроля показывают, что контроль за валютными операциями между резидентами и нерезидентами, в основе которых лежат торговые сделки, не предусматривающие пересечение товаром границ, осуществляется, в основном, в форме статистического учета данных операций. Это исключает возможность отслеживания товарных и денежных потоков в совокупности. Что касается валютных операций между нерезидентами, то данный объект валютного регулирования с точки зрения нормативных ограничений и принуждений является практически нерегламентированным.

Закон также не установил никаких нормативных правил осуществления нерезидентами валютных операций. Единственная его норма, определяющая, что нерезиденты на территории РФ осуществляют валютные операции через счета, открытые в уполномоченных банках, трактуется большинством правоприменителей как дозволение, нежели чем ограничение. В результате налицо огромный пласт неконтролируемых операций, осуществляемых нерезидентами.

Объемы валютной выручки, получаемой иностранными гражданами в результате неконтролируемого ввоза и реализации товаров на территории Приморского края, а также объемы торговли на приграничных территориях КНР можно оценить на основании объемов выводимой ими из страны по легальным каналам (через банковские счета) иностранной валюты.

По данным отчетности кредитных организаций, функционирующих на территории Приморского края, ежегодно физическими лицами-нерезидентами переводится за рубеж сотни миллионов долларов, полученных, в том числе, в результате конверсии наличных рублей (табл.5).

Что касается порядка открытия на территории РФ банковских счетов (вкладов) физическими лицами-нерезидентами, то следует отметить, что за 5 лет действия нового валютного законодательства Банком России не был разработан указанный порядок, что по общему правилу предполагает открытие и использование валютных счетов без ограничений.

Отсутствие регламентированных условий открытия и ведения указанных счетов физическими лицами (как резидентами, так и нерезидентами) обусловило возможность бесконтрольного вывода ими значительных сумм за рубеж по таким основаниям, как «материальная помощь», «пожертвование», «дарение» и т. п.

Таблица 5

Объемы трансграничных валютных операций физическими лицами-нерезидентами на территории Приморского края, тыс. единиц валюты

	2006	2007	2008
Ввоз наличных рублей (по данным таможенных органов)	7 478 867	8 156 609	11 400 149
Перевод безналичной иностранной валюты, долл. США (по данным кредитных организаций Приморского края)	609 345	503 618	754 632
Средний размер разовой операции	10,1	63,3	90,5

По данным отчетности уполномоченных банков ежегодно приморские граждане приобретают товары для «личного пользования» и оказывают «материальную помощь» жителям Японии на сотни млн долларов, а граждане КНР зачисляют на свои счета млрд рублей для последующей конверсии и перевода их на родину (табл. 6).

Представленная статистика позволяет оценить масштабы оборота средств по операциям физических лиц, которые, прикрываясь «мнимыми» основаниями, переводили средства в оплату товаров, приобретаемых (реализуемых) в коммерческих целях. В Японию российские граждане переводили средства в основном для расчетов за подержанные автомобили, которые импортировались в большинстве случаев на подставных лиц и затем реализовывались на авторынках Приморья и за его пределами. В большинстве случаев физические лица декларировали получаемые иномарки «для личного пользования» либо в качестве «запасных частей», что значительно уменьшало размер таможенных платежей, а также сумму налоговых отчислений.

Иностранцы – в основном граждане КНР, переводят в Китай млн долларов США, полученных после конверсии рублевой выручки от реализации товаров народного потребления на вещевых рынках края. Большая часть китайских торговцев не стоит на учете в налоговых органах, что также исключает факт осуществления данной категорией лиц обязательных налоговых отчислений.

Таблица 6

Динамика переводов денежных средств физическими лицами (резидентами и нерезидентами) в эквиваленте, млн долл. США

Наименование показателя	Из Российской Федерации			В Российскую Федерацию		
	2006	2007	2008	2006	2007	2008
<i>операции физических лиц-резидентов</i>						
переведено средств всего	307,9	575,5	1002,2	119,9	134,4	171,5
в т. ч. по расчетам с контрагентами из Японии	221,7	417,3	753	6,0	7,9	3,5
<i>операции физических лиц-нерезидентов</i>						
переведено средств всего	609,3	499,7	754,7	33,8	26,6	24,5
в т. ч. по расчетам с контрагентами из Китая	535,9	440,9	632	2,3	1,8	5,3
Сальдо платежей (переводы из РФ за минусом переводов в РФ), всего	763,5	914,2	1560,9	-	-	-

Сумма недополученных налоговых выплат (из расчета 13%) от указанных операций физических лиц (резидентов и нерезидентов) только за 2008 г. составила 6,2 млрд рублей. Для сравнения – расходная часть бюджета г. Владивостока на тот же год составила 7,3 млрд рублей [3].

Анализ официальных источников информации о движении финансовых средств через банковскую систему (безналичные расчеты), а также о трансграничном перемещении банкнот РФ и иностранных государств через таможенную границу позволяет констатировать растущую динамику операций, связанных с выводом денежных средств за рубеж, что, в свою очередь, создает угрозу экономической безопасности государства.

Проблема сырьевого экспорта важная составляющая экономики Приморского края, поскольку основным предметом внешнеторговых экспортных контрактов является рыба, лес, черные и цветные металлы. Причем специфика рыбной отрасли обуславливает преимущественную реализацию рыбопродукции из районов промысла, что исключает возможность контроля со стороны таможенных органов за объемами отгружаемых на экспорт морских биоресурсов (табл. 7).

Данные табл. 7 свидетельствуют о растущем объеме и удельном весе операций, связанных с реализацией рыбопродукции за пределами таможенной территории. Это предъявляет особые требования к валютному контролю, осуществляемому уполномоченными банками, поскольку в основе системы организации и регулирования платежей по денежным требованиям и обязательствам заложены международные расчеты, посредниками в которых выступают банки.

В ходе контроля за выполнением кредитными организациями требований Федерального закона и нормативных актов Банка России в области противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма выявлены операции, проводимые предприятиями и организациями

рыбной промышленности, которые по формальным признакам не попадают под действие Федерального закона. Их характер позволяет предположить возможность использования указанных операций для отмыывания доходов, полученных преступным путем.

Таблица 7

Реализация рыбопродукции приморскими участниками внешнеэкономической деятельности, тыс. долл. США

Показатели	2005	2006	2007	2008
Экспорт, всего	1413	1483	1605	1563
Экспорт рыбопродукции, всего	33,5	441,1	125,8	593,5
Доля в общем объеме экспорта, %	2,4	29,7	7,8	38,0
В т. ч. за пределами таможенной территории	14,2	331,3	111,5	484,8
Доля в общем объеме реализации, %	42,0	75,0	88,6	82,0

Среди них следует особо выделить следующие операции:

- продажа рыбы и продукции морского промысла за пределами 12-мильной зоны, в том числе нерезидентам, зарегистрированным в оффшорных зонах;
- реализация рыбопродукции через зарубежные посреднические организации;
- вылов и реализация продукции морского промысла в рамках договора о совместной деятельности с нерезидентами;
- оплата услуг нерезидентов по обслуживанию российских судов в иностранных портах;
- операции, связанные с арендой морских судов.

Использование обозначенных схем осуществления резидентами «серого» экспорта рыбопродукции, направленных на сокрытие его реальной стоимости, а также расчеты за услуги, не имеющие материального содержания, позволяет оставлять за рубежом значительные средства в иностранной валюте, что также создает угрозу экономической безопасности региона. Проблема заключается в низкой эффективности существующего механизма контроля за внешнеторговыми операциями, осуществляемыми за пределами таможенной территории РФ, поскольку товарные потоки отгружаемой из района промысла рыбопродукции не идентифицируются с объемом поступающих средств в иностранной валюте от ее реализации.

Актуальность вопроса для Приморья обусловлена спецификой экономики региона, поскольку отгружаемая за пределами таможенной территории продукция рыбного промысла на сегодняшний день составляет третью часть внешнеторгового оборота края по экспорту. С 1.01.09 водные биоресурсы, добытые при осуществлении промышленного рыболовства во внутренних морских водах, в территориальном море, на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне РФ подлежат доставке на таможенную территорию России для таможенного оформления экспортируемой рыбопродукции [4,5]. И одну из основных целей таможенного декларирования рыбопродукции, добытой за пределами таможенной территории, предусмотрено решать через валютный контроль поступающей выручки от ее реализации по внешнеторговым контрактам, в основе которого лежит механизм паспортизации указанных сделок.

Самым достоверным и оперативным источником информации о поступлении

валютной выручки является уполномоченный банк, что объективно обуславливает необходимость создания единой информационной базы данных для органов и агентов валютного контроля, где будут отражаться товарные потоки со стороны таможенных и пограничных служб, и денежные потоки – со стороны кредитных организаций, обслуживающих внешнеторговые операции.

Вместе с тем использование участниками ВЭД схем реализации рыбопродукции через посредников (оформление договора поручения с нерезидентом-посредником, по которому продажу рыбопродукции осуществляет посредник) в режиме предварительного и периодического декларирования исключает возможность паспортизации данных операций. Уполномоченные банки, на которых возложена обязанность оформлять паспорта сделок и осуществлять функции агентов валютного контроля, выпадают из системы контроля за данными операциями.

По нашему мнению, можно сделать вывод об отсутствии эффективных инструментов валютного регулирования в сфере расчетов за рыбопродукцию между резидентами и нерезидентами. Одним из способов противодействия указанным операциям может являться обязательная экспертиза внешнеторговых контрактов, проведение которой является прерогативой Министерства экономического развития и торговли, для организаций, занимающихся рыбным промыслом и морскими перевозками с целью исключения возможности установления ими демпинговых цен при заключении сделок и использования сомнительных схем расчетов.

Кроме того, важным элементом контроля за данными операциями должна стать единая информационная база данных о внешнеторговых операциях с продукцией рыбного промысла, посредством которой будет осуществляться обмен сведениями между уполномоченными банками (о поступлении валютной выручки) и пограничной и таможенной службами об объемах вывоза рыбопродукции.

Таким образом, анализ проблем, связанных с внешнеторговой сферой экономики Приморского края, обуславливает необходимость разработки в действующем механизме валютного регулирования и валютного контроля рычагов, позволяющих ограничить бесконтрольное перемещение средств. В качестве рычагов могут стать:

- установление режимов счетов физических лиц-нерезидентов;
- паспортизация и валютный контроль за операциями по сделкам купли-продажи товаров, не пересекающих таможенную границу;
- установление на законодательном уровне конкретных сроков возврата экспортной валютной выручки для участников внешнеэкономической деятельности;
- организация оперативного взаимодействия органов и агентов валютного контроля, в том числе на региональном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле» от 10.12.2003 г., № 173-ФЗ // www.garant.ru/law/12033556-000.htm.
2. Ярославцева С. В., Вотинцев Р. В. Теневая экономика в сфере внешнеэкономической деятельности: финансовый аспект // //Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. - Владивосток: ДВГУ. – 2009.- №1. – С. 83-96.
3. Муниципальный правовой акт города Владивостока, №1-МПА от 9.01.2008. «Красное знамя Приморья», N 3-6 (259-262), 25.01.2008.
4. Федеральный закон Российской Федерации от 20 декабря 2004 г. N 166-ФЗ О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов// Российская газета от 23.12.2004.
5. Федеральный Закон от 20.12.2004 N 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» Ред. от 03.12.2008 // ecorportal.ru/view_orders.php?id=1386.

РЫНОК ИПОТЕЧНОГО КРЕДИТОВАНИЯ В РЕГИОНЕ. НЕКОТОРЫЙ ВЗГЛЯД НА ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А.Н. Слезко*

В предкризисный период 2007-2008 гг. общеэкономические тенденции сформировали факторы развития ипотечного рынка, среди которых можно выделить:

- интенсивный приток валюты на внутренний рынок за счет установившихся высоких цен на энергоносители;
- рост реальных доходов населения, что способствовало увеличению индекса потребительской активности, в том числе в области ипотечного кредитования;
- привлечение банковским сектором России дешевых финансовых ресурсов на международном рынке капитала;
- понижение тренда ставки рефинансирования и соответственно снижение годовой процентной ставки по потребительским и ипотечным кредитам до уровня 9-12%;
- акцентирование органов государственного регулирования на реализацию национальных программ по развитию и поддержке системы ипотечного жилищного кредитования.

Эти факторы обеспечили прирост объемов ипотечного кредитования в 2007 г. на 377 млрд рублей, в 2008 г. на 439 млрд рублей (рис.1).

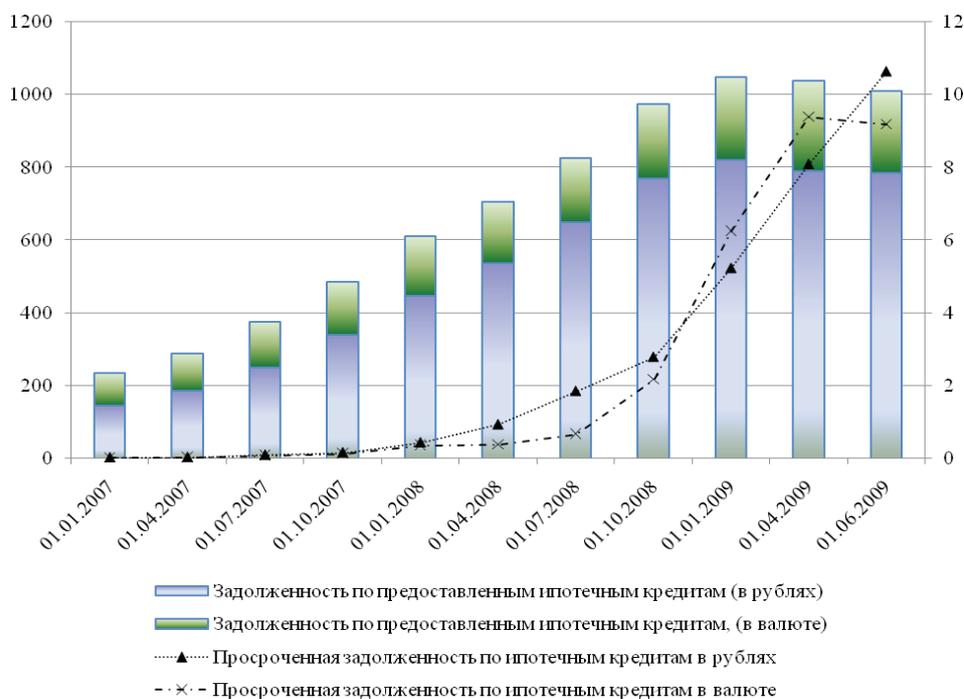

Рис. 1. Динамика изменения объема предоставленных ипотечных кредитов и просроченной задолженности банковским сектором РФ, млрд рублей [1].

* *Слезко Александр Николаевич* – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономики» филиала Дальневосточного государственного университета, г. Уссурийск, e-mail: sotrudnichestvo@mail.ru.

Однако, начиная со второго полугодия 2008 г. на фоне экономической рецессии в большинстве стран сформировались негативные тенденции сдерживания темпов развития ипотечного кредитования. Этому способствовало:

- девальвация национальной валюты вследствие снижения доходов экспортно-ориентированных отраслей экономики;
- нестабильность на международных финансовых рынках;
- волатильность фондового рынка и отток капитала;
- ужесточение Банком России денежно-кредитной политики;
- падение объемов производства в реальном секторе экономики, что вызвало рост безработицы и снижение реальных доходов населения.

Отмеченные факторы обусловили рост просроченной задолженности по ипотечным кредитам:

- на 01.07.2008 г. в рублях – 1,8 млрд рублей, в иностранной валюте – 0,7 млрд рублей;
- на 01.01.2009 г. – 5,2 млрд рублей и 6,2 млрд рублей соответственно.

Резкая девальвация национальной валюты, поддерживаемая Банком России, существенно увеличила риск по кредитам в иностранной валюте. С целью минимизации возросшего кредитного риска меры коммерческих банков в этот период были направлены на:

- ужесточение требований к заемщикам по уровню дохода и сфере занятости;
- увеличение первоначального взноса при выдаче кредита;
- обеспечение роста процентных ставок;
- прекращение ипотечных программ, связанных с выдачей кредитов в строящемся жилье.

Однако принятые меры не смогли нивелировать отрицательные тенденции в развитии системы ипотечных кредитов (рис. 2.).

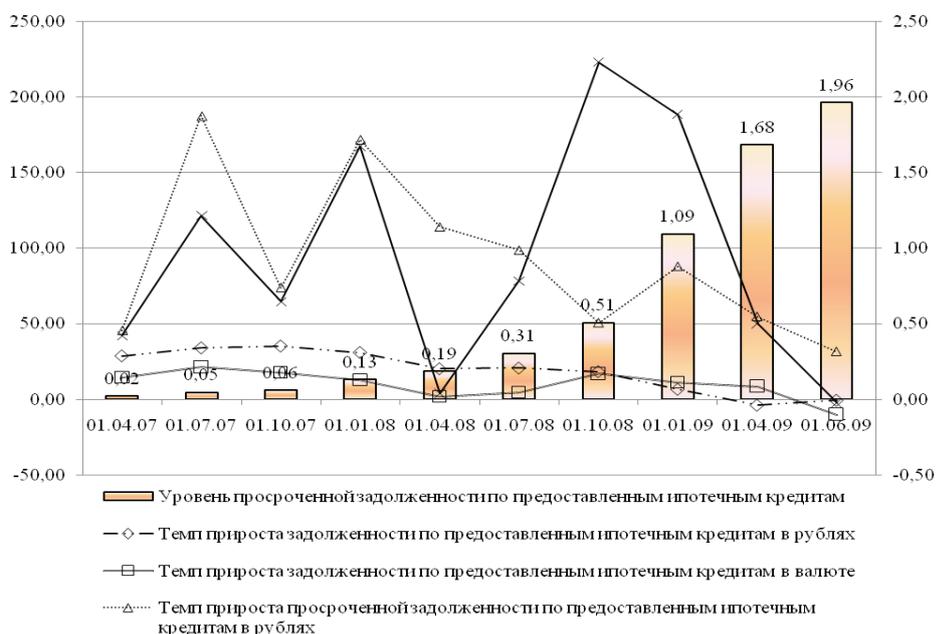

Рис. 2. Темпы прироста объема ипотечных кредитов и просроченной задолженности, млрд рублей [1].

В первом полугодии 2009 г. происходит общее снижение объема ипотечных кредитов в рублях и иностранной валюте и ухудшение качества кредитного портфеля. Также прослеживается снижение темпов прироста просроченной задолженности. Формально это позитивное явление, однако реально замедляет процессы организации системы ипотечного кредитования, а следовательно, ведет к снижению инвестиций в стройиндустрию и другие сопряженные отрасли экономики.

В этой связи представляет интерес оценка институционального и ресурсного потенциала банковского сектора России и регионов с позиции перспектив развития рынка ипотечного кредитования на этапе выхода из глобального кризиса.

Согласно официальной статистике количество кредитных организаций, занятых на рынке ипотечных кредитов, увеличилось в 2007 г. на 17,9%, в 2008 г. на 2,2% [2]. Основная причина обострение финансового кризиса, признаки которого уже проявились в конце 2007 г.

В настоящее время в российской системе ипотечного кредитования задействовано 600 кредитных организаций или 54,2% от общего числа действующих коммерческих банков (табл.1), а в Дальневосточном федеральном округе – 26 единиц или 4,3% от общего количества кредитных организаций банковского сектора.

Таблица 1

Институциональная структура рынка ипотечного кредитования России по регионам на 01.01.2009 г. [1]

Наименование показателя	Количество действующих кредитных организаций		Количество кредитных организаций, предоставляющих ипотечные кредиты	
	Единиц	Удельный вес, %	Единиц	Удельный вес, %
Центральный федеральный округ, в том числе	621	56,0	292	48,7
г. Москва	543	49,0	245	40,8
Северо-западный федеральный округ	79	7,1	47	7,8
Южный федеральный округ	115	10,4	46	7,7
Приволжский федеральный округ	131	11,8	96	16,0
Уральский федеральный округ	58	5,2	47	7,8
Сибирский федеральный округ	68	6,2	46	7,7
Дальневосточной федеральный округ	36	3,3	26	4,3
Приморский край	8	0,8	6	1,0
Всего по России	1108	100,0	600	100,0

Лидерами по выдаче таких видов кредитов являются филиалы инорегиональных банков, преимущественно из Москвы, на их долю приходится 23 млрд рублей предоставленных ипотечных кредитов или 85,2% всех предоставленных кредитов. А на кредитные организации Дальневосточного федерального округа пришлось 13,1% или 3,5 млрд рублей, рис. 3.

Среди филиалов основными игроками на региональном рынке ипотечного кредитования являются банки федерального уровня, к которым относится ОАО Сбербанк России и ЗАО ВТБ 24. Данные структуры в реализации программ ипотечного кредитования имеют широкую государственную поддержку, особенно в кризисный период, и доступ к относительно дешевой и долгосрочной ресурсной базе.

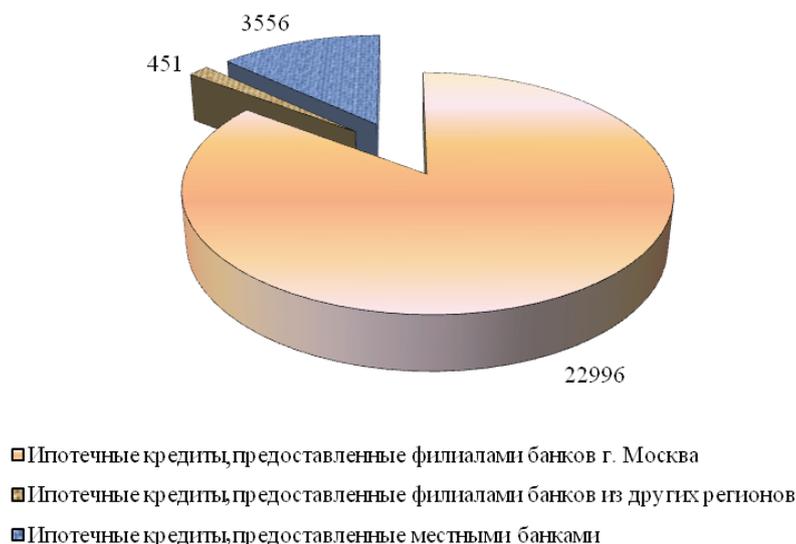

Рис. 3. Структура ипотечных жилищных кредитов, предоставленных коммерческими банками и филиалами в Дальневосточном федеральном округе в 2008 г., млн руб.

Ситуация по развитию ипотечного кредитования в регионах обусловлена как макроэкономическими факторами, так и особенностями хозяйствования. Степень влияния факторов на уровень развития ипотечного рынка можно охарактеризовать с помощью относительных показателей – коэффициентов соотношения объема выданных ипотечных кредитов к валовому региональному продукту (ВРП) и на душу населения (табл.2). Расчеты показали, что благоприятные условия для развития ипотечного жилищного кредитования имеются в Хабаровском и Приморском краях. Выделенные индикаторы по Хабаровскому краю превосходят значение общероссийских. Если эти показатели с аналогичными характеристиками по странам Европейского союза (ЕС), то их размер незначителен. Так, по странам ЕС объем финансирования ипотеки достигает 39% от ВВП.

Отмеченная дифференциация в развитии уровней ипотечного кредитования по регионам зависит от использования в этих видах кредитов бюджетных и внебюджетных ресурсов.

**Уровень развития ипотечного кредитования в региональном разрезе
с 01.01.2007 г. по 01.01.2009 г. [1]**

Наименование показателя	01.01.2007		01.01.2008		01.01.2009	
	Объем ипотечных кредитов к ВРП, %	Объем ипотечных кредитов на душу населения, тыс. руб.	Объем ипотечных кредитов к ВРП, %	Объем ипотечных кредитов на душу населения, тыс. руб.	Объем ипотечных кредитов к ВРП, %	Объем ипотечных кредитов на душу населения, тыс. руб.
Российская Федерация	1,05	1645	2,2	4304	3,06	7397
Дальневосточной федеральный округ	0,63	943	1,6	3038	2,5	5792
Республика Саха (Якутия)	0,53	1169	1,2	3113	1,8	5933
Приморский край	0,70	728	2,1	2653	2,9	4729
Хабаровский край	0,93	1300	2,6	4563	3,8	8276
Амурская область	0,73	754	1,7	2172	2,9	4833
Камчатский край	0,39	243	1,1	2089	1,8	4264
Магаданская область	0,76	259	1,5	3307	2,5	7043
Сахалинская область	0,37	1071	0,71	2738	1,2	5955
Еврейский автономный округ	0,29	284	1,5	1823	2,5	3807
Чукотский автономный округ	0,19	549	0,67	2420	0,86	4356

Структура ипотечного рынка Приморского края представлена в основном коммерческими банками, зарегистрированными в данном субъекте. В 2008 г. их было 8 единиц, из которых 6 предоставляли ипотечные кредиты – или 75% от общего числа кредитных организаций. Кроме того, в данном процессе участвует региональный оператор Агентство ипотечного жилищного кредитования (АИЖК) ОАО «Наш дом Приморье». Его ипотечный портфель на 01.01. 2008 г. составлял около 90 млн

рублей [3]. Для сравнения: коммерческие банки Приморского края на конец 2008 г. предоставили 9405 млн рублей ипотечных кредитов. В регионе действуют государственные программы обеспечения жильем населения, реализуемые Администрацией Приморского края в рамках развития ипотечной системы региона. Среди них следует выделить «Квартира молодой семье на 2002-2010 гг.», утвержденная Постановлением губернатора Приморского края от 28.01.2003 г. № 24. Однако объем финансирования незначителен (в 2007 г. он составил 49 млн рублей). Таким образом, на данном этапе развития региональной ипотечной системы кредитования институциональную структуру в основном формируют коммерческие банки.

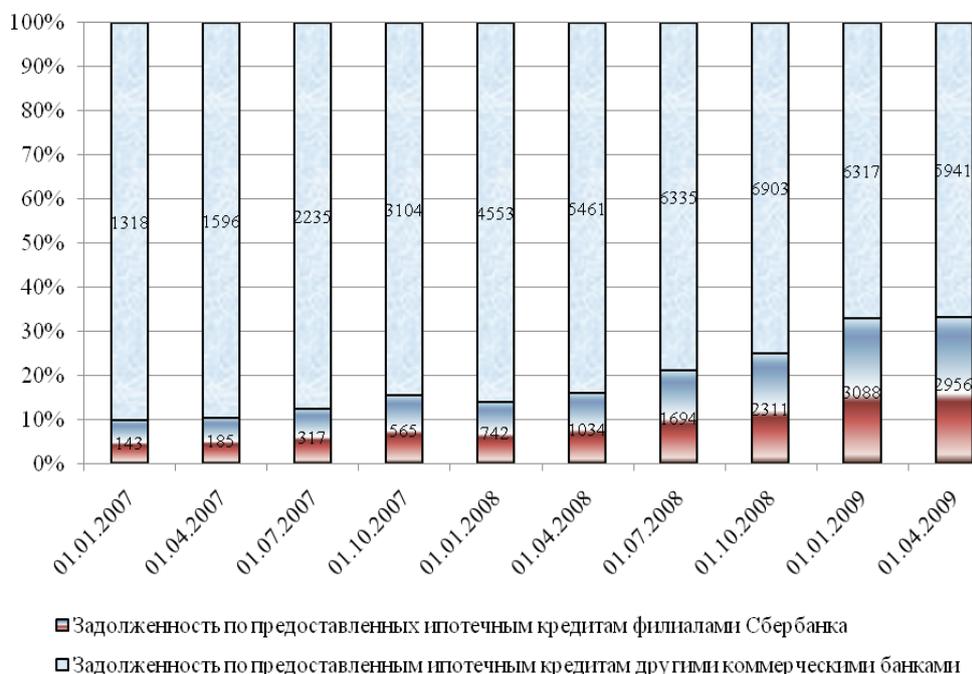

Рис. 4. Структура рынка ипотечного жилищного кредитования Приморского края за 01.01.2007 – 01.04.2009, в млн руб.

Динамика развития рынка ипотечного кредитования в Приморском крае в 2006-2008 гг. по данным Банка России имела положительный тренд (рис. 4). Объем предоставленных ипотечных кредитов коммерческими банками в 2006 г. составил 1461 млн рублей, в 2007 г. – 5295 млн рублей, в 2008 г. – 9405 млн рублей. Доля филиалов Сбербанка как основного оператора по предоставлению ипотечных кредитов на эти же даты увеличилась до уровня 9,8%, 14,1%, 32,8% соответственно.

Под влиянием неблагоприятных внешних факторов, связанных с экономической конъюнктурой, и вследствие реакции банков по ужесточению условий кредитования в первом квартале обозначилась тенденция к снижению объемов ипотечного кредитования: с 9405 млн рублей до 8897 млн рублей. Из-за более низких темпов сокращения ипотечного кредитования Сбербанком на фоне других кредитных организаций его доля на рынке регионального ипотечного кредитования возросла до 33,2% в течение второго квартала 2009 г.

Полученные результаты подтверждают рост уровня концентрации ипотечного

портфеля у одного ведущего оператора – ОАО Сбербанк России. Это может иметь отрицательные последствия для качества банковского обслуживания ипотечных операций, так как Сбербанк значительно превышает нормативные уровни доминирования одной кредитной организации на рынке банковских услуг (кредитная организация признается доминирующей на рынке банковских услуг, если ее доля на федеральном рынке составляет более 10 %, а на региональном – более 20 %).

Следует отметить, что данная ситуация характерна для России в целом. В 2006 г. на долю 10 кредитных организаций приходилось 46% предоставленных ипотечных жилищных кредитов, в 2007 г. – 54%, в 2008 г. – 66%.

Учитывая, что политика Центрального Банка РФ направлена на уменьшение количества кредитных организаций как на федеральном, так и на региональном уровне (количество коммерческих банков за последние три года сократилось на 81 единицу), рост концентрации и степень монополизации рынка ипотечного кредитования продолжится [4].

Возможности кредитной организации по аккумулярованию временно свободных денежных ресурсов, в использовании различных инструментов, таких как депозиты, ценные бумаги, остатки на расчетных счетах и др., достаточно велики. Соответственно увеличивается потенциал банка по расширению кредитных операций, и в частности по предоставлению ипотечных кредитов. Структура ресурсной базы коммерческого банка и ее объем во многом зависят от внутренних факторов, в частности связанных со стратегией кредитной организации, направленной на привлечение временно свободных денежных средств в экономике.

Оценка влияния ресурсного фактора на масштаб ипотечного кредитования проведен на основе методов регрессионного анализ. В качестве факторов использованы источники формирования ресурсной базы коммерческих банков Приморского края за период с 2007 по 2008 гг. На базе проведенных расчетов были получены результаты множественной регрессии, отражающие влияние источников образования ресурсной базы на объем ипотечного кредитования. Исходя из значимости этих факторов, была получена достаточно надежная следующая модель:

$$Y = 1110,51 + 0,024X_1 + 0,008X_2 + 0,202X_3,$$

где X_1 – средства организаций на расчетных счетах, млн руб.;

X_2 – вклады физических лиц, млн руб.;

X_3 – собственные средства (капитал), млн руб.

Банковский сектор Приморского края при предоставлении ипотечных кредитов использует в основном следующие ресурсы: вклады физических лиц и остатки на расчетных счетах предприятий и организаций, которые являются краткосрочными ресурсами. Другие инструменты привлечения ресурсов, такие как депозитные и сберегательные сертификаты, выпущенные векселя банком и облигации не используются. Соответственно, основными инструментами в области предоставления ипотечных кредитов являются средства организаций на расчетных счетах, вклады физических лиц и собственные средства банка.

Таким образом, формирование ресурсной базы коммерческих банков (в основном в регионах), необходимой для проведения ипотечных операций, опирается на традиционные банковские услуги – в основном привлечение депозитов, носящих краткосрочный характер. У кредитных организаций отсутствуют долгосрочные ресурсы, необходимые для ипотечного кредитования

Рынок ипотечного кредитования в России, включая и регионы, находится только

в стадии формирования. Незначительные масштабы жилищного кредитования в РФ и ее субъектах в сравнении с развитыми экономическими странами обусловлены, с одной стороны, низкими экономическими потенциалами регионов, с другой – снижением экономической активности в основных отраслях экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данные Банка России, <http://www.cbr.ru/statistics>.
2. О текущих тенденциях в сфере ипотечного жилищного кредитования, http://www.cbr.ru/statistics/ipoteka/2008_ipoteka.pdf.
3. Источник: официальный сайт Администрации Приморского края, <http://www.primorsky.ru/>
4. Отчет о развитии банковского сектора и банковского надзора в 2008 году, <http://www.cbr.ru>

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НЕФТЕГАЗОВОГО И РЫБОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСОВ НА ШЕЛЬФЕ

А.Е. Жариков*

Несмотря на принимаемые усилия ведущих стран мира по снижению зависимости от нефти и газа, потребление углеводородов ежегодно увеличивается на 2,5-3,0 %. Ожидается, что: во-первых, доля нефти и газа в общем составе энергоносителей до 2030 г. будет составлять 60-70 %; во-вторых, пик добычи нефти придется на 2015-2020 годы. Причем из 99 стран, добывающих нефть и газ, 52 страны, включая США, уже прошли пик добычи, а такие страны, как Великобритания, Норвегия и некоторые другие или уже достигли пика добычи, или достигнут его в ближайшее время [1].

Ограниченность запасов нефти и газа на суше предопределяет необходимость их добычи на континентальном шельфе. Освоение нефти и газа на морских месторождениях ведут около 60 стран, ежегодно добывающих более 1 млрд т нефти и 760 млрд м³ газа, что в целом составляет более 1/3 нефтегазодобычи в мире (1 тыс. куб. м газа условно соответствует 1 т нефти).

С другой стороны, океан – это кладовая большого многообразия продовольственных ресурсов. А учитывая, что шельф это места обитания и нерестилища для водных биологических ресурсов, рекреационная зона, морские пути, то неизбежен конфликт интересов между нефтегазодобывающим комплексом и рядом других пользователей океана и, в первую очередь, рыбопромышленным комплексом. Тем не менее перемещение и расширение активной деятельности по добыче нефти и газа на шельфе неизбежны и их следует воспринимать как свершившийся факт. Об этом свидетельствует и решение американского Конгресса США, отменившего с 01.10.2008 г. мораторий на добычу нефти и газа на континентальном шельфе за пределами 50 миль от береговой полосы, который был им же введен в 1981г. для предотвращения загрязнений прибрежных акваторий. В настоящее время уже разработан проект программы освоения шельфа. В нем предусмотрено проведение аукционов по продаже в лизинг участков акваторий, содержащих месторождения нефти и газа, в том числе и участков акваторий у побережья штата Аляска (в Чукотском и Беринговом морях) [2].

Возникающая ситуация совсем не безразлична для России, имеющей здесь свои интересы как в области нефтегазодобычи, так и в области добычи рыбы и морепродуктов. Здесь возможны пересечения интересов, в том числе обусловленных и пространственным расположением нефтеловушек (границ месторождений нефти и газа).

Какая бы ситуация не складывалась, проблема оптимального сочетания различных видов деятельности на конкретных морских акваториях, с высокой динамикой происходящих на них процессов, является одной из насущных.

Для российского Дальнего Востока изучение указанных проблем достаточно актуально в связи с освоением нефтегазовых ресурсов шельфа о. Сахалин, для раз-

* *Жариков Александр Евгеньевич* – аспирант Института Менеджмента и Бизнеса ДВГУ, e-mail: zharikov@ext.dvgu.ru.

работки которого создано несколько проектов с общим названием «Сахалин» (от «Сахалина-1» до «Сахалина-9»).

Следовательно, на нефтяном фоне нельзя оставить без внимания вопросы экологии, ибо шельф Сахалина это и нерестилища для минтая и других видов рыб, среда обитания морских животных, подходы лососевых на нерест к рекам о. Сахалин, регион активного морского рыболовства.

По рыбопромысловому районированию восточный шельф Сахалина (база всех основных нефтегазовых проектов «Сахалин») включает Северо-Восточное побережье от м. Елизаветы до м. Крильон и все реки, впадающие в морские водоемы этого побережья, являющиеся местами естественного воспроизводства дальневосточных лососей. К нагульным и нерестовым площадям относится и практически вся прибрежная зона. Здесь нерестится в основном восточно-сахалинское стадо минтая. Кроме рыбы в водах Восточного побережья добываются краб, ценные беспозвоночные и водоросли.

Как показывает мировой опыт, техногенные воздействия в виде потоков углеводородов в морскую среду неизбежно возникают на стадиях бурения, добычи, подготовки и транспортировки продуктов добычи. Ущерб от загрязнения морской среды при освоении морских нефтегазовых месторождений связан, в том числе, как с аварийными разливами нефти, так и с ее технологическими потерями. Неординарные условия Северо-Восточного шельфа Сахалина обуславливают возможность серьезных аварийных разливов. Причем основная масса нефти будет скапливаться в прибрежной полосе и за счет постепенного сноса вдоль берега под воздействием Восточно-Сахалинского течения «закупорит» входы в заливы Пильтун, Чайво, Ныйский и другие (глубины на входе в заливы от 2-х до 8 м). А эти заливы являются проходами для лососевых рыб в основные нерестовые реки на северо-восточном побережье Сахалина.

В частности, проект «Сахалин-2» (Пильтун-Астохский ареал) относится к районам с крайне суровыми климатическими и гидрологическими условиями, на длительное время покрывается тяжелыми льдами, характеризуется повышенной сейсмичностью. Перенос морских вод с севера на юг осуществляет стационарное Восточно-Сахалинское течение со средней скоростью около 1 км/ч, скорость приливно-отливного течения 4,3 км/ч, прижимного ветра – 28,8 км/ч. Расстояние месторождения от берега 15,3 км, глубина на месте установки платформы 30-35 м.

Кроме того, для данной зоны шельфа характерны суточные приливы (цикл отлив-прилив составляет 2 суток), попадающая в море нефть при переносе под воздействием приливно-отливного и Восточно-Сахалинского течения ветра, в течение 2 суток загрязнит площадь порядка 700 км², а затем частично будет концентрироваться в прибрежной полосе. Нефть, попавшая в активную струю Восточно-Сахалинского течения, достигнет заливов Терпения и Анива, являющихся зонами «разгрузки», в которых нефть, поступившая в циклонические зоны, будет рассеиваться по периферии. Если принять во внимание, что на 49° с.ш. часть вод, выносимых течением, отклоняется к востоку, то по направлению зал. Анива будет переноситься около 20% технологических потерь нефти [3].

Нефть, попавшая в морскую среду, оказывает вредное воздействие на рыбную сырьевую базу, водные организмы и т.д. Так, при нефтяном загрязнении рыба пахнет нефтью. Тяжелые фракции нефти, осаждаясь на дно, уничтожают нерестилища и кормовую базу рыб. Планктонные водоросли и зоопланктон, составляющие первичную основу биопродуктивности моря, снижают или вообще теряют способность

к размножению уже при незначительном содержании нефтепродуктов в воде, а при концентрациях более 1 мг/л начинается их массовая гибель. Нарушение пищевой цепи ведет к гибели рыбных ресурсов – мощного современного источника решения продовольственной программы для мирового сообщества.

Ущерб при аварийных разливах будет исчисляться десятками тыс. долл. на 1 т разлитой нефти. Ориентировочно 40-100 тыс. долл./т, в зависимости от места аварии, направления отлива-прилива, силы течения, биопродуктивности конкретного участка акватории.

Предсказываемые ситуации и последствия не так уж беспочвенны, хотя даже официальные лица, связанные с экологией, считают, что добыча нефти в штатном режиме достаточно безопасна и что опасны только аварийные разливы. Безусловно, это не так, все зависит от применяемых технологий и сопутствующих им технологических потерь нефти. Просто аварийные разливы более впечатлительны. Так в 1999 г. из-за превышения предельно допустимых концентраций ДДТ (дихлор, дифенил, трихлорметилметан) в десятки раз в водах зал. Пильгун (по данным Центра Госсанэпиднадзора Южно-Сахалинска) на Северо-Восточный берег о. Сахалин выбросило около 1 тыс. т мертвой тихоокеанской сельди. Итог – резкое сокращение улова сельди, усугубленное тем, что инцидент произошел во время хода сельди на нерест. По мнению экологов, причина истощения запасов сельди в б. Пильгун – авария на буровой платформе «Моликпак», принадлежащей компании «Сахалин Энерджи».

В сентябре 2004 г. в акваторию г. Холмска (Юго-Западное побережье о. Сахалин) попало около 200 т топлива в результате аварии бельгийского дноуглубительного судна «Христофор Колумб», выброшенного во время шторма на берег. Работы по локализации загрязнения были начаты спустя 57 часов [4].

Можно считать, общественности становятся известными только крупные экологические катастрофы, сопровождающие освоение нефтегазовых ресурсов шельфа Сахалина. Переход на непрерывную годовую добычу ресурсов, особенно нефти, в сложной ледовой обстановке, присущей северо-восточному шельфу Сахалина, может обернуться серьезными потерями данного шельфа для целей рыбопромышленного комплекса, использования его в качестве источника формирования продовольственной базы не только области, но и всей России.

Даже краткий анализ ситуации, складывающейся на северо-восточном шельфе Сахалина, показывает серьезность возникающих противоречий при освоении морских акваторий. Однако проблема не ограничивается только пересечением интересов сырьевых отраслей, немаловажными являются и проблемы, обусловленные природно-климатическими условиями и, в частности, высокой динамикой происходящих процессов в морских акваториях. Это проблемы замедления деструктивных процессов в северных широтах, динамики морских вод (водообмена, переноса в атмосферу и т.д.).

Таким образом, проблема освоения ресурсов на шельфе имеет многопрофильный характер, обусловленный ее сложностью. И, следовательно, с позиций понятийного аппарата добычу нефтегазовых и биологических ресурсов можно рассматривать как взаимосвязанный комплекс материальных объектов в различных формах существования. Здесь присутствуют все необходимые признаки, позволяющие определить ее как систему.

Применение системного анализа к исследованию освоения морских акваторий предполагает четкое определение последствий от реализации нефтегазового освоения и какое влияние оно окажет на рыбную отрасль в будущем. Таким образом, системный

анализ в решении проблемы оптимального многоцелевого использования сырьевой базы шельфа о. Сахалин позволит четко разделить цели, средства, ресурсы и мероприятия и установить сбалансированные равновесные соотношения между ними.

В современных условиях, в частности планирование добычных работ на морском шельфе должно базироваться на основе совершенно новых производственных и экономических требований. Здесь необходимо рациональное сочетание одновременного использования шельфовых акваторий как нефтегазовой отрасли, так и рыбной. Этому способствует и опыт развития морской нефтегазовой и рыбной промышленности активно развивающихся стран.

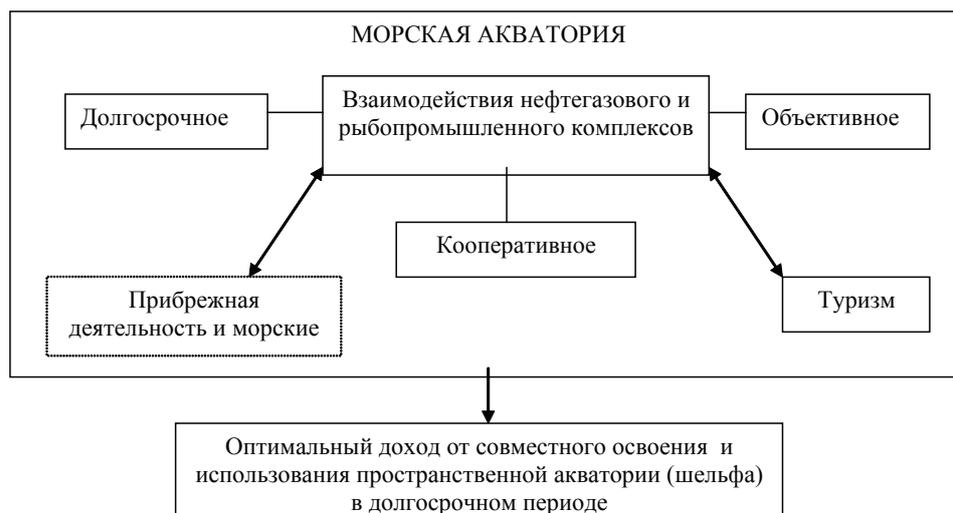
Экономика всегда работает в условиях жестких ограничений на ресурсы. Развитие ресурсной базы одна из главных целей экономической системы. На ее развитие оказывают влияние не только сложившиеся экономические связи, но и будущие условия развития, а также оценка ресурсов. В этом плане проблема освоения океана только набирает ход. Но вторжение в океан остро ставит ряд проблем. В первую очередь это задача пополнения балансовых запасов новыми месторождениями минерального сырья. Она заставляет идти дальше на Север. Проблема в том, что чем дальше на Север, тем больше усугубляются экологические процессы, а это в свою очередь все больше будет угнетать биологическую составляющую океана.

Характер взаимодействия промышленных комплексов можно отразить схемой 1, модифицировав схему, предложенную в работе [5]. Ее анализ показывает, что при разработке подходов к оптимальному решению проблемы многоцелевого использования морского шельфа с системных позиций, необходимо и разработать единые принципы выработки целевых решений и предложить единые методы и формы этой работы. При этом сложность проблемы многоцелевого освоения морского шельфа обуславливается и проблемой выбора критерия – определения правил эффективного способа достижения цели.

Рассматривая нефтедобывающую и рыбную отрасли как отдельные предприятия, можно считать, что критерием их хозяйственной деятельности будет прибыль. А так как предприятия по сути являются отраслями, то формирование критериев на уровне отраслей сложнее. Проблема в том, что роль отрасли в достижении народнохозяйственных целей далеко не всегда может быть интегрально оценена каким либо одним критерием. Действительно, предприятие как экономический субъект определяет свою деятельность коммерческой эффективностью, а как субъект производства важнейших стратегических ресурсов (которыми являются большинство минерально-сырьевых ресурсов шельфа) оно рассматривается как предприятие-отрасль народнохозяйственного значения с более сложной формой критерия (фактически им является взаимосвязанный комплекс критериев). Это обусловлено тем, что в роли отрасли предприятие решает и проблемы как федерального уровня, так и межгосударственные.

Таким образом, истощение месторождений нефти и газа на суше ведет к активной организации их добычи на шельфе океана, что обуславливает проблему многоцелевого его использования. По структуре организации исследуемый объект представляет собой систему, оптимизация деятельности которой наиболее представительна с позиции разных критериев. Проведенный анализ проблемы показывает также, что в качестве инструментария ее исследования предпочтительно применение системного анализа.

Схема 1. Характеристики взаимодействия хозяйствующих субъектов на морской акватории

В пользу предпочтительности реализации такого подхода говорит и совместное обращение Союза рыбаков Норвегии и Союза рыбопромышленников Севера к компаниям нефтегазового сектора, ведущим свою деятельность в промысловых районах Баренцева и Норвежского морей. Основные его положения сводятся к необходимости учета нефтегазовым сектором экологических рисков и отдачи приоритета предупредительным мерам для снижения негативных последствий такой деятельности. Для этого рыбаки настаивают на реализации следующих положений и мер:

- согласовывать поисковую и промышленную работу в промысловых районах с рыбопромышленными организациями; проводить общественные слушания проектов по добыче нефти и газа с представителями организации рыбаков, начиная со стадии планирования;
- отказываться от сейсмической и промышленной деятельности на нерестовых акваториях с высокой плотностью популяции и промысловой ценностью водных биоресурсов;
- обеспечивать полный общественный доступ к экологической информации и возможность общественного контроля за деятельностью нефтегазовых компаний на морских территориях;
- доводить до сведения общественности планы устранения аварийных разливов нефти, своевременно информировать об аварийных ситуациях, их последствиях и мерах по предотвращению вредных воздействий на окружающую среду и живые ресурсы;
- предусматривать средства для возмещения ущерба, в том числе и рыболовным компаниям, в случае отчуждения промысловых районов при проведении работ по сейсмической разведке, разработке месторождения, прокладке трубопроводов и от последствий воздействия загрязнения на водные биоресурсы.

Безусловно, при этом важнейшим вопросом остается проблема «хозяина» акватории, или проблема собственности. В настоящее время морские акватории находятся в федеральной собственности, что оставляет надежду на реализацию экосистемного подхода при решении вопросов освоения шельфа хозяйствующими субъектами на ограниченной акватории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитрий Лукашев. Будущее за шельфом // Энергетика: тенденции и перспективы, № 8 (124), апрель 2009.
2. Михаил Сергеев. США толкают нефтяные цены вниз // www.ng.ru/economics/2008-09-18/6_neft.html.
3. Жариков Е.П. Регулирование качества окружающей среды. Владивосток: Дальнаука, 1993. 120 с.
4. Марина Саплинова. Готова ли Россия к добыче нефти на шельфе? // www.bellona.ru/russian_import_area/energy/renewable/39202.
5. Развитие взаимодействия нефтегазового и рыбопромышленного комплексов в Мурманской области // www.b-port.com/news/archive/2009-03-17-31.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СФЕРЫ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ УСЛУГ*

А.Н. Стащенко**

Информационно-технологическая (телекоммуникационная) революция, начавшаяся в последней трети XX в., инициировала существенные изменения в общественно-экономических отношениях как на национальном, так и на международном уровне. Информационные технологии и предоставляемые на их базе услуги связи вышли за пределы национальных границ отдельных стран и детерминировали становление глобальной информационно-телекоммуникационной системы, которая значительным образом влияет на функционирование мирового хозяйства. С этого времени начинается активное формирование информационного общества, т.е. общества, основанного на знаниях.

Связь играет чрезвычайно важную роль в сбалансированном развитии экономики. Она служит объединяющим, интегрирующим звеном между промышленностью, сферой услуг и потребителями, а также между отдаленными территориями и экономическими центрами.

В мире объем информации, передаваемой через информационно-телекоммуникационную инфраструктуру, удваивается каждые 2-3 года. Появляются и успешно развиваются новые отрасли информационной индустрии, существенно возрастает информационная составляющая экономической активности субъектов рынка и влияние информационных технологий на научно-технический, интеллектуальный потенциал и здоровье наций. Начало XXI в. рассматривается как эра информационного общества, требующего для своего эффективного развития создания глобальной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, темпы развития которой должны быть опережающими по отношению к темпам развития экономики в целом. Опережающее развитие телекоммуникаций является необходимым условием для создания инфраструктуры бизнеса, формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций в страну, решения вопросов занятости населения, развития современных информационных технологий.

Значение телекоммуникационной отрасли проявляется в постоянном увеличении ее доли в национальном продукте. В развитых странах доля связи в валовом внутреннем продукте (ВВП) достигает 5%, в Российской Федерации – только 2% [1].

* Автор выражает признательность проф. Е.П. Жарикову за оказание методической и практической помощи при написании данной статьи.

** *Стащенко Анастасия Николаевна* – магистр Института менеджмента и бизнеса ДВГУ, e-mail: sanv11@yandex.ru.

В России действует 26 тыс. предприятий, оказывающих услуги связи, что составляет 0,6% от всего числа действующих предприятий. В настоящее время в отрасли связи занято 879 тыс. человек, или 1,3% от всего количества занятых в стране.

Сегодня ни одна крупная международная проблема не решается без использования накопленных в мире громадных информационных массивов, отлаженных телекоммуникационных связей, автоматизированной переработки и передачи необъятного, по прежним меркам, объема информации. Не только отдельные ученые и деловые круги, но и многие политики все более высоко оценивают роль информации. Государство, которое более полно и оперативно поставляет себе на службу мировые ресурсы информации, начинает объективно обладать важнейшей предпосылкой экономического и социального развития и получает ощутимые преимущества перед другими странами.

Таким образом, со второй половины XX в. информация стала неотъемлемым элементом факторов производства, и возникла потребность в формировании социальных институтов, обеспечивающих создание, накопление, обработку, селекцию и передачу информации. В конце столетия роль этих институтов резко возросла в связи с увеличением оборота информации и появлением новых информационных технологий.

Понимание социальной значимости отрасли заставило государства оберегать и жестко контролировать развитие связи, используя весь арсенал возможных средств. Во всех странах до начала 80-х годов эволюция связи осуществлялась в рамках государственной (частной – только в США и Канаде) регулируемой монополии. Спрос на услуги связи был стабильно высоким, тарифы дотиrowались путем трансфертов внутри отрасли, конкуренция фактически отсутствовала. Лишь в 80-е годы отрасль начинает переходить на новые технологические рельсы развития – появились микроэлектроника, компьютерные технологии [2].

В России до 80-х годов прошлого века телекоммуникации развивались в рамках «естественной монополии» с крупными первоначальными затратами капитала, высокой фондоемкостью и лимитом производственных мощностей. Решение этих проблем было сопряжено с трудностями технического и экономического характера.

Начиная с 1992 г. в телекоммуникационной отрасли РФ проходила реформа, в основу которой была положена приватизация государственных предприятий электросвязи путем их акционирования. Принципы реформирования были определены постановлением Правительства РФ от 25 июля 1992 г. № 526 «О Программе акционирования и приватизации в отрасли «Связь» на 1992 год».

В результате реформы Министерство Российской Федерации по связи и информатизации перестало быть собственником сетей и предприятий электросвязи и прекратило выполнять хозяйственные функции в области электросвязи. Итогом данного этапа приватизации было создание 127 акционерных обществ электросвязи. Оператором междугородных и международных услуг электросвязи стало акционерное общество «Ростелеком».

Проведенная в 1992-1998 гг. реформа в отрасли связи сыграла положительную роль и обеспечила ее превращение в эффективно функционирующую и высоко-рентабельную отрасль, призванную сыграть роль системообразующей отрасли экономики.

Конституцией РФ федеральная связь отнесена к ведению федеральных органов

управления. Аналогично и сфера телекоммуникаций, являясь составной частью отрасли «Связь и информатизация», также находится в исключительном ведении Российской Федерации. Таким образом вопросы правового регулирования рынка телекоммуникационных услуг на территории России отнесены к компетенции федеральных органов.

Правовую основу деятельности отрасли связи устанавливает Федеральный закон «О связи» (№15-ФЗ), подписанный Президентом 16 февраля 1995 г., который выделяет два основных вида связи: почтовую связь и электросвязь [3]. В настоящее время федеральным органом, ответственным за общее развитие и регулирование отрасли, является Министерство связи и массовых коммуникаций РФ (Минкомсвязь РФ).

В отличие от других видов деятельности человека, телекоммуникационный бизнес имеет свои специфические особенности. Так, на рынке услуг связи России действуют как традиционные, так и «альтернативные» операторы. Деятельность крупнейших операторов, которые относятся к традиционным операторам, регулируется законом «О естественных монополиях» в части установления тарифов на услуги связи, а также определения круга потребителей, подлежащих обязательному обслуживанию. Главной целью такого регулирования является предоставление возможности выйти на рынок новым, «альтернативным» операторам. Таким образом, под «альтернативными» понимаются операторы телекоммуникационных услуг, которые получили лицензию на их оказание после 1990 г., и чьи тарифы не регулируются Федеральной антимонопольной службой.

В России действует несколько крупных групп альтернативных операторов:

- «ГолденТелеком» («Комбелга», «Коминком», «Телеросс», «Совинтел»);
- «Комстар – Объединенные ТелеСистемы» («МТУ-Информ», «Комстар», «Телмос»), «МТУ-Интел», «Голденлайн»;
- «Петерстар», «Глобус Телеком», «Петербургский ТранзитТелеком», «Межрегиональный ТранзитТелеком»;
- «Антел Холдинг» («Макомнет», «Раском», «Метроком», МКС);
- другие («Эквант», «Телиа-Сонера», «Комкор»).

В отличие от государственных компаний связи, модель бизнеса альтернативных операторов построена на прерогативе качества предоставляемых услуг, а не на низкой их стоимости. Эти компании не получали «в наследство» от государства устаревшую инфраструктуру – они строили свой бизнес с «нуля», делая ставку на корпоративных клиентов и на телефонизации элитного жилого сектора.

Альтернативные компании связи получают стабильно высокую долю доходов за счет предоставления доступа в Интернет – в свете высоких темпов роста именно этого рынка (наряду с построением корпоративных сетей, «умных домов», интеграции и других новых услуг).

В целом доходы российского рынка связи в 2007 г. составили 414, 7 млрд руб., увеличившись по сравнению с предыдущим годом на 18,6 % и более чем в 2,8 раза по сравнению с 2000 г., табл. 1.

Лидером по темпам роста и результатам 2007 г. стали доходы, получаемые от присоединения и пропуска трафика (рост на 53,4 % к предыдущему году). Из более емких сегментов связи лидировали радиосвязь, спутниковая связь и т.п., объем услуг которых вырос к 2006 г. – на 27,4 %, а по отношению к 2000 г. – в 2,2 раза.

Таблица 1

Доходы от услуг связи России (в сопоставимых ценах 2000 г.) [4], млн руб.

	2000	2002	2004	2006	2007
Связь – всего, в т.ч.	146431,2	170181,4	261649,4	349553,2	414722,9
Почтовая и спецсвязь	12518,7	11485,0	15318,4	26154,9	33280,2
Междугородная и международная телефонная	46761,5	41085,7	29250,7	30424	27248,9
Местная телефонная	31990,1	33933,3	30435	37286,5	32205,5
Радиосвязь, радиовещание, телевидение и спутниковая связь, проводное вещание	6820,1	7484,4	9225,9	11928,4	15197,1
Присоединение и пропуск трафика	...	...	26518,7	35720,3	54786,4

Положительная динамика дальней связи обусловлена в том числе и результатом реформы регулирования этого сектора телекоммуникаций, в результате которой ОАО «Ростелеком» и новые операторы дальней связи смогли вытеснить с рынка многочисленных провайдеров «карточной» IP-телефонии. С 1 января 2006 г. альтернативных операторов, ранее предоставлявших услуги при помощи предоплаченных карт IP-телефонии, обязали получить соответствующую лицензию [5]. Новым операторам предписывалось либо построить соответствующую инфраструктуру во всех субъектах РФ, либо стать агентами других операторов, которые ее уже построили. Естественно, что не все смогли адаптироваться к введенным реалиям.

Анализ тенденций по другим сегментам показывает, что в секторе подвижной электросвязи, который практически полностью представлен сотовой связью, темпы роста снижаются, что указывает на начавшееся насыщение этого сегмента. Аналогичное снижение темпов роста на протяжении последних трех лет наблюдается в сегментах городской и сельской телефонии, услуг с таксофонов, проводного вещания.

Как уже было отмечено выше, на рынке услуг связи России действуют как традиционные, так и альтернативные операторы. Рыночная доля альтернативных операторов на российском телекоммуникационном рынке неуклонно растет, (рис. 1) [4,6].

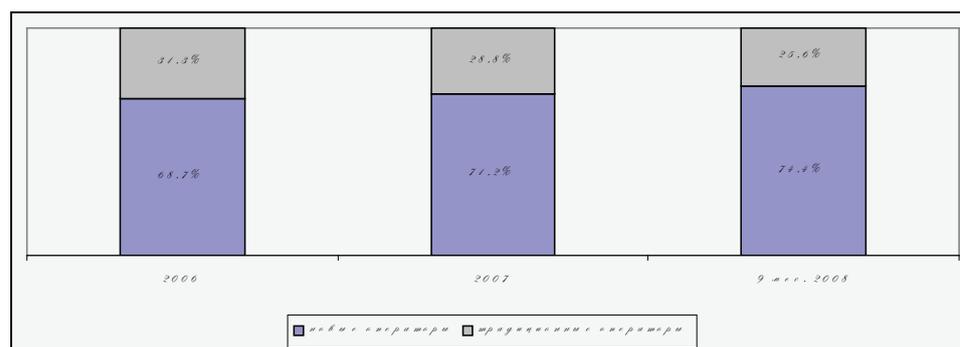

Рис. 1. Совокупные рыночные доли традиционных и альтернативных операторов

Однако традиционным операторам удалось занять некоторую долю рынка в таких высокодоходных сегментах, как подвижная и документальная электросвязь. В свою очередь «новые» операторы упрочили позиции на рынке дальней и городской телефонной связи.

Доходы альтернативных операторов растут заметно быстрее, чем у традиционных. В результате этой наблюдающейся на протяжении последних лет тенденции рыночная доля альтернативных операторов постоянно росла. Традиционные операторы, как и прежде, доминируют в традиционных сегментах связи, таких как спецсвязь, радиочастотные центры (100% рынка), почтовая связь (96,3%) и т.д. В таких высокодоходных сегментах, как подвижная электросвязь, радиосвязь, радиовещание, телевидение и спутниковая связь, документальная электросвязь, – явное лидерство принадлежит альтернативным операторам. Кроме того, они заняли довольно прочную позицию на рынке услуг присоединения и пропуска трафика.

Демонополизация российского рынка дальней связи, начавшаяся в 2006 г., не привела в 2007 г. к особым успехам. Большинство новых операторов междугородной и международной связи оказались не готовы обслуживать массовый рынок, и телефонные переговоры были по-прежнему довольно дороги. Тем не менее тренд очевиден – тарифы на дальнюю связь будут снижаться.

Что касается абонентов сотовой связи, то по данным агентства «MForum Analytics», опубликовавшего результаты исследования состояния рынка сотовой связи РФ по итогам 2008 г., на 1 активного абонента в РФ в среднем приходилось около 1,16 активных SIM-карт, табл. 2.

Таблица 2

Размер абонентской базы с учетом разных подходов к исчислению (млн человек)

	Абонентская база на конец 2008 г.	Прирост абонентской базы в 2008 г.
По учитываемым операторами SIM-картам	187,8	+15,0
По активным SIM-картам	111,8	+4,8
По активным абонентам	96,1	+3,4

Сегмент услуг широкополосного доступа (ШПД) в Интернет в России развивается опережающими темпами по отношению к отрасли в целом. К концу 2007 г., по оценке Мининформсвязи РФ, количество широкополосных подключений выросло более чем на 50% по сравнению с предыдущим годом и составило почти 5 млн домохозяйств.

Бурный рост рынка ШПД не может не привлекать новых игроков, которые, как ожидается, будут способствовать уменьшению цен на оптовых региональных рынках за счет активного строительства сетей и, как следствие, снижения цен для конечных пользователей. Так ОАО «Голден Телеком» планирует к 2010 г. развернуть вместе со своей дочерней компанией «Корбина Телеком» широкополосные сети в 65 крупнейших городах, где живет 65% населения страны (проект Triple 65). ОАО «Комстар-ОТС», в свою очередь, собирается строить сети во всех городах, где проживает не менее 200 тыс. человек [7].

Свою лепту для популяризации ШПД и преодоления «цифрового неравенства» планирует внести отечественный регулятор. Минкомсвязь РФ намерена завершить разработку концепции программы «Связь в каждый дом», которая по сути является вторым этапом развития проекта по оказанию универсальных услуг. Планируется, что скорость доступа будет ограничена (64 Кбит/с или 128 Кбит/с), а цены на предоставление доступа в Интернет будут устанавливаться государством. Убытки операторам по предоставлению этих услуг предполагается возмещать из фонда универсального обслуживания. Такой механизм рассматривается в первую очередь для регионов, где отсутствует инфраструктура доступа в Интернет.

В процессе реформирования российской экономики телекоммуникационная отрасль превратилась в одну из наиболее динамично развивающихся отраслей, обладающую потенциалом долгосрочного экономического роста. По оценкам Министерства по связи и информатизации РФ, для того, чтобы обеспечить 1% экономического роста в современной России, необходимо достичь 3% роста в телекоммуникационной индустрии. В этом случае телекоммуникации не только будут способствовать развитию общества и укреплению безопасности страны, но и станут важнейшим источником стабильного экономического роста.

Быстрое развитие телекоммуникационной отрасли в России в настоящее время обусловлено, с одной стороны, значительным неудовлетворенным спросом на установку домашних телефонных аппаратов, а с другой – возникновением сегмента новейших высокотехнологичных услуг – передачи данных, сотовой связи и услуг по предоставлению доступа в сеть Интернет. Поэтому развитие телекоммуникационной отрасли происходит в контексте двух тенденций – экстенсивного (насыщение спроса на установку телефонов) и интенсивного роста (освоение новых рынков и современных видов услуг).

А в мире в настоящее время большинство промышленно развитых стран уже интенсивно переходит на цифровой стандарт связи, позволяющий мгновенно передавать колоссальные объемы информации с высокой степенью защиты ее содержания. В мировых телекоммуникациях отчетливо проявляется тенденция развития полносервисных сетей, построенных на базе технологии коммутации пакетов услуг. Сегодня практически любой оператор связи работает не только на локальном (региональном или общенациональном), но и на мировом рынке телекоммуникационных услуг.

Однако отечественный рынок услуг связи все еще остается достаточно замкнутым. С одной стороны это обусловлено огромными масштабами территории страны, благодаря которым формируются основные доходы операторов связи. С другой – Россия пока находится вне мирового рынка международного трафика из-за недостаточно высокого уровня цифровизации магистральных каналов и более низкого качества связи по сравнению с мировыми стандартами.

К наиболее крупным телекоммуникационным центрам эксперты в области телекоммуникаций относят, кроме гг. Москвы и Санкт-Петербурга, добывающие и металлургические регионы Урала, Сибири и Дальнего Востока. Объем предоставляемых услуг ДВФО относительно Москвы в 2007 г. составил 13,2 %.

По удельным показателям объема предоставляемых телекоммуникационных услуг в расчете на одного жителя и в расчете на одно предприятие в число лидирующих регионов по итогам 2007 г. входят: Москва, Санкт-Петербург, а также Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский и Чукотский автономные округа; Якутия, Приморский, Хабаровский и Камчатский края; Тюменская, Магаданская и Сахалинская области. Таким образом, кроме двух российских столиц, традиционно занимающих первые места в различных рейтингах, наиболее высокие телекоммуникационные расходы характерны для главных добывающих центров РФ, в которых располагаются производственные

подразделения крупнейших российских сырьевых и металлургических холдингов.

Действительно, Тюменская область, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа составляют первую тройку регионов РФ по добыче полезных ископаемых. Тюменская область также 9-й по величине российский центр обрабатывающей промышленности, Республика Саха (Якутия) – 7-й по величине добывающий центр; Ненецкий АО, Магаданская и Сахалинская области входят в первые 30% регионов-лидеров по обороту добывающих производств и т.д. [8]. Тюмень, Ханты-Мансийск, Ямал и Сахалин – центры добычи топливно-энергетических ресурсов. Якутия, Приморский и Хабаровский край, Камчатка, Чукотка, Магаданская область – центры металлургии. Отметим, что, во-первых, все перечисленные регионы обладают высокой инвестиционной привлекательностью для иностранных инвесторов; во-вторых, что затраты на услуги связи наиболее высоки в ключевых ресурсных отраслях, удаленных от европейской части центрах РФ (нефтегазодобычи, металлургии и др.).

По затратам населения на услуги связи лидируют по-прежнему Москва и Санкт-Петербург: затраты на связь одного среднестатистического жителя этих городов в год составляют 12,1 тыс. руб. и 8,4 тыс. руб., соответственно. Это в 3-4 раза выше, чем по России (около 3 тыс. руб. на человека в год), рис. 2. Однако отметим, что в гг. Москве и Санкт-Петербурге реальные размеры доходов наиболее активных пользователей телекоммуникационных услуг существенно выше среднероссийских, к тому же вклад в более высокие затраты населения на услуги связи дают и завышенные столичные тарифы на услуги местной и внутризоновой связи.

Средние расходы на связь одного среднестатистического жителя других восьми регионов из первой десятки колеблется в диапазоне 4-6 тыс. руб. на человека в год. Лидирует по этому показателю затрат Ямало-Ненецкий АО (порядка 6 тыс. руб. на человека в год), замыкает рейтинг Сахалинская область (4,3 тыс. руб. на человека в год) [8].

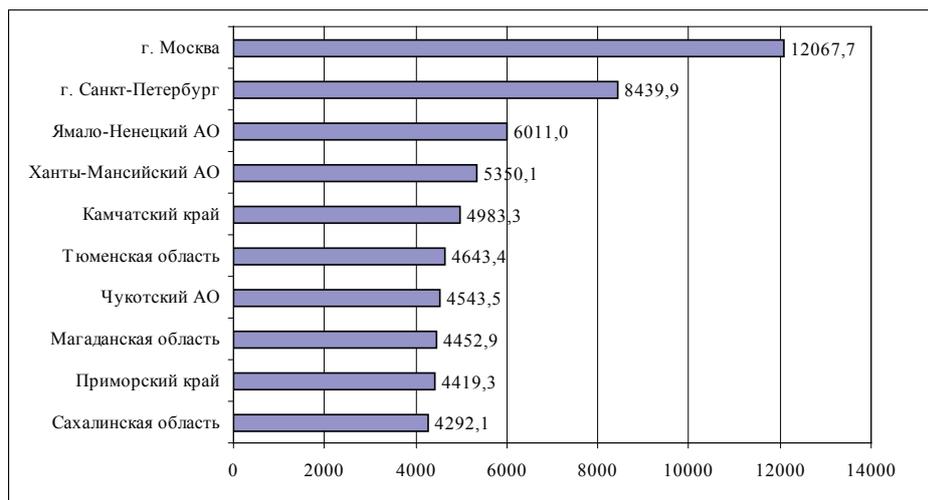

Рис. 2. Региональные затраты одного жителя на связь в 2007 году, руб.

Совершенно иначе выглядит структура лидеров по удельным показателям расходов предприятий на телекоммуникационные услуги. По расходам компаний на электросвязь в расчете на одно предприятие г. Москва уже замыкает рейтинг. На одно предприятие (не считая малые предприятия) в столице приходится около 21,6 тыс. руб. в год общих телекоммуникационных затрат, в том числе 4,2 тыс. руб. расходов на Интернет. Это почти в 5 раз ниже, чем тратит на связь среднестатистическое предприятие в Ямало-Ненецком АО (порядка 109 тыс. руб. в год). В тройку лидеров

по этому показателю входит и Сахалинская область с расходами на услуги связи среднестатистической компании 83-84 тыс. руб. В целом телекоммуникационный рынок ДВФО, по сравнению с другими регионами РФ, ненасыщен и обладает высоким потенциалом роста, а потому привлекателен для операторов связи.

Анализ доходов от услуг связи в ДВФО в отчетном году показывает (рис. 3), что наибольший вес в структуре доходов занимает мобильная связь – около 50%, на втором и третьем месте – услуги местной телефонной и междугородной / международной связи – 14,2% и 11,5 % соответственно. Такое соотношение доходов в зависимости от сегмента рынка вполне объяснимо. На фоне плачевного состояния линий связи абоненты выбирают более качественную и удобную связь даже в пределах действия фиксированного оператора, а снижение стоимости минуты разговора по сотовому телефону только усиливает процесс роста популярности именно сотовой связи. Кроме того, из-за географических особенностей региона наземные каналы связи имеются только в южной части ДВФО, и в подавляющем большинстве случаев магистральные сети базируются на спутниковых каналах.

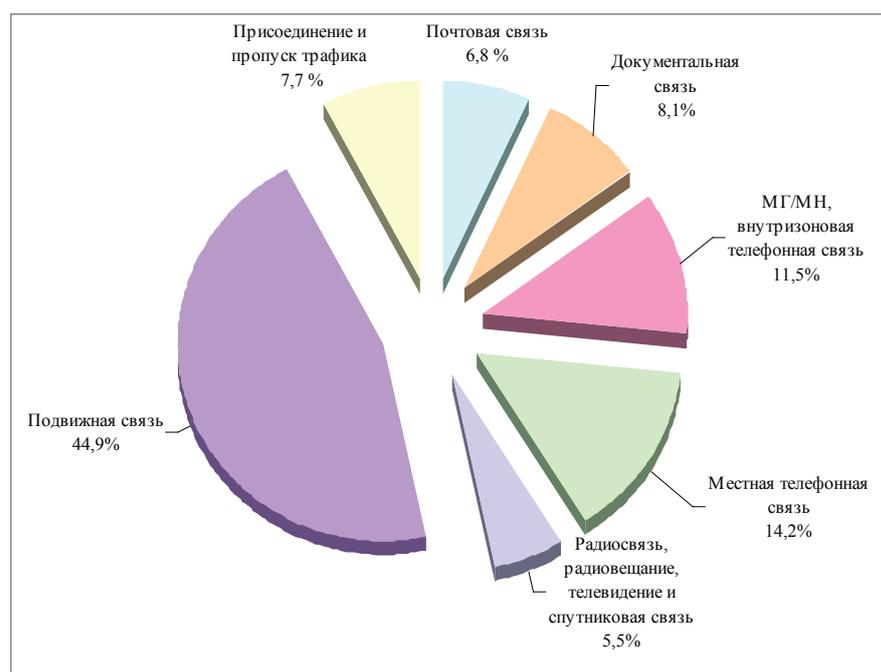

Рис. 3. Структура доходов от услуг связи в ДВФО в 2007 г. [9]

В последнее время телекоммуникационный рынок Дальнего Востока России активно осваивается альтернативными операторами связи. Интерес к данному региону объясняется позитивным трендом развития рынка в регионе. Кроме того, прогнозируется ускорение экономического роста региона в целом, связанное с планами Правительства РФ кардинально изменить социально-экономическую ситуацию в регионе и подготовкой к проведению саммита АТЭС-2012 во Владивостоке – в частности.

Среди компаний, объявивших о наличии у них планов расширения своего присутствия в ДВФО, – ОАО «Межрегиональный ТранзитТелеком» (МТТ). Компания намерена повысить свою долю на рынке услуг дальней связи с нынешних 6,8 % до 20% к 2012 г. [10]. Желает увеличить до 20 % занимаемую долю на рынке услуг связи и компания ОАО «Голден Телеком», начавшая предоставление услуг междугородной и международной связи в Приморье два года назад. Также заявила о своем выходе

в регион «Компания ТрансТелеКом» (ТТК) с намерением к 2015 г. занять 17% регионального розничного рынка в сегменте фиксированной связи и предоставлять свои услуги более чем 2 млн. абонентов [11]. Реализацию планов ТТК планирует на территориях Приморского и Хабаровского краев, Сахалинской, Амурской областей и Еврейского АО.

Серьезную конкуренцию новичкам на рынке связи ДВФО составляют успешно и продуктивно действующие в этом регионе довольно продолжительное время такие лидеры телекоммуникационного рынка России, как ОАО «Ростелеком», операторы «большой тройки» ОАО «Мобильные ТелеСистемы», ОАО «Мегафон» и ОАО «Вымпелком», и сильные местные игроки – ОАО «Новая телефонная компания» (НТК) и ОАО «Дальсвязь».

Компания ОАО «Дальсвязь» является существенным игроком на телекоммуникационном рынке Дальнего Востока, табл. 3. Наибольшая доля компании на региональном рынке в телекоммуникационной отрасли приходится на внутризоновую связь (94 %), и в этом сегменте она является монополистом. По местной связи доля рынка ОАО «Дальсвязь» составляет 85 %, и, следовательно, в стратегических планах компании мероприятия, направленные на удержание рынка в эффективных для нее сегментах телекоммуникаций.

Таблица 3

Доля ОАО «Дальсвязь» на телекоммуникационном рынке ДВФО в 2007 г.

	Доход ОАО «Даль- связь», млн руб.	Доля дохода от услуг связи в общем доходе ОАО «Дальсвязь», %	Доход в целом по регио- ну, млн руб.	Доля дохода ОАО «Даль- связь» в общем до- ходе региона, %
Местная связь	4 467	43	5 239	85
Зоновая связь	1 718	17	1 833	94
Присоединение и пропуск трафика	1 698	15	4 668	36
Интернет и пере- дача данных, из них:	2 000	16	2 795	72
ШПД	1 362	8	1 588	86
Dial-Up	435	5	565	77
IPTV	60	1	292	20
Мобильная связь	379	4	22 040	2
Прочие услуги	594	5	2 664	22
ИТОГО	10 856	100	39 239	20

ОАО «Дальсвязь» не только ведущая компания на дальневосточном рынке услуг связи, но и достаточно рентабельное предприятие (табл. 4), предоставляющее широкий спектр услуг связи на территории 7 регионов ДВФО: Приморского, Камчатского, Хабаровского краев; Сахалинской, Магаданской, Амурской областей и ЕАО.

В частности, в Приморском крае, в сегменте услуг по предоставлению доступа к Интернет предприятие возглавляет группу лидеров, однако в последнее время наблюдается отток абонентов к другим операторам: работа компании по привлечению новых

абонентов не соответствует техническим возможностям, и качество предоставляемых услуг не удовлетворяет требования клиентов. Среди тех, к кому абоненты наиболее активно уходят от ОАО «Дальсвязь», – НТК. Активно наращивает абонентскую базу также ЗАО «Престиж-интернет», предоставляющее услуги под брендом «Энфорта». На рынке телекоммуникаций Приморья «Энфорта» работает всего два года, однако уже успела закрепиться на лидирующих позициях. По оценкам участников рынка, именно «Энфорта» имеет один из наиболее высоких показателей ARPU (средняя выручка на одного абонента) среди всех операторов, работающих в сфере телекоммуникаций Приморья [12].

Таблица 4

Показатели эффективности деятельности ОАО «Дальсвязь»

Наименование показателя	Ед. изм.	I полугодие 2008 г.	I полугодие 2007 г.
Себестоимость 100 руб. выручки	руб.	72,9	71,9
Выручка на одного работника	тыс. руб.	406,56	476,73
Рентабельность продаж	%	27,1	28,1
Чистая рентабельность	%	14,6	12,7
Выручка на линию	млн руб.	3,7	3,4
Количество линий на одного работника	шт.	129	120

В целом же проведенный анализ показал, что процессы, происходящие в последнее время на рынке телекоммуникационных услуг связи, указывают на то, что в ближайшие годы динамика спроса на современные телекоммуникационные услуги и сервисы будет положительной. Активно развиваются региональные рынки связи. Высокие темпы роста демонстрирует ДВФО, так как он еще ненасыщен, а потому привлекателен для операторов связи. Наибольший вес в структуре доходов от оказания услуг связи в ДВФО занимает мобильная связь, на втором и третьем месте – услуги местной телефонной и междугородной, международной связи. В последнее время телекоммуникационный рынок Дальнего Востока России активно осваивается альтернативными операторами связи. Обозначенные выше тенденции также указывают на необходимость расширения спектра оказываемых сервисов, формирования списка новых бизнес-ориентированных и развлекательных услуг, направленных на потребителей в ДВФО.

ЛИТЕРАТУРА

1. Структура валового внутреннего продукта по видам экономической деятельности; Росстат / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>, дата 28.03.2009.
2. Волкова, Н. Под влиянием политического климата / Н. Волкова // Связьинвест. – 2009. – № 03 (81). – С. 30 – 33.
3. О связи: Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ // СПС «Гарант».
4. Доходы от услуг связи, 1970 – 2007; Росстат / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>, дата 28.03.2009.
5. Солонин, В. Рынок дальней связи делит «Связьинвест», новые и альтернативные операторы

- / В. Солонин // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://telecom.cnews.ru>, дата 14.04.2009.
6. Статистика отрасли связи, 2008; Минкомсвязь РФ / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.minkomsvjaz.ru>, дата 20.03.2009.
  7. Официальный сайт ОАО «Комстар – Объединенные ТелеСистемы» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.comstar-uts.ru>, дата 29.03.2009.
  8. Регионы России; Росстат / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>, дата 20.03.2009.
  9. Связь в России, 2008; Росстат / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>, дата 20.03.2009.
  10. Официальный сайт ОАО «Межрегиональный ТранзитТелеком» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mtt.ru>, дата 29.03.2009.
  11. Официальный сайт ЗАО «Компания ТрансТелеКом» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.transstk.ru>, дата 28.03.2009.
  12. Кудисов, А. Рынок с изюминкой / А. Кудисов // Эксперт. – 2008. – № 27 (616). – С.5 – 7.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АГЛОМЕРАЦИИ

РОЛЬ КРУПНЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОРТОВЫХ ТРАНСПОРТНЫХ УЗЛОВ

С.И. Овсянникова*

Анализ регионального успеха развития Китая, Сингапура, Республики Корея, Таиланда, мотивированного процессом глобализации, показывает, что самые большие экономические выгоды получают прибрежные районы региона, а по мере продвижения от побережья внутрь страны отмечается снижение уровней развития. На этот процесс оказывают воздействие многие факторы, в том числе более высокие издержки выхода на международные рынки и ведение деловой активности в отсутствие надлежащих коммуникаций, что зачастую делает внутренние объекты менее конкурентоспособными [1].

Исторически экономический рост и торговля в странах концентрировались вокруг морских портов. С увеличением объемов торговли морские порты стали привлекать как факторы производства, так и связанные с ними услуги, что, в свою очередь, содействовало дальнейшему повышению притока капиталовложений. А увеличение ассортимента и объемов переработки грузов с расширением географии их транспортировки обусловило создание в основных регионах мира логистических центров портового базирования.

Выполняя роль перегрузочного пункта в системе материально-технического снабжения и располагая значительными площадями для промежуточного складирования и переработки грузов, такой центр-терминал, как сложный производственно-транспортный комплекс, оказывает существенное влияние на социально-экономическую среду государства, на территории которого он расположен, и на развитие международных торгово-производственных связей. Это влияние проявляется в ряде прямых и косвенных выгод.

К прямым выгодам относятся:

1) **трудоустройство людей на прибрежных территориях.** В портовых городах и прибрежных зонах, основная масса населения работает непосредственно на самом транспорте, в транспортно-экспедиторских компаниях, в компаниях, оказывающих услуги по содействию в осуществлении внешнеэкономической деятельности (поиск производителей за рубежом, помощь в таможенной очистке груза и т.п.).

В частности, в России, в прибрежных портовых регионах численность занятых на транспорте от всего работающего населения составляет около 10,2 %, что значительно выше, чем в среднем по стране (6,7%). В том числе: в Санкт-Петербурге, Архангельске и Приморском крае – 10,2 %; Северо-Западном бассейне – 8,5 %; в Южном бассейне – 7,6 % [2];

2) **высокая доходность (прибыльность).** Расчеты показывают, что при средней комиссии за обработку одного контейнера в порту в 10-50 долл. США и годовом обороте ведущих портов региона 2 – 18 млн. ДФЭ прибыль составляет от 20 до 300 млн. долл./год.

Это только по контейнерным грузам. Учет доходов от обработки навалочных,

* **Овсянникова Светлана Игоревна** – аспирантка Владивостокского института международных отношений (ВИМО) ДВГУ, e-mail: allideas@inbox.ru.

наливных, накатных грузов, работ судоремонтных и других сопредельных отраслей экономики, показывает, что суммарный доход от деятельности таких многофункциональных портов, как Пусан, Сингапур, Тайвань, Амстердам и других крупнейших портовых центров является одной из существенных статей ВВП данных государств.

3) **эффективное использование пространства вокруг портового узла и развитие сопредельных отраслей экономики.** Портовые транспортные узлы примыкают как к сухопутным, так и к морским границам. Они обладают относительной экономической целостностью в рамках административных единиц. Вследствие этого при развитии портовых транспортных узлов достигается дополнительный социально-экономический эффект за счет:

- группового размещения морских портов и промышленных предприятий в соответствии с их экономико-географическим положением в береговой зоне;
- устойчивости межотраслевых связей;
- сокращения транспортных затрат;
- комплексного использования всех видов ресурсов;
- рационального сочетания территориально-отраслевого и программно-целевого планирования и управления [3].

В США, Японии, странах Западной Европы современные крупные портовые зоны начали формироваться в конце 50-х годов. На начало создания они формировались как зоны портово-промышленной направленности. На их территории размещались предприятия тяжелой индустрии (металлургической, нефтяной и химической промышленности), ориентированные на импорт сырья из других стран. Портово-промышленные зоны занимали обширные площади, негативно воздействовали на природную среду. В связи с этим уже в середине 60-х годов появились тенденции ограничения числа предприятий тяжелой индустрии в отдельных портово-промышленных зонах, урбанизации этих зон и размещения на их территории предприятий легкой индустрии, транспортно-складского хозяйства и промышленно-торговых комплексов.

На структурную перестройку портово-промышленных зон оказал влияние и процесс глобализации мировой экономики, который вызвал активное развитие инфраструктуры услуг, финансового блока, гостиничного сервиса и туризма, обусловленное увеличением товародвижения, расширением взаимоотношений между странами и товаропроизводителями, либерализацией торговли.

Таким образом, начался этап формирования портовых узлов более дифференцированного типа. В значительной степени это связано также с принятием в некоторых странах законодательных актов по охране природы и рациональному использованию природных ресурсов береговой зоны морей (США, Франция и др.).

Позже подобная практика повторилась в странах АТР. В частности, в Китае территории вблизи крупнейших портов Шанхай, Тяньцзинь, Циндао и др. густо застроены разными производственными комплексами обрабатывающей промышленности. Причем, следует заметить, что промышленные зоны здесь создавались позже образования самих портов.

В целях ускорения процесса формирования современных портовых зон активно использовались стимулирующие схемы поощрения, включая льготы по плате за землю, освобождение от налогообложения и т.д. Такие меры побуждали транснациональные компании и поставщиков, международных логистических услуг к регистрации и созданию на прибрежных территориях региональных или глобальных распределительных центров. Достаточно успешно такая тактика была использована при создании распределительного центра на территории Сингапура.

Создаваемый при этом добавочный положительный эффект находит свое отражение в следующих тенденциях:

1) участие в международных торговых отношениях и процессе глобализации.

Выполняя функцию транспортных узлов, в которых происходит накопление, распределение и дистрибуция продукции, порты объективно вовлекаются в торговые отношения между государствами. Более того, многие подобные центры активно участвуют в торговых отношениях, стимулируют проведение торгов (аукционов) на их территориях на льготных условиях. Эта тенденция наиболее сильно стимулирует развитие портов именно как перевалочных центров - доставка груза в порт с целью проведения сделки купли-продажи;

2) распределение доходов и положительного экономического эффекта в географическом плане. Прибыль от деятельности транспортной отрасли в прибрежных регионах может направляться «вглубь» государства как на усовершенствование транспортной инфраструктуры, так и на развитие других отраслей, в зависимости от потребностей и задач экономики страны. Развитие комплексных сетей перевозок, коммуникаций и энергоснабжения улучшает доступ к внутренним районам и, следовательно, способствует распределению выгод экономического роста.

3) увеличение финансовых оборотных средств. Помимо прибыли, получаемой за оказываемые портами работы и услуги, добавочные средства поступают в качестве инвестиций в развитие инфраструктуры портов. Объем оборотных средств является одним из показателей ВВП и формирует имидж страны на мировой арене. Однако влияние может быть не только положительным, но и иметь определенные минусы.

Одним из основных и наиболее значимых является **экологическое воздействие на окружающую среду**. Морские порты функционируют в условиях открытой ресурсно-экологической системы, охватывающей в основном шельфовую зону морей. Открытый характер такой системы связан, прежде всего, с действием внешних факторов, характеризующих процесс освоения ресурсов, а также поступления в океан продуктов жизнедеятельности и отходов производства с приморских территорий. Таким образом усиливается антропогенное воздействие на морскую среду, которое существенно осложняет и ухудшает ресурсно-экологическую обстановку на шельфе (сокращение запасов ресурсов, ухудшение их качества и т.д.).

С другой стороны, нельзя сбрасывать со счетов влияние субъективных факторов на эффективность функционирования портового транспортного узла, невзирая на то, какими бы развитыми и совершенными не были технические мощности и удобным географическое положение. Их действие может парализовать работу портового узла в силу следующих причин:

1) таможенные процедуры оформления и таможенная политика государства. Таможенные службы не являются прямыми участниками транспортного процесса. Тем не менее процесс оформления грузов через таможенную границу имеет прямое влияние на скорость движения товара по всему маршруту, даже если груз доставляется в порт только для перевалки с судна на судно или на другой вид транспорта для отправки в третью страну.

Несомненно, таможенная политика государства складывается исходя из потребностей и целей национальной экономики в конкретный период времени. Поэтому меры таможенного регулирования стоит учитывать в формировании грузопотоков как постоянный и неизменный фактор, влияющий на структуру импорта/экспорта и регулирующий количественные объемы товаров. Но необходимо обратить внимание, что влияние таможенных формальностей на транзитные грузы также может иметь

достаточно сильный эффект. В частности, наличие жестких таможенных барьеров, включая право таможенного досмотра грузов, предназначенных для третьих стран, сроки таможенного оформления или даже таможенные сборы при пересечении границы для транзита, удорожают стоимость доставки груза и оказывают негативное влияние на развитие торгово-транспортных отношений;

2) *внешняя ситуация в мире на конкурентных маршрутах*. Пиратские разбои на Суэцком канале, захват судов с грузом побуждают грузовладельцев искать и переходить на альтернативные маршруты транспортировки и, как следствие, использовать новые портовые узлы для накопления, перевалки и распределения грузовых потоков по транспортным коридорам;

3) *работа приграничных служб, включая карантинные, фитосанитарные надзоры и другие контрольные органы*. Нерационально предполагать, что целью названных служб является снижение грузопотоков через выделенные под их контроль портовые образования. Все контрольно-регулирующие органы призваны защищать государство и его население от вверенных им негативных явлений – от ввоза грузов, опасных для окружающей среды и здоровья населения, нелегального импорта/экспорта товаров, нарушения норм и правил безопасности. Изначальный характер работы «найти и обезвредить» уже заведомо негативно настраивает грузовладельцев и перевозчиков на взаимодействие с подобными службами.

В то же время сбор всевозможных документов в разных подконтрольных службах с целью разрешить оформление товара может занять в разных государствах от 1 до 25 дней. В итоге чрезмерно раздутый бюрократический способ работы не является положительным фактором для развития портов в качестве транспортных узлов. В настоящее время в Китае и ряде других государств более оперативно решают такие вопросы посредством оформления грузов через одно окно – когда проверка и оформление документов проходит в одном территориальном месте и все службы одновременно проверяют товар и/или документы по необходимым им формальностям.

Оценивая совокупность выше перечисленных выгод от наличия портовых транспортных узлов и факторов их взаимодействия с внешней средой, можно констатировать, что, к сожалению, на сегодняшний день в России, в том числе в Приморском крае РФ, порты скорее выполняют вспомогательные функции при обслуживании транспортных потоков. Они еще не являются полноценными транспортными узлами с самостоятельной системой управления, способной привлекать, координировать и распределять грузы по разным направлениям.

Одновременно на сегодняшний день происходит формирование интегрированной транспортной системы Северо-Восточной Азии (СВА) и АТР в целом. Особую важность приобретает создание высокоразвитых международных транспортных узлов. И Китай, и Южная Корея, и Япония считают, что юг Приморья является потенциальным международным транспортным узлом, точкой роста и интеграции транспортной системы российского Дальнего Востока в международную транспортную систему. При этом Приморский край рассматривается как узел транспортного коридора Восток-Запад (с участием Транссибирской магистрали) и элемент логистических схем для грузопотоков между странами СВА.

Следует отметить, что аналогичные заключения содержатся в ряде принятых федеральных документах: в Транспортной стратегии РФ до 2025г., программе «Развитие экспорта транспортных услуг РФ до 2010г.» в рамках ФЦП «Модернизация транспортной системы РФ до 2010 г.».

Потенциальные выгоды от реализации данной стратегии основываются на оцен-

ке реального рынка, находящегося вблизи Приморского края. В частности, только передислокация грузов в контейнерном исчислении стран СВА составляет 40 млн TEU в год. Пока же контейнерооборот портов Приморья немногим превышает 0,5 млн контейнеров в год.

Таким образом, пока не упущено время (подобно раскачке по реализации схемы транзита по Транссибу) необходимо создание конкурентоспособного транспортно-логистического комплекса на юге Приморского края, способного выполнять все функции портового транспортного узла и в последующем – портового логистического центра. Это позволит Дальнему Востоку России более плотно влиться в стройно развивающиеся международные торгово-производственные отношения стран АТР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Экономическая и социальная комиссия для Азии и Тихого океана, Экономический и Социальный Совет ООН, Записка секретариата «Межсекторальный вопрос в области регулирования процесса глобализации, касающийся торговли и транспорта<...>», 2006г., 13 С.- С.1-2.
2. Источник: Федеральная служба государственной статистики. <http://www.gks.ru/>
3. Портово-промышленные комплексы: теория и практика формирования. Под ред. Б.В. Буркинскогo/ Киев, «Наукова думка», 1988, 128 с.
4. «Наша ниша – высокотехнологичные грузы». Интервью с генеральным директором ОАО «Владивостокский Морской Торговый Порт» Вячеславом Перцевым //Ж. «РЖД-Партнер-порт» №3 (12), 2007.
5. «В разрезе международных транспортных коридоров». Интервью с генеральным директором ОАО «Южный Приморский Терминал» Геннадием Звягинцевым // Ж. «РЖД-Партнер» №5(105), 2007.
6. «Социально-экономическое развитие в государствах Евразии» Т.Д. Худзиятов// Евразийский научно-аналитический журнал «Проблемы современной экономики», №1 (17) 2006.
7. «Особенности национальной перевалки. Характерные черты российской межпортовой конкуренции на примере юга Приморья» М. В. Холоша, А. Н. Гаврилов // Информационно-аналитический журнал «Морские порты», № 1 (72) 2009.

ВЛИЯНИЕ КРУПНЫХ АГЛОМЕРАЦИЙ НА РАЗВИТИЕ МАЛЫХ ГОРОДОВ

Н.Г. Ивельская*

Проблемы социально-экономической уязвимости малых городов Российской Федерации резко обострились с 90-х годов XX в. Кризис в экономике и социальной сфере страны наиболее остро сказался на положении городов и поселков, созданных на базе градообразующих предприятий (монопрофильных городских поселений).

Советский период освоения Дальневосточного экономического района основывался в основном на открытии и разработке месторождений полезных ископаемых, заготовке древесины и добычи рыбных ресурсов и морепродуктов с созданием городов и поселков в качестве опорных пунктов освоения самой территории или

* *Ивельская Нина Григорьевна* – зам директора филиала Дальневосточного государственного университета, г. Артем, e-mail: ivelskaya55@mail.ru.

ее использования как береговой базы. Выборочное освоение природных ресурсов, во-первых, предопределило неравномерное, очаговое распределение поселений по территории; во-вторых, зависимость поселений от определенных видов деятельности. Как показывают исследования [1], отрасли промышленности, связанные с добычей сырья преобладают в небольших городах.

Отличие таких поселений от малых городов в центральной России в том, что последние в основном находятся на небольших расстояниях от крупных городов и выполняют функции производства и поставок сельскохозяйственной продукции.

Спад объемов производства и реализации продукции градообразующих предприятий, нестабильность государственных заказов, хронические неплатежи привели к тому, что большинство градообразующих предприятий оказалось в критическом положении. А отсутствие средств в бюджетах малых городов заморозило развитие муниципальной инфраструктуры и решение социально-экономических проблем.

Основная причина сложившейся ситуации – неподготовленный переход к новым экономическим отношениям, их подмены на первых этапах перестройки политическими отношениями. Уничтожение экономического пространства, использование неконтролируемых чистых технологий рынка и привели к деградации производств с монопрофильной структурой, чья продукция не является продукцией первой необходимости (жизнеобеспечивающей). Как следствие, такие производства утратили ряд функций: источника формирования доходной части бюджета, финансирования собственных объектов социальной и коммунальной инфраструктуры, занятости и доходов основной части населения.

В этом отношении крупные города с многопрофильной направленностью деятельности предпринимательских структур оказались более устойчивыми за счет относительно более диверсифицированного и востребованного по определенным позициям (безусловно, не по всем) ассортимента выпускаемой продукции.

Ситуацию уязвимости малого города с монопрофильной направленностью усугубляет значительная его удаленность от других, более крупных населенных пунктов, в основном из-за факторов, ограничивающих мобильность населения, в том числе и по причине отсутствия развитой инфраструктуры, информационного обеспечения и т.д.

Таким образом, совершенно очевидна необходимость государственного вмешательства в решение проблемы малых городов. И здесь не может быть общих подходов. В каждом случае требуется селективный подход, учитывающий множество факторов. Гипотетическая экономическая модель развития малого города должна формироваться, в первую очередь, с учетом его потенциала, географического и даже геополитического положения.

Решение же проблемы сохранения существования монопрофильных городов заключается в развитии и поддержке градообразующих предприятий, с активным развитием альтернативных отраслей хозяйствования и диверсификации направлений деятельности. Следовательно, стратегическая задача экономического развития малых городов состоит в преодолении их зависимости от градообразующих предприятий путем поддержки развития новых эффективных производств, сферы услуг и туризма; создания в них условий для организации инновационных центров, обслуживающих технологические потребности малого и среднего предпринимательства.

Политика стимулирования капитала и занятости для решения таких проблем достаточно хорошо разработаны, но они с трудом приживаются в реальной жизни. Пока известны лишь отдельные позитивные результаты, в том числе достигнутые и в

бывших республиках Союза, в частности, в Восточном Казахстане на базе действующих предприятий «Казцинк» [2].

Для решения проблем малых городов уже многократно разрабатывались и принимались федеральные целевые программы. Однако ни одна из них не дала заметных результатов, хотя Россия достаточно представительная страна малых городов, в зоне влияния которых проживает до 40 млн человек [3].

Как показывает пока еще штучный опыт возрождения малых городов, результаты появляются там, где государственная экономическая помощь сочетается с квалифицированной активной заинтересованностью муниципальных органов власти, способной оптимально расставить приоритеты развития.

На территории Приморского края расположен ряд неоднородных по основному профилю деятельности малых городов, табл. 1.

Таблица 1

Характеристика малых городов Приморского края (на 01.01.2008 г.)

	Территория кв. км	Численность населения, тыс. человек	Входящие сельские на- селенные пункты, со- гласно административно- территориальному делению, ед.
Арсеньев	39,4	58,0	-
Артем	506,4	111,9	5
Дальнегорск	5342,3	48,0	7
Дальнереченск	108,5	32,4	4
Лесозаводск	3063,8	50,5	21
Партизанск	1288,6	49,6	11
Спасск-Дальний	43,5	45,9	-

Источник. Приморский край: социально-экономические показатели (статистический сборник) // Росстат, территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю. Владивосток, 2008.

Практически все они, за исключением Артема (год образования 1938) и Партизанска (1932), находятся вне сферы влияния крупных агломераций и им присущи все негативы, сопровождающие функционирование малых монопрофильных городов. Города Артем и Партизанск расположены в черте влияния соответственно Владивостока и Находки, однако, во-первых, с разной степенью обеспеченности связывающей их инфраструктурой; во-вторых, с разной кооперацией, в силукратно меньшего промышленного потенциала Находки по сравнению с Владивостоком.

В свете приведенных выше обобщенных рекомендаций по разработке моделей выживания и устойчивого развития малых городов, рассмотрим их практическую реализацию применительно к Артему и Партизанску, различающихся уровнем эффективности реализации, учитывая, что оба города изначально формировались как шахтерские с основной специализацией угледобычи. Затем они оба стали и центрами энергетики в крае после введения в эксплуатацию Партизанской ГРЭС и Артемовской ТЭЦ.

В 80-е годы XX в. обнажилась проблема закрытия угольных шахт в Партизанске

из-за их неэффективности. Транспортировка угля в край из-за его пределов стоила в три раза дешевле. Было принято решение построить два завода, а также фабрику по производству лекарств, перепрофилировать имеющиеся учебные заведения на подготовку специалистов нужной профориентации и таким образом решить проблему, в том числе и занятости населения. Однако начавшиеся процессы с 1985 г. практически сорвали реализацию принятых достаточно объективных решений, удовлетворяющих, в первую очередь, нужды населения города.

Реализация стратегии развития Артема как города с диверсифицированной структурой производства началась значительно раньше, в 60-70-х годах XX в. Вводятся в эксплуатацию заводы ЖБИ, фарфоровый завод, ковровая фабрика и т.д. С началом же проведения реформ часть этих производств прекратила свое существование, закрыты и все шахты. Тем не менее имевшийся задел позволил Артему более «мягко», по сравнению с Партизанском, проходить реформы, табл. 2.

Таблица 2

Производство промышленной продукции (в действующих ценах, млн рублей)

	2000	2002	2004	2005*	2006*	2007*
Артем	1920,0	2314,5	3504,8	4952,2	4846,1	4776,1
Партизанск	765,3	944,1	754,9	1144,2	1218,7	1114,0

* Данные 2005-2007 гг. отражают объемы отгруженной продукции, согласно принятой с 2005 г. форме учета ОКВЭД.

Источники. Промышленность Приморского края (статистический сборник) 2005; Промышленное производство Приморского края (статистический сборник), 2008; Артему 70 лет (статистический сборник), 2008 // Росстат, территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю. Владивосток.

В сопоставимых ценах промышленное производство в Артеме в 2004 г. выросло по сравнению с 2000 г. на 48,4 %, в Партизанске – снизилось на 14,6 %.

Объем отгруженной продукции Артемом в 2007 г. относительно 2005 г. составил 82,1 %, Партизанском – 82,9 %. В обоих городах снизились объемы по разделам «добыча полезных ископаемых», но наибольшее влияние на динамику оказал вид деятельности «производство и распределение электроэнергии, газа и воды», причем более существенное с минусом на показатели Артема.

Социальным индикатором последствий влияния проводимых реформ на устойчивость развития территории можно считать миграцию населения, учитывая при этом его отрицательное отношение к мобильности. Согласно статистическим данным, население Артема неуклонно росло, табл. 3. В 2007 г. население увеличилось по сравнению с 1992 г. на 6,1 тыс. человек, в Партизанске – уменьшилось на 2,3 тыс. человек.

Безусловно, на происходящие процессы повлияло множество факторов, но решающим фактором, при прочих равных условиях, остается фактор значимости крупной агломерации, в данном случае Владивостока, с вполне приемлемой (хотя далеко не достаточной) диверсификацией промышленного производства. Два города, оказавшись в начале перестройки приблизительно в равных условиях (после остановки в них основных производств), пришли к настоящему времени с разными результатами.

Динамика населения в малых городах Приморского края (тыс. человек)

	1970	1983	1992	2007
Артем	61,4	71,0	105,8	111,9
Партизанск	48,3	47,3	59,3	49,6

Таким образом, на выживание монопрофильных городских поселений достаточно определяющее воздействие оказывает не просто близость крупного города (этот фактор не оспаривается), а его критическая масса, определяющаяся следующими факторами:

- развитостью производственного потенциала;
- теснотой связей с экономикой малого города;
- степенью использования общей инфраструктуры и зависимостью крупного города от ее развития в градообразующем поселении;
- географическим положением поселений и перспективами дальнейшего их развития с объективной необходимостью пространственного расширения и т.д.

Поэтому в перспективе экономически активная часть населения Партизанска будет стремиться к переселению в окрестности городов Находка и Порт-Восточный, а в агломерации Артем-Владивосток, наоборот – из Владивостока в окрестности Артема. Этому способствует и их географическое положение, и складывающаяся экологическая ситуация, и проблема дальнейшего роста и расширения Владивостока.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильин И.А., Ахутина Н.С. Проблемы развития промышленности в малых и средних городах // Расселение населения и размещение производства. - М.: Наука, 1982. - С. 141-149.
2. Игорь Братцев. Большие проблемы малых городов // «Gazeta.kz», 18 июля 2005 года. www.demoscope.ru/weekly/2005/0207/gazeta018.php/.
3. Сергей Верхотин. Малые города: тормоз или опора? // rv.ryazan.ru/old/cgi-bin/main-n=1809-1810&m=13.htm.

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В МАЛАЙЗИИ

И.Н. Золотухин*

Малайзия или Федерация Малайзия – государство в Юго-Восточной Азии, состоящее из двух частей, разделенных Южно-Китайским морем: Западная Малайзия (традиционное название – Малайя) занимает южную оконечность полуострова Малакка, граничит с Таиландом на севере и с Сингапуром на юге. Восточная Малайзия (традиционное название – Сабах и Саравак) занимает северную часть острова Калимантан, граничит с Брунеем на севере и с Индонезией на юге. Численность населения Малайзии превышает 25 млн человек (43 место в мире). Население неоднородно в религиозном и этническом отношении. Основную его часть (более 50 %) составляют малайцы-мусульмане; вторая по численности общность (23,7%) представлена китайцами; затем идут индийцы (около 7 %). Оставшиеся 16 % населения составляют различные этнические группы: аборигенное население Малакки и о. Калимантан, и различные рабочие-мигранты, большинство из которых являются индонезийцами [3]. По религиозному признаку наряду с мусульманами, некоторым количеством христиан представлены приверженцы конфуцианства и даосизма, индуизма и буддизма. Согласно данным 2008 г., опубликованным Комитетом по делам беженцев и иммигрантов (США), Малайзия приняла также примерно 155700 человек беженцев и вынужденных переселенцев, став, таким образом, страной «первого убежища». Большую часть среди них составили выходцы с Филиппин – 70500 человек, из Мьянмы – 69700 человек, из Индонезии – 21800 человек. В то же время Комитет назвал Малайзию одной из десяти самых худших стран для приема беженцев из-за существующей здесь дискриминации по отношению к вновь прибывающим [10].

Несмотря на то, что большинство населения страны составляют мусульмане, Малайзия не является классическим исламским государством, для нее характерна формула «полиэтническое общество с доминированием малайцев», в котором всем гарантируется свобода вероисповедания [4]. Эта формула стала результатом пост-колониального развития страны, получившей независимость в 1957 г. как Малайя. Гегемония малайцев нашла концептуально-политическое выражение, став результатом компромисса между основными этнополитическими силами Малайзии: Объединенной Малайской Национальной Организацией (ОМНА), Малазийской китайской Ассоциацией (МКА) и Индийского Конгресса Малайзии (ИКМ). Государство признавало «законные интересы (экономические права) и права на гражданство ... и место жительства, так же как и их ... свобода сохранять, практиковать и распространять свою религию, культуру и язык» китайской и индийской общностей. При этом малайцы сохранили свои главные национальные символы: особое положение султанов (ст. 153 Конституции), язык (ст. 152), религию. За титульной общностью был также закреплен статус коренного населения – «бумипутера» («сыны земли»). Их особое положение по Конституции Малайзии обеспечивает верховный правитель (Янг ди-пертуан агонг). По Конституции те, кто «исповедует религию ислама, говорят на малайском

* *Золотухин Иван Николаевич* – кандидат политических наук, доцент, декан факультета международных отношений Владивостокского института международных отношений ДВГУ, e-mail: zolotuhin@ext.dvgu.ru.

языке, и придерживаются малайских обычаев», обладают особыми правами в трех сферах: коммунальное обслуживание, образование и бизнес, не ущемляя права других этнических групп. Таким образом, важно подчеркнуть, что Малайзия основана «не на примате индивидуальных прав и свобод, а принятым в политологии определении «этнически дифференцированном гражданстве» [4].

По оценке Завави Ибрагима, ст. 153 «является важнейшим юридическим документом, который провозглашает руководящие принципы для государства-нации в управлении как этническими процессами, так и процессами формирования национальной идентичности» [6]. Эта статья (как и 152, признающая национальным языком страны малайский) задумывалась как «этническая сделка», которая должна была выразить дух взаимной терпимости и уважения, а также защитить уникальное этническое (бангса) и расовое (каум) разнообразие Малайзии от насилия, которое имеет место быть в других полиэтничных странах. Таким образом, ст. 153 не только иллюстрировала взаимную терпимость и уважение среди различных этнических групп Малайзии как нечто внедренное в сознание граждан за всю историю существования Малайзии как многообразного сообщества, но и давала основания для проведения политики мультикультурализма. Получив независимость почти после двух столетий колониального правления, Малайзия начинала процесс национального строительства, который натолкнулся на сохранившиеся с колониальных времен проблемы.

Во-первых, ОМНО не желала предоставить равное гражданство немалайским сообществам из-за опасения того, что китайцы и индусы, доминирующие в социально-экономическом отношении, могли лишиться малайцев их суверенных прав. Малайцы были убеждены, что колониальная политика британской администрации способствовала усилению позиций китайских и индийских иммигрантов, и что в результате была разрушена мирная жизнь и существовавший традиционный уклад страны. По этой причине китайцы и индийцы стали доминировать над малайцами, эксплуатируя ресурсы страны. Однако ОМНО нужна была поддержка от китайцев и индусов для управления страной в качестве единого политического фронта. Кроме того, в первые годы своего существования ОМНО нуждалась в экономической поддержке со стороны богатой китайской общины для того, чтобы помочь малайцам-себянам в преодолении бедности. С другой стороны, у китайцев и индийцев не было иного выбора, кроме как уступить и согласиться на «дифференцированное гражданство» из-за политической невозможности для малайских руководителей предоставить им равное гражданство после резкого выступления против идеи Малайского Союза [4].

После провозглашения независимости Малайзии в 1963 г. правительство столкнулось, прежде всего, с проблемой бедности. Средний доход 10 % всех домашних хозяйств уменьшился на 31 % (с 49 \$ до 33 \$ в месяц в период 1957-1970 гг.), что привело к ухудшению положения всего населения» [6]. Экономические проблемы в стране тесно переплетались с этническими. В то время как значительная часть представителей китайской и британской общин продолжали процветать, малайцы и индийцы оказались в состоянии бедности. В городах наблюдался высокий рост безработицы, от которой страдали китайские и малайские мигранты. Неспособность правящей партии создать жизнеспособный малайский средний класс стала причиной безработицы и среди растущего числа малайского населения в городах [6].

На фоне обострения социальных противоречий постепенно набирали силу оппозиционные партии, среди которых наибольшей популярностью среди населения пользовались:

- левая Партия Демократического действия (ПДД);

- умеренное Народное движение Малайзии (Геракан Ракъят Малайзия), в которых доминировали китайцы;
- правая Панмалайская исламская партия (с 1971 г. – Всемалазийская исламская партия (ПАС)).

Оппозиционеры выступали с конкретными предложениями, которые должны были коренным образом изменить существующее положение и направить развитие страны в благоприятное русло. В частности, ПДД выступала против особых прав малайцев, а ПАС – за усиление позиций ислама. Лидерство ОМНО не отвечало интересам большинства населения, в том числе и малайцев, уровень жизни которых неуклонно сокращался. Малайцев беспокоил высокий процент китайцев и индийцев, и активное вовлечение китайцев в политическую сферу. Китайцы и индийцы считали, что привилегии малайцев должны носить временный характер, и все граждане должны обладать равными правами. Рост недовольства к концу 1960-х годов вылился в политический кризис, причиной которого стало поражение ОМНО на выборах. Оппозиционные партии организовали 13 мая 1969 г. в Куала-Лумпуре митинг в честь своей победы, закончившийся массовыми беспорядками [9]. Причиной массовых беспорядков, выступлений и насилия на этнической почве во многом стало социально-экономическое неравенство. Почти 6 000 жителей Куала-Лумпура, большинство из них китайцы, лишились домов и собственности, 178 человек (главным образом китайцы) были убиты в ходе беспорядков. Неправительственные источники заявили о гораздо большем числе погибших среди мирного населения [5].

События в Куала-Лумпуре выдвинули на первый план новые проблемы, с которыми столкнулось молодое полиэтничное государство, стремящееся найти собственное лицо и сплотить народы Малайзии. Бунт 13 мая изменил социально-экономическую политику Малайзии. Признаком изменения курса государства стало создание Министрства национального единства, разработавшего новую идеологию Рукунегара («Договор о верности государству»). Правительство начало долгосрочный курс реформ, которые должны были к 1990 г. перестроить общество, сплотив все этнические общности, и создать «нового малазийца». Способом достижения этой цели стала Новая экономическая политика (НЭП). Для решения задачи в 1974 г. была создана коалиция Барисан насионал (Национальный фронт), объединившая большинство политических партий страны [9].

Новое правительство, под руководством Тун Абдул Разака, провозгласило проведение НЭП во многом для того, чтобы сократить уровень бедности среди малайцев. Майкл Пелетц утверждает, что НЭП был мерой, направленной на «реструктурирование общества, с одной стороны, перекраивая традиционные материальные и символические связи между этническими общностями – с другой, перестраивая их экономическое положение» [8, с. 245]. Политика реструктурирования общества включала в себя этническую и расовую политику, где малайцам снова были предоставлены специальные возможности. Пелетц считает, что таким образом «правительство старалось помочь малайцам (среди которых преобладало сельское население) догнать китайцев и индийцев, осуществляя распределение правительственных ссуд, субсидий и других возможностей (университетских званий, лицензий, кредитов и т.д.)».

На фоне очевидных успехов этой политики, среди малайского населения наблюдалось проявление недовольства, поскольку она помогла далеко не всем, и привела к формированию двух классов малайцев: тех, кто извлек выгоду из НЭП и тех, кто ее не извлек. Среди недостатков НЭП можно отметить широко распространенную коррупцию и покровительство избранным фирмам и дельцам, исходящее от государ-

ственной власти, так называемый – «крони капитализм» (в переводе с англ. – «капитализм закадычных друзей», «капитализм для своих», «приятельский капитализм»). Этот термин давно и прочно прижился в международном политическом лексиконе и характеризовал собой феномен, получивший распространение и в других в странах Юго-Восточной Азии. Ряд специалистов справедливо отмечают, что недовольство малайцев НЭП питало исламское движение в стране, всплеск которого приходится на 1970-е годы и хронологически совпадает с активизацией исламских движений на Филиппинах, в Индонезии, Египте, Ливии и Пакистане.

Исламское движение (даквах) в Малайзии рассматривается как «мощный инструмент артикуляции моральной оппозиции правительственной политике развития, традиционным и формирующимся классовым структурам, другим этническим группам и прочим схожим явлениям, также как и их различным комбинациям» [8, с. 246]. Это движение изначально стремилось «вдохнуть новую жизнь в местный ислам и мусульманскую общину, активно поощряя изучение Корана и хадисов для воспроизведения более исламского образа жизни». Кроме того, движение не только выступало против издержек экономической политики, оно также сопротивлялось капиталистической модернизации Малайзии, считая этот путь подражанием Западу. Движение стало тревожным звонком для малазийского правительства, поскольку растущий мусульманский средний класс мог избрать для себя путь исламского возрождения. Разворачивающаяся исламизация усиливала растущую враждебность между малайцами и немалайцами и в период НЭП. Немалайцы чувствовали угрозу не только своему социально-экономическому положению, но и праву исповедовать свою религию. Как отмечает Р. Хефнер: «Поскольку правительство не рассматривало исламское движение как угрозу и не предпринимало решительных мер борьбы против него, в обществе усиливался раскол между малайским и немалайским населением. Идеи лозунги исламского движения «отдавали» этническим шовинизмом, который укоренялся в межэтнических и межрелигиозных отношениях и усиливал социальную дистанцию между сообществами» [4, с. 51].

Рост неравенства и напряженности между различными этническими сообществами подрывал политику реформ 1970-х и 1980-х годов. Поэтому идея создания к 1990 г. «нового малайца» за счет сплочения всех этнических общностей становилась все более отдаленной перспективой. Возможность сплочения народов для того, чтобы из множества культур создать гармонично развивающуюся нацию, мыслилась правительством посредством причастности всего населения Малайзии к идее общесоциального выбора в пользу национального единства. Однако зачастую действия правительства по формированию «нового малайца» воспринимались другими этническими группами как стремление переплавить их в тигле малазийского (мусульманского) общественного устройства.

В 1981 г. премьер-министром Малайзии становится доктор Махатхир Мохаммад, под руководством которого правительство предприняло ряд мер по управлению исламским движением. Для противостояния исламизму правительство использовало свои программы исламизации, суть которых состояла в защите и пропаганде умеренного ислама в свете политики мультикультурализма. Кроме того, правительство начинает институционализацию ислама, «основывая исламскую банковскую систему, способствуя проникновению ислама в административные структуры, и открыв Исламский Международный Университет» [3, с. 64]. Усилия правительства, подкрепленные бурным экономическим ростом, привели как к стабилизации ситуации внутри Малайзии, так и к медленному, но устойчивому пониманию значимости пра-

вительственного курса по укреплению национального единства для всего населения Малайзии независимо от расовой и религиозной принадлежности.

На рубеже XX-XXI вв. Малайзия превращается в одну из самых развитых стран Юго-Восточной Азии. Несмотря на то, что азиатский экономический кризис 1997 г. нанес удар по экономике и, следовательно, по благосостоянию населения, в Малайзии не было замечено насилия на этнической почве, которое имело место в соседней Индонезии. Можно выделить следующие факторы, способствующие формированию этнического плюрализма и снижению уровня этнической напряженности.

1. Появление сильного среднего класса как среди малайцев, так и немалайцев, привело к возникновению образованного и в чем-то толерантного общества, способного идти на контакты с представителями разных этнических групп.

2. Новое жилищное строительство в городах, таких как Куала-Лумпур, Ипох, Джорджтаун и Джохор Бару, вызвало размывание этнически однородных кварталов. Поскольку для горожан большое значение в процессах социальной мобильности имеют их группы интересов, а не традиционные связи, то таким образом в городах начинает формироваться новое поколение малазийцев, ежедневно сталкивающихся с проявлениями мультикультурализма.

3. Реформа образования (после бунта 13 мая 1969 г.) сформировала более грамотное общество, поскольку школы перестали быть привилегией для богатых. Кроме того, двери китайских и индийских школ стали открыты для малайцев. Эти факторы способствовали формированию новых настроений внутри малазийского общества, пониманию социального единства населения страны, несмотря на религиозные и этнические барьеры.

Отставка Махатхира Мохаммада в 2003 г. после 22-летнего управления страной ознаменовала собой конец важной эры малазийской политики. Правительство Махатхира стремилось урегулировать межэтнические и межрелигиозные процессы, однако ему не удалось преодолеть рост исламского фундаменталистского движения. Мусульманский фундаментализм к тому времени приобрел глобальный характер, а его «малайский филиал» был косвенно связан с «Аль-Каидой». Выступая с решительным осуждением исламского экстремизма, Махатхир привлек на свою сторону не только умеренных мусульман, но и представителей других конфессий и этнических групп. В результате ему удалось консолидировать свою политическую базу, подорванную в ходе парламентских выборов в конце 1999 г. Политическая стабилизация позволила провести ряд мер, направленных на подъем экономики. Для Малайзии, сильно зависящей от внешней торговли, существенным фактором стала нормализация отношений с основным торговым партнером – США.

Однако с конца 1990-х годов плакаты и транспаранты со словами «Мы любим джихад» и портретами Усамы бен Ладена постепенно становятся постоянной атрибутикой собраний малайской молодежи. В зарубежной прессе появились сообщения, что Малайзия стала «стартовой площадкой» Аль-Каиды, где ее участники встретились для обсуждения террористических планов [8, с. 241]. Эти сообщения скоро получили доказательную базу. В ноябре 2000 г. появилась фотография некоего Язида Суфаата, на которой он принимал в качестве гостей Навака Алхазми, Халида Аль-Мидхара и Закариаса Мовсасауи (непосредственно связанных с событиями 11 сентября 2001 г.) в своем кондоминиуме в Малайзии. Граждане Малайзии являются членами-активистами исламской террористической группировки Джемаа Исламия (ДИ), ответственной за взрывы в Индонезии: на острове Бали в 2002 г., в гостинице Марриот в 2003 г., в посольстве Австралии в 2004 г.

Для противостояния роста исламского фундаментализма в Малайзии прави-

тельство Бадави начало реализацию программ, направленных на предотвращение негативных последствий исламского фундаментализма не только в Малайзии, но и в других мусульманских странах. Одним из наиболее примечательных шагов этих мероприятий стало введение концепции Цивилизованного Ислама (Ислам Хадхари), содержащей 10 принципов, призывающих к физическому и духовному развитию на пути к экономическому, социальному и политическому прогрессу:

1) вера и благочестие в Аллахе; 2) правдивое и заслуживающее доверия правительство; 3) свободные и независимые люди; 4) мастерство знания; 5) уравновешенное и всестороннее развитие; 6) хорошее качество жизни; 7) защита прав меньшинства и женщин; 8) культурная и моральная целостность; 9) защита окружающей среды; 10) сильная обороноспособность.

Бадави подчеркивал, что цивилизованный ислам не является новой религией, но его целью является интеграция мусульман в современную экономику при сохранении их национально-культурной специфики. Концепция «распространяет терпимость и понимание, мир и спокойствие, и, разумеется, просвещение». По замыслу Бадави, цивилизованный ислам должен был предотвратить распространение исламского фундаментализма. Политика Бадави дала неплохие результаты. Экономика оправилась от последствий азиатского экономического кризиса, коррупция находилась на небывало низком уровне. Международный Исламский Университет Малайзии превращается в один из главных исламских вузов в мире, привлекает множество студентов из мусульманских стран.

В то же время существует опасность того, что концепция цивилизованного ислама создает дополнительную напряженность в отношениях между малайским и немалайским населением страны, поскольку немалайские сообщества опасаются того, что программы исламизации посягают на их собственные права. Бадави пришлось официально заявить, что цивилизованный ислам – это концепция, предназначенная для мусульман и не посягающая на свободу совести, а, тем более, не противоречащая Конституции Малайзии. К тому же принципы цивилизованного ислама, по заявлению Бадави, носят универсальный характер и могут быть применимы в любом обществе, невзирая на религиозную или этническую принадлежность. Цель концепции цивилизованного ислама – общественный прогресс затрагивает интересы всего населения Малайзии [7]. Правительство Бадави, таким образом, выступило на позициях умеренного ислама. Принципиальная позиция умеренных мусульман состоит в том, что правовые нормы шариата должны применяться на практике выборочно и на сугубо добровольной основе, без вторжения в личную жизнь. Религиозность не сочетается автоматически со слишком жесткой приверженностью канонам шариата. Для умеренных мусульман нет будущего в том обществе, которое является идеалом фанатичных исламских ортодоксов.

Однако случаи нарушения религиозных прав до сих пор имеют место, особенно, когда дело касается спорных моментов, в частности смены религиозного вероисповедания. Если представители другого вероисповедания могут переходить в другие религии (в частности в ислам, и это негласно поощряется), то мусульманин, решивший перейти в другую веру, считается отступником и может быть наказан при содействии шариатского суда. В настоящее время в стране насчитывается 330 религиозных судов. Они имеют свое представительство в Верховном суде страны. Религиозные суды выносят приговоры за употребление алкоголя, отказ от посещений молитвенных мест, нарушение супружеской верности, гомосексуализм и прочее. Однако наказания носят мягкий, скорее воспитательный характер, с целью удержать провинившихся от повторных греховных проступков [1].

Между тем, поборники радикального ислама настаивают на строгом соблюдении всех канонов шариата и на оценке всех событий общественной жизни только через его призму. Хотя приверженцы подобных взглядов не составляют большинство мусульман, все-таки стоит отметить, что в Малайзии решение религиозных вопросов

находится в плотной привязке со сложной этнической и политической ситуацией. Оппозиционная исламская партия ПАС строит свою политику в борьбе за власть, играя на извечной проблеме Малайзии – экономической отсталости мусульман-малайцев, представляющих большинство населения страны, и использует ислам в качестве оружия в противоборстве с ОМНО (из которого она вышла в 1951 г.).

Обе партии претендуют на монополию правильного толкования ислама применительно к условиям страны. ПАС требует изменить соответствующие формулировки конституции и привести их в соответствие с нормами мусульманских священных текстов – Корана и Сунны. Она добивается строгого применения законов шариата в тех штатах, где имеется мусульманское большинство, а также для мусульман штатов, в которых они находятся в меньшинстве. Главой государства и премьер-министром страны, по мнению ПАС, обязательно должны быть мусульмане. Партия делает больший упор на мусульманскую веру, чем на малайский национализм, но признает сохранение льгот для малайцев и других представителей коренного населения. Она настаивает на введении в стране исламского криминального кода (хууд) как единственно правильного принципа не только при вынесении приговоров в суде, но и при регламентации всей жизни общества, включая при этом самые жесткие меры наказания за отступничество от канонов ислама.

Но хотя хууд уже 11 лет провозглашен в качестве официального критерия определения вины и меры наказания в штатах Келантан и Тренгану, расположенных на севере Малайзии в так называемом «мусульманском поясе», где исламисты целиком контролируют ситуацию и ПАС является правящей партией, она не может провести его в жизнь. ОМНО заявила о том, что введение хууд неконституционно. Полиция штатов Келантан и Тренгану получила указания правительства не сотрудничать с местными властями в тех случаях, когда предлагаемые ими меры наказания правонарушений противоречат положениям Конституции страны [1]. Помимо проблем, связанных со свободой вероисповедания, в Малайзии растет беспокойство среди мусульман, особенно среди клерикалов, что религиозный плюрализм может разрушить принципы ислама.

С другой стороны, индийская и китайская общины болезненно относятся к действиям правительства, которые, по их мнению, нарушают их права. Не так давно, во время запланированного разрушения незарегистрированных индуистских храмов в Куала-Лумпуре, полиции пришлось прибегнуть к насильственным действиям против индусов. Действия малазийского правительства осудили не только малазийские индусы, но также индусы всего мира. Один из источников малазийской оппозиции заметил: «правительство разрушает [индуистские] храмы, потому что они могут позволить себе сделать это по отношению к индусам ..., мы никогда не слышали о мечети, разрушенной в интересах общественного развития» [2]. В XXI в. Малайзию еще сложно однозначно назвать государством религиозного плюрализма. Главная проблема, с которой сталкивается правительство и население страны, – сумеет ли Малайзия – полиэтническая страна, решить проблемы межэтнического и межрелигиозного взаимодействия в эпоху глобализации всех форм религиозного фундаментализма. До сих пор поликонфессиональное общество Малайзии страдает от проявлений религиозного релятивизма. К сожалению, большинство населения Малайзии остается неосведомленным в вопросах религиозной терпимости, во многом из-за собственного невежества. С одной стороны, малазийцам со школьной скамьи говорят о том, что вопросы религии не должны выноситься на публичное обсуждение, что свобода совести – это неотъемлемое право каждого человека, независимо от цвета кожи,

языка, национальности. С другой – в обществе незаметны проявления понимания мультикультурности.

Возможно, что отсутствие уже на протяжении 40 лет ярко выраженного проявления этнической нетерпимости, а тем более открытых насильственных действий – это показатель зрелости малазийского общества. Майкл Хейм, христианский теолог, отмечает: «Позитивное отношение малазийцев к религиозной и этнической гармонии, коренится в двух факторах. Первый – малазийцы понимают, что мир, которым они наслаждаются, хрупок. После обретения страной независимости в 1957 г., многие предсказывали гражданскую войну на расовой или религиозной почве, а коммунистический мятеж был подавлен в результате ожесточенных боев. Второй фактор – малазийское экономическое чудо. Будучи одним из азиатских «тигров» наряду с Сингапуром, Гонконгом, Южной Кореей и Тайванем, Малайзия понимала, что экономическое развитие снижает этническую напряженность. И все население страны понимает угрозу этнических конфликтов, которые могут полностью изменить существующую действительность, отпугнуть иностранные инвестиции, туристов и многонациональные корпорации, которые с таким трудом привлекались». Однако само правительство умалчивает проблемы, существующие в стране и зачастую обостряющие межэтнические отношения. Например, не принято откровенно говорить о религиозных проблемах в СМИ. Предыдущее правительство запретило межрелигиозные форумы, руководствуясь ст. 11 Конституции Малайзии. Согласно Бадави, подобные форумы вызывали напряженность в мультирелигиозном обществе».

В настоящее время кабинет Наджиб Тун Разака придерживается курса создания «нового малазийца». Необходимость создания малазийской нации, уважающей религиозное разнообразие, возрастает в условиях глобального терроризма. Малайзия могла бы стать ярким примером исламской страны, стоящей на позициях этнорелигиозной толерантности. Остается надеяться, что процесс нациестроительства, осложняющийся как имеющимися в малазийском обществе противоречиями, так и международными проблемами, сумеет найти эффективное завершение, выгодное для всего населения полиэтничного государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусев М. Ислам в Юго-Восточной Азии: новые аспекты проблемы // Азия и Африка сегодня, 2003, N11. С. 35-41.
2. Bukhari Z. Temple demolition stokes Malaysian tensions // Asia Times Online. July 11, 2006 // Режим доступа: http://www.atimes.com/atimes/Southeast_Asia/HG11Ae01.html [Дата обращения - 11.05.2009 г.].
3. Embong A. R. The Culture and Practice of Pluralism in Postcolonial Malaysia // The Politics of Multiculturalism, ed. by R. W. Hefner, University of Hawaii Press, Honolulu, 2001.
4. Hefner R. W. Introduction: Multiculturalism and Citizenship in Malaysia, Singapore, and Indonesia // The Politics of Multiculturalism, University of Hawaii Press, Honolulu, 2001.
5. Heng P.K. Chinese Responses to Malay Hegemony in Peninsular Malaysia (1957-1996) // Cultural Contestations: Mediating Identities in a Changing Malaysian Society, ed. By Z. Ibrahim, Asean Academic Press, London, 1998. P. 65.
6. Ibrahim Zawawi. Globalization and National Identity: Managing Ethnicity and Cultural Pluralism in Malaysia // Asia Pacific Center for Security Studies (APCSS) // Режим доступа: http://www.apcss.org/Publications/Edited%20Volumes/GrowthGovernance_files/Pub_Growth%20Governance/Pub_GrowthGovernancech9.pdf [Дата обращения - 17.05.2009 г.].
7. Pak Lah. Islam Hadhari not a new religion or order // The Star Online, July 25 2006 // Режим доступа:

<http://thestar.com.my/news/story.asp?file=/2006/7/25/nation/14927885&sec=nation>
[Дата обращения – 22.04.2009 г.].

8. Peletz M.G. Islam and the Cultural Politics of Legitimacy: Malaysia in the Aftermath of September 11 // *Remaking Muslim Politics: Pluralism, Contestation, Democratization*, ed. by R.W. Hefner, Princeton University Press, Princeton., 2005.
9. The National Operations Council of Malaysia. 1969, the May 13 Tragedy. The governmental press of Malaysia. Kuala Lumpur, 1969. P. 29-33.
10. World Refugee Survey 2008. U.S. Committee for Refugees and Immigrants. 2008-06-19//
Режим доступа: www.refugees.org/survey [Дата обращения – 14.05.2009 г.].

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ

О.В. Кузьмина*

Распад Советского Союза поставил перед Россией множество проблем, связанных с реорганизацией ее политической, правовой, экономической и других сфер жизни. Институционализация новой системы общественных отношений, в свою очередь, столкнулась с комплексными противоречиями легитимации норм жизнедеятельности, не соответствовавших представлениям значительной части населения и многовековому укладу жизни народов России, которые во многом оставались традиционными. Неэффективность программ реформирования первой половины 90-х годов прошлого века объяснялась концептуальной слабостью государственной политики в обозначенных сферах, ориентированной на формальные рецепции передового опыта развитых стран Запада. Между тем, очевидно, что игнорирование российских реалий объективно обуславливало неадекватность средств модернизации ее целям и задачам, что фактически разрушало, а не укрепляло институты политики, государства и права, экономики, затягивая и углубляя системный кризис.

Россия является полиэтническим государством со своим историческим и культурным опытом межэтнических отношений, породившим определенные формы самосознания населяющих ее народов. Поэтому сфера этнической политики является важнейшей для Российской Федерации в силу деликатности вопросов интеграции многоликого населения в общий социум и единую нацию. Недоучет фактора полиэтничности в процессе институционализации правового государства и гражданского общества может обернуться дезинтеграцией общества и разрушением государственности. Об этом наглядно свидетельствуют события последнего времени, в том числе разгоревшиеся на постсоветском пространстве и проявляющиеся в России межэтнические конфликты и столкновения. Наряду с другими причинами факты подобного рода красноречиво свидетельствуют о серьезных просчетах в государственной этнонациональной политике советского периода.

Следует отметить, что в России уже сложилась основа законодательства регулирования положения различных этнических общностей («нации», «национальные меньшинства» и др.). Так, в области противодействия расовой дискриминации и защиты национальных меньшинств Россия несет юридические обязательства по Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах; Между-

* *Кузьмина Оксана Владимировна* – старший преподаватель Владивостокского института международных отношений ДВГУ, e-mail: kuzmina@ext.dvgu.ru.

народной Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации; Конвенции о защите прав человека и основных свобод; рамочной конвенции о защите национальных меньшинств; Конвенции ЮНЕСКО о борьбе с дискриминацией в области образования, Конвенции МОТ № 111 относительно дискриминации в области труда и занятий и некоторым другим договорам. Национальное законодательство России также содержит достаточно много нормативно-правовых актов, защищающих права отдельных «наций» и этнических меньшинств.

Можно констатировать, что этнонациональная политика в России имеет несколько направлений, отраженных в следующих основных нормативных документах:

1) Конституции РФ 1993 г.; 2) , Федеративном договоре 1992 г.; 3) Концепции государственной национальной политики РФ; 4) Федеральном законе «О национально-культурной автономии».

Конституция Российской Федерации 1993 г. начинается со слов «Мы, многонациональный народ Российской Федерации». Это не только слова, но и вековая реальность обустройства многих народов и культур в одном государстве. Президенты России Б.Н. Ельцин, В.В. Путин и Д.А. Медведев неоднократно подчеркивали эту многонациональную природу российского государства. Уже с начала 1990-х гг. в России руководство страны, в отличие от многих постсоветских государств, осознавало опасность для нее этнократизма и пыталось определить приоритеты развития этнонациональных отношений и пути их «вмонтирования» в современное полиэтничное государство – Российскую Федерацию, закрепить их в новой Конституции. С правовой точки зрения данный документ имеет первостепенное значение, однако, несмотря на это, некоторые положения Конституции, касающиеся этнонациональной политики государства, могут противоречить друг другу. Так, например, равноправие субъектов РФ, провозглашенное п. 1 ст. 5, сталкивается с п. 2 той же статьи, говорящим о положении республик как единственных членов Федерации, объявленных государствами и имеющими право иметь свои конституции. Остальные же 66 субъектов РФ могут иметь лишь Уставы. Более того, в части 4 этой же статьи объявляется, что «все субъекты Российской Федерации между собой равны» лишь «во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти». Такое разночтение во многом препятствует однозначному толкованию закона, что влечет за собой некоторые сложности их практической реализации.

Федеративный договор 1992 г. является следующим по значимости документом, регламентирующим процесс управления национальными отношениями в России. Он включает в себя три взаимозависимых документа: «Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации», «Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга Российской Федерации», «Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти автономной области, автономных округов в составе Российской Федерации», а также протоколы к двум из них.

Договор содержит необходимые положения, которые при условии их тщательного учета и реализации практически гарантированно защищают от распада Россию, который признается «губительным для всех народов, проживающих на территории страны». Большое значение имеют положения договора, закрепляющие целостность

России как демократической Федерации, права и обязанности республик, краев и областей, автономий перед федеральным государством, российским народом, своим населением. Суть договора отражается в названии: главным его положением является разграничение предметов ведения и полномочий Федерации и ее субъектов. Поэтому договор не является документом об образовании государства как такового, но также нельзя считать его и документом о преобразовании государства в федерацию, т.к. он не предусматривает права выхода субъектов из состава РФ.

Настоящий договор юридически закрепляет реально существующую разнотипность субъектов Федерации: национально-государственные образования (суверенные республики в составе РФ), административно-территориальные (края, области, а также города федерального значения Москва и Санкт-Петербург) и национально-территориальные (автономная область и автономные округа).

Важно, что согласно договору все субъекты федерации юридически равноправны, имеют одни и те же права и полномочия. Субъекты несут равные обязанности в социальной, экономической и культурной областях. В то же время, исходя из сложившейся традиции, за республиками в составе РФ закрепляется статус государства: они имеют свои Конституции, принимают законы, в них избираются Верховные Советы (парламенты), Верховные Суды, а также – по усмотрению – Президенты, и разрабатывается собственная символика. Подобная ситуация формирует правовое противоречие между статусами республик, с одной стороны, и краев и областей – с другой. Кроме таких внутренних противоречий и отсутствия четкости в распределении полномочий, в документе отсутствует механизм реализации согласованных позиций.

Концепция государственной национальной политики Российской Федерации 1996 г. Ее цель – решение проблем, образовавшихся в результате распада Советского Союза. Концепция провозглашает основным принципом политики в данной сфере обеспечение условий для равноправия и интеграции граждан любой этнической принадлежности в общероссийское социально-экономическое и культурное пространство.

В документе также обозначены неотложные задачи, стоявшие перед РФ при реализации этих задач, в том числе – создание правовой базы для регулирования федеративных и национальных отношений, обеспечение правовой защиты национальной чести и достоинства граждан, усиление ответственности за разжигание межнациональной розни и др. Концепция символизирует новую направленность государственной политики в данной области. Идеологемы документа отражают ее соответствие современным мировым требованиям. Так, в Концепции отсутствует прежде широко применявшаяся формула «нации и народности» и предлагаются для употребления понятия «российская нация» или «многонациональный народ России». Тем самым нации придается не этнический, а политический смысл, поскольку речь здесь идет обо всех гражданах России.

В текущем году были сформулированы некоторые предложения по обновлению Концепции, т.к. в своем первоначальном виде она не отражала в полной мере способы преодоления трудностей, с которыми столкнулась РФ. К числу предложенных поправок относится, в частности, необходимость дать более четкое определение целей и содержания этнонациональной политики. Кроме того, в Концепции весьма слабо определены структуры по противодействию различным формам крайнего национализма и экстремизма, которые помимо прочих включают также вооруженную сепессию (отделение) и религиозный экстремизм.

Угроза национализма и экстремизма, неочевидная в середине 90-х годов XX в.,

стала актуальной и значимой в новом веке. Тем не менее, пункт проекта Концепции, содержащий меры по нейтрализации позиций крайних националистов и экстремистов, не был одобрен. Впоследствии некоторые из положений проекта были включены в текст Конституции говорящей о запрете пропаганды или агитации, возбуждающих социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть или вражду. Однако в силу того, что в Концепции не прописан определенный механизм или орган ликвидации таких настроений еще до их проявления, то «санитарией» межэтнических отношений занимаются правоохранительные органы «по факту» их появления, что, безусловно, является сигналом о необходимости концептуального изменения. Еще одним замечанием, часто озвучиваемым исследователями, является указание на то, что собственно этнокультурная составляющая должна быть более широко представлена в национальной политике, что должно найти отражение в законодательном аппарате. Речь в этом случае идет, прежде всего, о проработке основ образовательной и языковой политики в нашей стране. Помимо перечисленного, нужно отметить, что в свете последних изменений миграционного законодательства соответствующие разделы должны быть пересмотрены и в Концепции.

Следует отметить еще одну проблему, являющуюся достаточно актуальной на данный момент: внутреннее законодательство в данной сфере требует скорейшего согласования, без которого наличие таких документов, как Концепция, не представляет смысла. Закон действительно призван обеспечить право ведения традиционного образа жизни, гарантии прав коренных малочисленных народов, защиту прав национальных меньшинств, свободное определение каждым своей национальной принадлежности, равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. Законом предусмотрен запрет любых форм ограничения прав народов и граждан РФ по признаку национальной принадлежности, пропаганды национального превосходства, а также экстремистских действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды по признакам национальной принадлежности. Но практика наказания за преступления, совершенные по национальным мотивам, сведена в России на нет, несмотря на то, что такие преступления происходят все чаще. Насильственные действия против жизни людей, принадлежащих к другим культурам, даже приведшие к гибели, квалифицируются у нас исключительно как «хулиганство».

Федеральный закон “О национально-культурной автономии” 1996 г. определяет национально-культурную автономию (НКА) как форму национально-культурного самоопределения, представляющую собой общественное объединение граждан РФ, относящих себя к определенным этническим общностям, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры.

Основными принципами национально-культурной автономии являются: свободное волеизъявление граждан при отнесении себя к определенной этнической общности; уважение языка, культуры, традиций и обычаев граждан различных этнических общностей; самоорганизация и самоуправление; многообразие форм внутренней организации национально-культурной автономии; сочетание общественной инициативы с государственной поддержкой. В данном законе также закреплены основные права национально-культурных автономий. Среди них получение поддержки со стороны органов государственной власти и органов местного самоуправления, необходимой для сохранения национальной самобытности, развития национального (родного) языка и национальной культуры, создание образовательных и научных

учреждений, учреждений культуры и обеспечение их функционирования в соответствии с законодательством РФ и т.д. Согласно закону организационные основы национально-культурной автономии определяются спецификой расселения граждан России, относящих себя к определенным этническим общностям, и уставами национально-культурных автономий. Национально-культурные автономии могут быть местными (городскими, районными, поселковыми, сельскими), региональными и федеральными.

В тоже время Федеральный закон отказался от более радикальной позиции, в соответствии с которой национально-культурная автономия должна быть формой национально-территориального самоуправления национальностей и национальных меньшинств. Такая экстерриториальная форма автономии наряду с несомненными достоинствами имеет и ряд недостатков. Так, некоторые лидеры этнонациональной государственности усматривают в ней попытку демонтажа национальной государственности со стороны федерального центра. Кроме того, нельзя не отметить недостаточную психологическую подготовленность русских и титульных наций в республиках способствовать реализации названных выше прав национально-культурной автономии других народов. И, пожалуй, самый главный недостаток на взгляд исследователей - отсутствие в стране достаточных материально-финансовых ресурсов для полной реализации в ближайшей перспективе заложенного в законе потенциала.

Закон имеет ряд поправок, наиболее значимые из которых были предложены в 2002 г. В частности, согласно первоначальному варианту Закона национально-культурные автономии вправе свободно самоорганизовываться, объединяя, в зависимости от волеизъявления учредителей, людей, относящих себя к одной этнической общности, в одной или нескольких национально-культурных автономий. Проект, разработанный Министерством национальностей незадолго до своего роспуска, ограничивал это право, не допуская существования более одной федеральной НКА каждой этнической общности и более одной – в каждом субъекте Федерации. Для признания НКА федеральной и, соответственно, ее регистрации в Минюсте, требовалось объединение в одну структуру не менее чем трех четвертей региональных автономий соответствующей этнической направленности.

Кроме того, проектом предусматривалось, что НКА может образовываться только в случае, если граждане некой национальности находятся в «ситуации национального меньшинства на соответствующей территории», что, по мысли инициаторов, исключало образование русских НКА в Костромской области и татарских – в Татарстане. Какие формальные доказательства «ситуации меньшинства», при наличии конституционного права каждого самостоятельно определять (или не определять) свою национальную принадлежность, могло бы в таких случаях представлять государство, в проекте не уточнялось. Среди значимых поправок к Закону можно назвать снятие положений 1996 г., лишавших автономии права отказать гражданину в приеме в члены национально-культурной автономии по мотивам нецелесообразности, в результате чего в первичные НКА могли бы внедряться разного рода провокаторы. Кроме того, в рамках работы по улучшению Закона была восстановлена и приведена в соответствие с Конституцией статья о приоритете норм международного права, касающихся права на объединение и положения национально-культурных меньшинств.

Одним из недостатков Закона является проблема финансовых источников его практической реализации. Так, в нем прописана возможность финансирования деятельности автономий, но правительство или муниципальные власти не обязаны делать этого. Более того, речь идет о материальной поддержке отдельных проектов, а не

автономий как таковых. Потому как в соответствии со ст. 78 Бюджетного кодекса РФ бюджетные средства могут выделяться неправительственным организациям только в рамках федерального или регионального закона или федеральной, региональной или местной целевой программы. Это означает, что финансироваться могут только краткосрочные проекты, а неправительственные институты, созданные для реализации долгосрочных программ (каковым является НКА), в реальности не могут рассчитывать на получение бюджетного финансирования из-за отсутствия соответствующей законодательной базы. Кроме того, ни закон, ни какие-либо подзаконные акты не определяют, кто и как распределяет бюджетные средства, выделяемые для НКА.

На практике, за редким исключением, национально-культурные автономии финансирования не получают. Консультативные органы по делам национально-культурных автономий, предусмотренные законом 1996 г., так и не были созданы при региональных органах власти в субъектах Федерации. В итоге в бюджетной классификации отсутствует отдельная строка финансирования национальной политики, и Министерство финансов РФ последовательно игнорирует попытки вернуть когда-то существовавшую статью расходования средств на национальную политику в бюджет, а тем временем из-за отсутствия должного финансирования многие уже принятые законы в этой сфере исполняются вполсилы.

Что касается эффективности механизма влияния регионов на формирование направлений этнонациональной политики в государстве, то следует рассмотреть роль федеральных органов государственной власти в области национальной политики. Исходя из рассмотренных выше пунктов Федеративного закона, одной из основных структур, регулирующих взаимоотношения между «центром» и регионами, является Совет Федерации. Одной из его важнейших задач является представительство и учет интересов каждого субъекта России. Принцип формирования Совета Федерации, заложенный в Конституции, должен обеспечивать его роль как представительного органа субъектов РФ. Согласно Конституции в состав Совета Федерации входят по два представителя от каждого субъекта РФ: один от представительного органа власти, другой – от исполнительного органа власти.

За время действия настоящей Конституции принцип определения кандидатов на должность представителя региона дважды менялся, но полномочия его остались прежними. То же касается и ряда других положений. Во-первых, каждый из субъектов РФ имеет в верхней палате равное представительство. Это особенно важно на фоне того, что в Государственной Думе главенствующую роль играют депутаты от крупных по числу жителей субъектов Федерации. Во-вторых, в Совете Федерации происходит непосредственное воздействие регионов на различные направления федеральной политики, что создает основу для осуществления реформ с учетом региональных особенностей и потребностей.

С момента принятия Конституции РФ и до подписания Госдумой Федерального закона «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» в 1995 г. представители в этот орган избирались прямыми выборами в регионах. Однако уже с 1995 г. по 2000 г. представителями были главы законодательных и главы исполнительных органов государственной власти. С 2001 г. в Совет Федерации входят также по два представителя от каждого субъекта РФ: по одному от законодательного и исполнительного органов государственной власти субъекта. Таким образом, в настоящее время сенаторами часто становятся отставные политики или представители крупного бизнеса, которые не знакомы со спецификой представляемых ими регионов, в то время как прежнее представительство губерна-

торов в некоторой степени гарантировало их причастность к принятию законов, которые они потом должны были исполнять.

Для регулирования межэтнических отношений в стране в 2006 г. была создана Объединенная комиссия по национальной политике и взаимоотношениям государства и религиозных объединений при Совете Федерации Федерального Собрания РФ. Основными ее задачами и функциями являются: развитие федеративных отношений; предоставление гарантий социально-экономического и культурного развития коренным малочисленным народам России; регулирование миграционных процессов и т.д.

В 2005 г. был также принят к рассмотрению проект Федерального закона «О правовых основах государственной этнонациональной политики в Российской Федерации», определяющий основы государственной этнонациональной политики в стране с целью защиты прав и свобод всех этнонациональных общностей независимо от их численности и территории проживания. К сожалению, документ до настоящего времени не приобрел статус действующего акта.

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о том, что существует достаточное количество законодательных документов и государственных органов, призванных регулировать национальные отношения и реализовывать этнонациональную политику в стране. Вместе с тем, все более настойчивым становится мнение профессионального сообщества о том, что такая законодательная база является недостаточной. Законы и программы, которые были приняты в начале и середине 90-х годов XX в., скорее являлись результатом юридической основы советского строя, нежели обоснованным фундаментом для строительства нового, независимого государства. В то же время можно утверждать, что оптимальным решением будет не замена этих положений новыми, а их доработка, т.к. в теперешнем виде они содержат пункты, которые являются, во-первых, актуальными, а, во-вторых, достижимыми при существующей в стране интеллектуальной и экономической базе. Что же касается деятельности федеральных органов, то в данной области требуется большая согласованность их действий. Однако концептуальная неразработанность отдельных важных направлений государственной этнонациональной политики снижает эффективность имеющихся законодательных актов, а это, в свою очередь, снижает объективную реализацию прав и свобод граждан РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеративный договор. Документы. Комментарий. М.: Республика, 1994.
2. Государственная служба Российской Федерации и межнациональные отношения / Под ред. Р.Г.Абдулатипова. – М.: Луч, 1995. – С. 45.
3. Концепция государственной национальной политики Российской Федерации [Электронный ресурс] / Законодательство России. – Электрон. дан. – М.: Портал правовой поддержки предпринимательской деятельности «Предпринимательское право», 2003. – Режим доступа: URL: http://businesspravo.ru/Docum/Documshow_DocumID_56742/html.
4. О национально-культурной автономии: Федеральный закон // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – С. 29-65.
5. О внесении изменений в Федеральный закон «О национально-культурной автономии»/ Ежемесячный бюллетень неправительственных организаций «Законотворческий процесс в Государственной Думе: правозащитный анализ», Выпуск 60, 15.07.2007, <http://www.memo.ru/hr/gosduma/60/02.htm>.

6. Бюджетный Кодекс РФ. – Новосибирск.: Изд-во «Сибирское университетское издательство», 2004. – С.54.
7. О совершенствовании правового регулирования в сфере государственной национальной политики [Электронный ресурс] / Стенограмма парламентских. – М.: Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации, 2007. – Режим доступа: URL: <http://www.council.gov.ru/lawmaking/parliament/item/83/index.html>.
8. О правовых основах государственной этнонациональной политики в Российской Федерации: Проект закона [Электронный ресурс] / Документы, размещенные в ходе рассмотрения законопроекта. – Электрон. дан. – Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации, 2007. – Режим доступа: URL: <http://www.duma.gov.ru/komnac/info/165968-4.html>.

РЕЦЕНЗИИ

ОБ ОДНОМ НАПРАВЛЕНИИ В ИССЛЕДОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

По страницам книги Ивэра Нойманна «Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей».
М.: Новое издательство, 2004 (пер. с англ.). 240 с.

А.М. Кузнецов*

В последнее время в различных социально-гуманитарных дисциплинах широкое признание получил термин идентичность. Рост популярности нового слова был связан с произошедшим расширением сферы его значений. Сначала он использовался для обсуждения проблем личностного развития индивида (Э. Эриксон), а затем был применен и для описания явлений следующего уровня – различных объединений индивидов (коллективные идентичности). В результате достаточно стихийно сложились такие определения, как этнические и национальные идентичности, вторгающиеся в поле исследований политических наук, в том числе и в область проблем международных отношений. Одной из наиболее серьезных попыток реализации и концептуального обоснования значения концепта идентичность для анализа взаимодействий в международной сфере можно считать работу норвежского исследователя Ивэра Нойманна *Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей*, изданную в переводе на русский язык в 2004 г., но не получившую еще заслуженного отклика среди российских специалистов.

Данная работа вызывает интерес по нескольким причинам. Прежде всего ее автор, имея практический опыт работы (в частности, он проработал достаточно длительный срок в 1980-х гг. в посольстве в Москве), попытался представить теоретические основания для исследования ряда актуальных проблем международных отношений. Следует отдать Нойманну должное, он действительно смог освоить современный потенциал ведущих теоретических школ Запада и квалифицированно применить его в своей работе. Среди философов и социальных теоретиков, к идеям которых в той или иной степени он обращался, хотелось бы только выделить: Г. Гегеля, К. Маркса, Ф. Ницше, Ж.-П. Сартра, К. Гирца, Б. Андерсона, Д. Кэмпбелла, С. Хантингтона, П. Чаттерджи, Ю. Хабермаса и К. Шмита. Как признал сам автор, наиболее значительное влияние на него оказали концепция ориентализма американского специалиста Э. Саида, идея «Другого» Э. Левинаса и постмодернистская теория дискурса (Ж. Деррида, М. Фуко, Ж. Бодрийяр и др.). Но не менее эффективно Нойманн использовал свое пребывание в СССР, позволившее ему познакомиться с достижениями и русских теоретиков, среди которых он особо выделял М.М. Бахтина, ставшего известным на Западе благодаря Ц. Тодорову и Ю. Кристевой. Очень примечательно, что, позиционируя себя в сугубо западном стиле как постструктуралиста, автор признает «неоплатный долг

---

* *Кузнецов Анатолий Михайлович* – доктор исторических наук, профессор Владивостокского института международных отношений ДВГУ, e-mail: kuznecov@ext.dvgu.ru.

перед русскими формалистами и структуралистами (В.Я. Пропп, Ю.Н. Тынянов, Р.О. Якобсон и др. – А.К.), заложившими теоретический фундамент для этой эмпирической работы по вопросам формирования идентичности и внешней политики». Некоторым нашим рьяным приверженцам постмодернизма неплохо было бы обратить внимание на замечание иностранного коллеги по поводу того, что у нас в стране «с конца 1980-х слишком много сил уделяется импорту англо-американского теоретизирования и слишком мало восстановлению русских традиций» (с. 13).

Как показал сам И. Нойманн, его работа основана на нескольких базовых методологических предпосылках. Во-первых, для него социальные явления отличаются от индивидуальных так же, как и **коллективная идентичность** отличается от **личной**. Во-вторых, он полагает, что коллективные идентичности имеют **внешние составляющие**: эти идентичности определяются целыми **напластованиями «Других»**. Значение коллективных идентичностей автор связывает с их способностью отделять одних людей от других при помощи определенных **маркеров (показателей)**. Наконец, он полагает, что коллективные идентичности становятся предпосылками к действию людей. Рассматриваемое исследование было посвящено анализу роли одного из значимых показателей **«Восток»** для формирования ряда коллективных идентичностей, прежде всего европейских» (с. 14-15). Поставленная цель и заставила Нойманна выйти за рамки своей весьма специализированной области на междисциплинарный уровень. Сначала он должен был освоить даже в этнографический дискурс (оставим это на совести переводчика, вероятнее всего, в оригинале было все же указано антропологический), намеченный, как считает автор, исследованиями национализма, начинающимися еще от Э. Дюркгейма. Основное же внимание в этом дискурсе Нойманн уделил концепции этнической группы Ф. Барта и его идее о значимости **границы** для определения и сохранения общностей подобного рода. Главным достоинством идей своего соотечественника Нойманн считает возможность отмежевания на их основе от психологического подхода.

Психологический же подход не устраивает исследователя, так как предложенные им теории атрибуции и когнитивной связанности активно применялись при анализе состояния международных отношений в 1960-е – 1970-е гг., но, по его мнению, привели к негативным результатам. «Изучение международной политики по критериям восприятия систем верований, оперативных кодов,...(образов врагов) и так далее зашло в тупик, поскольку имело тенденцию **начинать и заканчивать социально не обусловленными «Я»** и таким образом не касалось непосредственно отношения между **«Я»** и **«Другим»** (с. 34). Рассмотрев еще и существующий потенциал континентальной философии, Нойманн все же отдает предпочтение той области исследований, которую он определил как **восточный экскурс**, т.е. «деятельности, которая разворачивалась в местах, **маргинальных** во многих отношениях; маргинальных, ибо они **не входили в ядро академических дисциплин** и, следовательно, стремились в те пространства, где эти дисциплины **пересекались друг с другом**; маргинальных, поскольку характеризовались **многоголосием, специфичным для мест изгнания**; маргинальных, поскольку они ставили под сомнение саму возможность **наличия центров и одновременного производства знания**, т.е. маргинальных по отношению к академическим, национальным и политическим архивам модерности» (с. 28). Сделанный выбор был обусловлен, как напоминает нам еще раз автор, тем обстоятельством, что **«главный предмет этой книги европейские идентичности и та роль, которую играют соседствующие с ней восточные «Другие»** (с. 42). Критически проанализировав опыт различных дисциплин в решении

сходных с интересующей самого автора задач, он приходит к выводу: «...обращаясь к работам по **формированию коллективной идентичности, дисциплина МО не только может достигнуть более глубокого понимания устройства международной системы государств, но и, наконец, придать онтологический статус разнообразным субъектам или «акторам»... мировой политики»** (с 25).

Показав значимость идеи идентичности и необходимость различения индивидуальной и коллективной ее форм, Нойманн понимает, что «почти все работы по социальной теории о формировании **коллективной идентичности** опираются на **антропоморфизацию человеческих коллективов, а моделируемый человек – это человек Возрождения»** (с. 27). Автор также отмечает, что исследователи международных отношений долгое время работали только над изучением **физических и экономических границ**, не уделяя особого внимания тому, «как **поддерживаются социальные границы между человеческими коллективами**». Для преодоления указанных недостатков он и использовал в качестве отправной точки своего исследования идею разграничения Ф. Барта: «...фундаментальное положение антропологического подхода о том, что **отграничение «Я» от «Другого» является активной и продолжающейся частью формирования идентичности**. Создание социальных границ является **не следствием интеграции**, а одним из ее необходимых **априорных составляющих**. Поэтому работы по формированию **идентичности должны быть сфокусированы на том, как эти границы возникают и как они сохраняются»** (с. 68). При анализе этих новых границ происходит примечательная трансформация собственно географических понятий: «...Восток лишается своей географической точки отсчета и становится обобщенным социальным маркером в формировании европейской идентичности. «**Восток**» является «**Другим**» Европы, и это понятие используется для репрезентации европейских идентичностей... Вопрос не о том, будет ли Восток использоваться в создании новых европейских идентичностей, но о том, как это будет происходить». Подобное «регионостроительство», которое автор приравнивает к «нациестроительству», по его мнению, начинает играть все более важную роль в современных исследованиях (с. 158). Но он справедливо замечает: «...когда этнографы начинают изучать формирование коллективной идентичности, они немедленно приступают к изучению этнических групп, субкультур, деревень и других коллективов **малого масштаба**. И хотя затяжная **гегемония национализма** и делает **коллективные идентичности, основанные на этническом принципе, особенно подверженными политизации, существует также республиканизм..., гендер..., и класс**. Для наших целей масштаб нужно **увеличить»** (с. 30).

Понимая, что все интересующие его процессы и уровни их анализа сегодня связаны с политикой, автор для выработки своей позиции в данной области обращается к работам известной исследовательницы Ш. Муфф. Ее взгляд на проблему привлекает Нойманна тем, что «она напоминает выработанное постструктуралистами разграничение между «**политическим**», описывающим неискоренимое и вечно изменяющееся **измерение антагонизма и враждебности**, характеризующие человеческие взаимоотношения, и «**политикой**», которая, учитывая перманентный антагонизм, характеризующий «**политическое**», **стремится установить определенный порядок и организовать человеческое существование**». Необходимость именно двойственного подхода к данному явлению и его значение у названного политолога было обосновано стремлением преодолеть ограниченность либерального понимания проблемы, так как подход, «**пытающийся совместить два значения термина «политика», – polemos «вражда» и polis «город-государство» полностью чужд либерализму, поэтому, кстати,**

либеральная мысль полностью беспомощна перед лицом антагонизма». Подобная дихотомия очень созвучна идеям Нойманна, который увидел в ней возможность включить оппозицию «свое» и «Другое» – восточное как один из способов организации европейской политики (с. 270-271).

Указанные теоретические посылки затем были использованы для определения собственно концепта **идентичность**. Принимая вслед за Муфф положение о взаимодействии внешнего и внутреннего при формировании данного явления, норвежский исследователь разделяет ее другой вывод: «Мы пойдем дальше и заявим не только о том, что не существует «естественных» или «оригинальных» идентичностей, поскольку **любая идентичность возникает из непрерывного процесса**, но и о том, что сам процесс должен рассматриваться как процесс **постоянной гибридизации и номадизации**. На самом деле **идентичность является результатом множества взаимодействий, происходящих в пространстве без четко определенных границ**». Нойманн дополняет эти положения своим основополагающим концептом: «... коллективные идентичности конституируются не только **воображаемым материалом**, из которого они состоят, но также и **материалом, лежащим вне их, - материалом, с которым они имплицитно сравниваются**» (с. 14-15). В результате данное явление приобретает более сложный характер и автор обращает наше внимание на то обстоятельство, что «...при изучении, например, отношений «Я/Другой» между двумя государствами, необходимо уделять внимание тому факту, что эти государства в то же самое время вовлечены в поддержание своих коллективных идентичностей перед лицом других типов человеческих коллективов – сообществ или организаций, членами которых они являются. Коллективные идентичности возникают как многогранные и должны изучаться как таковые» (с. 68-69).

Возрастание значения идентичности Нойманн связывает, как Ш. Муфф и Ж. Лакан, с важными социальными переменами: «Поскольку классовые различия как возможные идентичности исчезают..., то открывается политическое пространство для разнообразных социальных идентичностей, вокруг которых за последние 20 лет сформировались социальные движения» (с. 273). Еще один важный момент в понимании идентичности норвежским автором заключается в признании того обстоятельства, что «...в политическом дискурсе эссенциализируются репрезентации идентичностей. Не говоря об **онтологической возможности существования трансконтекстуального «Я»**, такие «Я», несомненно, **существуют в виде моделей, которые антропологи называют «народными»**,...т.е в репрезентациях, которые циркулируют в культуре и позволяют **членам этой культуры осмысливать свой мир**» (с. 274).

Развивая это положение, Нойманн констатирует существование двух основных подходов к трактовке феномена идентичности: основанного на признании существования **онтологических** (эссенциалистских, трансконтекстуальных) идентичностей и настаивающего на их изменчивости и **конструируемости** (контекстообусловленные идентичности). Свое отношение к этим подходам он представил следующим образом: «Борьба за **отрицание невозможности существования трансконтекстуальной идентичности является ключевой составляющей современной политической жизни**; действительно, важность и насущность этой борьбы ведут к необходимости **изучать политику идентичности**». В качестве аргумента в пользу преимущественного значения второго варианта идентичностей автор приводит ситуацию Боснии и Герцеговины, где различные этнические группы всегда сосуществовали мирно и любая попытка разделить сообщества по этническим границам станет, по его мнению, разрывом

с «традицией» (с. 277). Факты подобного рода, считает Нойманн, должны активно использоваться в борьбе с установками крайне правых организаций, например, национальным фронтом, предлагающим эссенциализирующую историю о транс-контекстуальной французской нации (с. 278).

Но автор знает еще об одной проблеме, возникшей в исследовании коллективной идентичности в 1990-е гг. Она выражается в противопоставление «self» (Я-А.К) и идентичности (с. 279). Поэтому он склоняется к необходимости более сложного понимания последней категории, которое, например, предложила социальный антрополог М. Гуллестад. Она рассматривает идентичность как одну из составляющих более значимой категории: «... **современное «Я» – «непрерывное и процессуальное усилие индивидуума свести воедино свои разнообразные роли, идентичности и опыты. С другой стороны, роли – это динамические аспекты разнообразных положений индивидуума в социальной структуре, а идентичности – это те качества, с которыми индивидуум идентифицируется и социальное подтверждение которое этот индивид стремится получить.** Некоторые идентичности напрямую связаны с социальными ролями, а другие, такие как **национальные и этнические идентичности, могут быть аспектами нескольких ролей. Человек нового времени конструирует много эфемерных и специфичных для данной ситуации идентичностей, но обычно он стремится к более или менее непротиворечивому и непрерывному образу «Я»** (с. 279–280). Учитывая все обстоятельства, Нойманн приходит к важному заключению: «Вместе с Лемертом и Гуллестад я полагаю, что нам нужен **один термин для контекстообусловленных идентичностей и другой термин для (онтологически невозможных) трансконтекстуальных идентичностей. Первые можно назвать просто «идентичностями», а вторые «Я»...создание «Я» является нарративным процессом идентификации, посредством которого в конкретных контекстах некоторое число идентичностей связывается в единую историю. Сотворение «Я» зависит от ресурсов наличных идентичностей»** (с. 281).

Признавая себя как постструктуралиста, Нойманн, тем не менее, критикует это направление за его подход к отношениям «Я/Другой» (идентичность/Другой), характеризующийся стремлением не выходить за рамки конкретных контекстов и не учитывать **интенциональности** их субъектов. Не принимает автор и популярный на Западе радикальный конструктивизм, рассматривая его основные положения на примере работы историка Э. Рингмара. Тот, в свою очередь, указывал на ошибки социологов, которые «приняли современную мифологию **трансцендентального «Я», – представления о том, что существует «реальное» или «истинное» «Я», данное до социального взаимодействия или независимо от него. «...невозможно сказать, каков будет актер «сам по себе», ибо он (или она, или оно) может обрести существование только как активно действующий, подготавливающийся к действию, или только что совершивший действие...Актеры существуют в повествуемых историях и больше нигде и эти истории подчиняются нарратологическим, а не онтологическим требованиям. Мы никогда не приходим к окончательному ответу на вопрос, чем мы (или любой другой в этом контексте) «действительно являемся, но это ни на секунду не удерживает нас от разговора о том, что мы или другие из себя представляем». Следуя данной логике, Рингмар полагает – даже государства могут быть управляемыми собственными интересами актерами только тогда, когда мы рассказываем истории, которые идентифицируют их именно такими. Точно также и другие человеческие коллективы «выговариваются» в существование, создавая для себя идентичности вдоль осей времени и пространства. Не удивительно, что в конечном счете этот автор приходит**

к заключению: в современных условиях «историк должен становиться психологом». Необходимость такой перемены в исторической науке была аргументирована, в частности, следующим образом: **«Быть человеком и обладать сознанием – значит иметь намерения и планы, пытаться получить какие-то результаты, а связь между намерением и исполнением всегда передается в нарративной форме.**

Таким образом, рассказывание историй становится предпосылкой действия. Сначала мы прикрепляем метафоры к нашим непостижимым «Я», к ситуациям, в которые мы попадаем, а затем начинаем рассказывать истории о самих себе, и наши ситуации становятся понятными нам самим.... Таким и только таким образом мы можем формулировать представление об интересах». На следующем этапе одни «Я» связываются с «Другими», которые рассказывают свои истории и являются аудиторией историй (с. 288).

Недостаток приведенной работы историка специалист-международник видит, прежде всего, в игнорировании важного компонента: «Для того, чтобы понять, является ли конкретная конститутивная история корректным описанием нас, ее в первую очередь надо проверить на взаимодействие с «Другими». Выбранный им автор пытался объяснять возникновение историй и идентичностей исходя из того обстоятельства, что существуют **«формирующие моменты»**, периоды, когда **в оборот запускаются новые метафоры, когда индивидуумы и группы рассказывают о себе новые истории, когда возникают новые своды правил для классификации идентичностей»** (с. 288). Нойманна такое объяснение не устраивает. Он видит: Рингмар делает переход к историям как бы о государственном «Я», очерченном его воображаемыми участниками. Когда возникает вопрос: чьи истории рассматриваются – наш историк обнаруживает свою этатоцентристскую позицию. Поэтому ему было указано: «Таким образом, конструктивистский поход Рингмара к политике идентичности обретает историю «как бы» о «Я», которой **не хватает постструктуралистской теории**, но он ее обретает ценой очень настойчивых ... утверждений **о силе интенциональности»** (с. 290). Нойманн хорошо понимает, что на самом деле грань между постструктуралистом и конструктивистом очень тонка. Однако он вполне уверенно констатирует: «Ограниченность конструктивистской точки зрения на проблему «Я/Другой» заключается в том, что на самом деле **конструктивизм не пытается отойти от политической проблематики, связанной с суверенитетом**». Выход из сложившейся ситуации автор видит в нормах восточного подхода, согласно которому постструктурализм и конструктивизм все же остаются в рамках конститутивной теории (с. 291–292).

Подводя итог своему обоснованию значения категории идентичность для изучения современных международных отношений, Нойманн показывает: «Для существования **идентичности** нужно **различие**, и **идентичность** превращает **различие в инаковость**, чтобы обеспечить уверенность в себе». Значение происходящего преобразования было продемонстрировано на следующем примере: «Насколько я вижу, политическая оппозиция на уровне национальных государств, регионов и ЕС уже начала формироваться вокруг **эссенциализированных сообществ**, преподнося их так, как будто они **находятся под угрозой** и, следовательно, **нуждаются в защите**. **Различие у всех на глазах превращается в инаковость**». В подобной ситуации «**Восточные**», «**Другие**» всех мастей используются **в этнополитических начинаниях** на каждом из трех уровней, обсуждаемых в этой книге». Противостоять разворачивающимся негативным тенденциям, как считает автор, можно будет в том случае, если признать, что **«Политика нуждается в историях «в сослагательном наклонении»**, при помощи

которых **можно отстоять многообразие**. Зигмунт Бауман недавно отметил, что если современная «проблема идентичности» состоит в том, как построить идентичность и поддержать ее прочность и стабильность, то постмодерная «проблема идентичности» состоит по большей части в том, как избежать застывания и сохранить открытые возможности» (с. 293-294).

Выводы о необходимости «историй в сослагательном наклонении» для противодействия распространяющейся инаковости Нойманн сделал на основе своего анализа ряда конкретных случаев европейских Других, в том числе России. Показав динамику представлений о России в Европе на протяжении последних 500 лет, он приводит распространенное сегодня в кругах ряда политиков мнение, которое «... состоит в том, что Россия – не полноправная держава, а великая держава по милости Европы.... Россия рассматривается как часть Европы в том смысле, что Россия – ученик Европы и потенциальный отступник» (с. 152). Сам автор решил объяснить стойкий образ нашей страны, как Другого на основе работы антрополога М. Дуглас. Она показала проблемы, возникающие в этнической общности леле при попытке классифицировать панголина (чешуйчатого муравьеда). «Леле обнаруживают в панголине качества (покрытое чешуей тело и хвост рыбы – А.К.), которые не сочетаются между собой, и поэтому он угрожают самим принципам классификации, а значит классификации как таковой». Поэтому Нойманн делает вывод: «Можно утверждать, что последние пятьсот лет Россия была для Европы панголином» (с. 153). Российская специфика для него является, прежде всего, результатом недавнего оцивилизации и недавнего начала участия в европейской политике в результате чего в нашей стране по-прежнему совмещаются несовместимые для европейца начала (с. 154).

Таким образом, рассматриваемая работа И. Нойманна является интересным опытом преломления существующего теоретического потенциала социально-гуманитарных наук к исследованию проблем в области международных отношений через категорию идентичность. Авторская трактовка концепта коллективная идентичность во многом обусловлена характером его научной и практической деятельности. Не случайно его работа основывается на концепциях Э. Саида и Ф. Барта, придающих большое значение идее границы, позволяющей не только фиксировать определенные общности, но и отделять себя от «Другого». Поскольку «Другие» на протяжении всей истории были неотъемлемым условием существования любой общности, то автор настаивает на необходимости учета данного обстоятельства при исследовании широкого круга вопросов. Стремление Нойманна выйти за рамки европоцентристской ограниченности в анализе современных проблем международных отношений путем рассмотрения свойств реальных их акторов, в том числе характеризующихся выраженной «инаковостью», является несомненным достоинством его работы. Как положительный момент можно рассматривать выведение автором проблемы коллективной идентичности таких акторов на междисциплинарный уровень. Очевидно, что использованные теоретические принципы и подходы позволили Нойманну избежать одностороннего понимания рассматриваемых проблем, которым страдают многие авторы постмодернистского толка и не только они. Сам норвежский исследователь показал издержки, возникающие при следовании принципам одной школы на примере полемики известных теоретиков международных отношений А. Вендта и К. Уолца, в ходе которой первый делал ставку на структуру, а другой – на процесс.

В своей характеристике коллективной идентичности этот автор придает значение ее внутренним и внешним факторам, которые взаимодействуют в процессе «постоянной гибридизации и номадизации». Не менее значимо для него выделение трансконтекстуальной и контекстообусловленной вариантов идентичностей. Позиционируя себя как постструктуралиста, Нойманн сводит первый из указанных вариантов к сугубо нарративным образованиям, и отдает предпочтение в своих работах второму из них. В отличие от многих интерпретаторов, представляющих идентичности как самодостаточное явление он рассматривает их вслед за М. Гул-лестада тесно связанными с формированием собственно «Я».

Однако, показав сложность концепта идентичность и выдвинув требование различать его выражение на разных уровнях: индивидуальном, микро- и макросообществ – норвежский специалист оказался в парадоксальной ситуации. Он видит недостаток многих своих коллег, пытающихся уйти от всех этих сложностей путем антропоморфизации человеческих коллективов и ограничения себя работой с общностями «малого масштаба». Нойманн видит необходимость вывести анализ рассматриваемых проблем на другие уровни, в частности, республиканизма, гендера и класса. Однако он сам признал, что такая социальная страта как класс уже утратила свое значение в современных условиях. Понятно, что роль гендерного фактора в международных отношениях занимает вполне определенное место. Республиканизм все еще остается не самым влиятельным течением либерализма. В свете авторского представления работы Рингмара получается, что государство теперь также в основном функционирует как нарратив. В таком случае получается – Нойманн не знает, какое же «Я» будет реально формировать и упорядочивать идентичности на значимых для него макроуровнях. Очень показательно, что основополагающий концепт его работы «Восток» также не получил определенной конкретизации.

Сам исследователь указал, что основной недостаток его работы состоит в том, что она больше занимается анализом предпосылок деятельности, а не самой деятельностью (с.17). Я же связываю ее погрешности с тем, что автор остается постструктуралистом. В своем стремлении преодолеть достаточно очевидные неурядицы с использованием концепта идентичность, он, тем не менее, следует либеральной познавательной традиции со всеми ее достоинствами и недостатками. Следуя основным установкам либеральной теории, Нойманн старательно отрешивается от всяческого эссенциализма (примордиализма) и транстекстуализма. Именно поэтому ему, как и другим представителям иногда достаточно разных школ этого направления так важна идея коллективной идентичности. При этом обращает внимание, что сам этот автор при всем своем неприятии транстекстуального «Я» в силу своего глубокого осмысления проблемы все же был вынужден признать его как модель, существующую **в народной культуре**. Однако для того, чтобы действительно выйти на уровень общностей большого масштаба, не прибегая к их примитивной антропоморфизации, необходимы совершенно другие теоретико-методологические установки, остающиеся вне либералистского мейнстрима. В данном случае речь идет о теории этноса, разработанной в российской науке. Именно уровень этноса, а затем связанный с ним генеалогически уровень нации играют важнейшую роль в формировании необходимого Нойманну «Я». «Восток», «Другой» – это уже абстракты, которые формируются на основе этих реальных и конкретных образований.

Сделанные замечания не являются упреком конкретному автору, а скорее кон-

статируют общую ситуацию, сложившуюся в современной науке. В силу высокого уровня ее специализации выход на сложные проблемы требует от исследователя достаточного уровня компетентности в разных областях знания. К сожалению, достигнуть его в настоящих условиях практически невозможно и при выходе за рамки своей специализации у любого из нас возникают упрощения и погрешности. Поэтому я отдаю должное научной эрудиции и уровню теоретической подготовки И. Нойманна, однако для успешного решения поставленных им задач требуется более глубокая подготовка в собственно гуманитарной проблематике (социальнокультурная антропология, психология и др.), которую не может компенсировать одна, пускай все еще влиятельная, концепция Ф. Барта и глубокий анализ проблемы идентичности.

АННОТАЦИИ К СТАТЬЯМ ЖУРНАЛА

АТР: экономика, политика, право, – № 2, 2009

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Тулохонов А.К., Зомонова Э.М.

Асимметрия социально-экономического развития приграничных территорий России и Китая

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, приграничные регионы, Республика Бурятия, Забайкальский край, внешнеэкономические отношения.

В статье рассмотрены проблемы социально-экономического развития приграничных регионов, таких как Республика Бурятия, Забайкальский край. Предлагается использовать географическое положение как фактор роста субъектов азиатской части Российской Федерации. Дается сравнительная характеристика экономического положения сопредельных территорий России и Китая. Предлагается повысить роль внешнеэкономических отношений между двумя государствами для повышения уровня жизни населения, живущих вдоль государственных границ.

Быстрицкий С.П., Фролова Н.С.

Локальные контактные зоны Дальнего Востока

Ключевые слова: локальные контактные зоны, АТР, минеральные ресурсы, транспортный коридор, инвестиции, экономика.

Формирование локальной контактной зоны в Ванино-Советско-Гаванском районе на территории Хабаровского края – это новый крупномасштабный проект по созданию высокоэффективного производственного комплекса на востоке Российского Дальнего Востока за счет включения его в интеграционные процессы и более полного обеспечения контактных функций взаимодействия России и АТР. Развитие Ванино-Советско-Гаванской локальной контактной зоны определяется следующими факторами: примыканием к международным транспортным коридорам (МТК); наличием огромных запасов природных ресурсов, расположенных в зоне влияния Ванино-Советско-Гаванской контактной зоны; растущим спросом в АТР и в мире на сырьевые ресурсы; наличием инвестиционных проектов; выделением значительных государственных средств на развитие инфраструктуры; благоприятными условиями для проживания населения и формирования нескольких крупных городских поселений.

Создание локальной контактной зоны должно стать важным элементом современной экономики Российской Федерации. Ее создание потребует крупных ресурсов инвестиций; населения, сопоставимых с такими крупными городскими агломерациями, как Владивосток, Находка; крупномасштабного жилищного и производственного строительства; развития электроэнергетики и развития индустрии промышленности строительных материалов.

Порунов А.Н.

Кризис и страны БРИК: итоги января-февраля 2009 года в зеркале статистики

Ключевые слова: экономика, страны БРИК, Бразилия, Россия, Индия, Китай, финансовый кризис, инфляция, безработица.

В статье приведен статистический срез развития национальных экономик Бразилии, России, Индии и Китая (БРИК) в условиях глобального финансового кризиса, дан экспресс анализ сложившейся экономической ситуации в этих странах по итогам первых двух месяцев 2009 года на основе оперативной отчетности национальных статистических служб.

ФИНАНСЫ В РАЗВИТИИ РЕГИОНА

Вотинцева Л.И., Ярославцева С.В.

Регионализм как фактор системных изменений в финансовой сфере Дальнего Востока России

Ключевые слова: регионализм, мировой кризис, финансовая система, региональная экономика, паритет.

Хозяйственный динамизм стран Азиатско-Тихоокеанского региона, несмотря на мировые и региональные кризисы, объективно способствует усилению факторов регионализма как во внутристрановых, так и в межгосударственных взаимоотношениях. Дальний Восток России, традиционно интегрируя с экономиками азиатских стран, планомерно включается в процессы регионализации.

В статье анализируются элементы финансовой системы субъектов Дальневосточного Федерального Округа (бюджетная, банковская, финансово-ресурсная база) как условия для эффективного и стратегического взаимодействия с приграничными азиатскими экономиками на паритетной основе. Приводится статистическая характеристика функционирования объектов сферы финансов и результативность динамики роста их основных показателей, обозначается направление системных изменений в данном секторе региональной экономики под влиянием внутренних и внешних факторов, протекающих процессов регионализации.

Сазонова Е.С., Безруков И.С.

Эффективность механизма валютного регулирования и валютного контроля (На примере Приморского края)

Ключевые слова: экономика Приморского края, валютный контроль, сырьевой экспорт, экономическая безопасность.

Анализ валютных операций по внешнеторговым сделкам показал низкую эффективность существующих в российском валютном законодательстве норм, призванных обеспечивать контроль за операциями нерезидентов внутри страны, международными текущими платежами, включая репатриацию экспортной валютной выручки и операциями движения капитала в зависимости от состояния платежного баланса страны.

Проблема сырьевого экспорта является одной из важных в экономике Приморского края. Использование различных схем осуществления резидентами «серого» экспорта, направленных на сокрытие его реальной стоимости, а также расчеты за услуги, не имеющие материального содержания, позволяет оставлять за рубежом значительные средства в иностранной валюте, что также создает угрозу экономической безопасности региона.

Одним из путей решения данной проблемы должно стать взаимодействие агентов валютного контроля на региональном уровне.

Слезко А.Н.

Рынок ипотечного кредитования в регионе: особенности и перспективы

Ключевые слова: ипотека, банк, кредитование, рынок ипотечного кредитования.

Рассмотрены тенденции и перспективы рынка ипотечного кредитования на региональном уровне. Акцентируется внимание на особенностях и условиях осуществления операций ипотеки коммерческими банками.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Жариков А.Е.

Проблемы взаимодействия нефтегазового и рыбопромышленного комплексов на шельфе

Ключевые слова: Сахалин, экосистема, нефтегазовый комплекс, рыбопромышленный комплекс, шельф.

В статье рассматривается проблема многоцелевого использования ограниченных акваторий шельфа, в частности проблема пересечения интересов нефтегазодобывающего и рыбопромышленного комплексов. Развитие ситуации на шельфе Сахалина показывает, что в настоящее время отсутствует системное решение возникающих конфликтных ситуаций, что приводит к деградации естественных экосистем Северо-Восточного побережья Сахалина.

Стащенко А.Н.

Региональные аспекты сферы телекоммуникационных услуг

Ключевые слова: российский Дальний Восток, телекоммуникационный рынок, телекоммуникации, развитие экономики, потенциал.

Статья посвящена сфере телекоммуникационных услуг, ее роли и значению для развития экономики, как неотъемлемого фактора производства в современных условиях.

Проведенный анализ тенденций формирования телекоммуникационных центров в России показал, что их размещение активно сдвигается в сторону регионов с высокой инвестиционной активностью и обладающих стратегическими (ключевыми) ресурсами страны. Телекоммуникационный рынок ДВФО, по сравнению с другими регионами, достаточно ненасыщен, обладает высоким потенциалом роста и поэтому привлекателен для операторов связи.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АГЛОМЕРАЦИИ

Овсянникова С.И.

Роль крупных региональных портовых транспортных узлов

Ключевые слова: транспортные узлы, торговые отношения, глобализация.

В статье описывается роль крупных региональных портовых транспортных узлов и их влияние на экономическое и социальное развитие прилегающих территорий. Автор говорит о прямых и косвенных выгодах для государства от наличия на его территории многофункциональных портовых комплексов с возможностями для производства, складирования, перевалки и распределения постоянно растущих товарных потоков. Основная задача статьи – показать еще одну возможность для Приморского края РФ как можно эффективно использовать имеющиеся географические и другие

преимущества с целью активного вливания в международные торговые отношения в глобализирующемся мире.

Ивельская Н.Г.

Влияние крупных агломераций на развитие малых городов

Ключевые слова: монопрофильный город, государственная экономическая помощь, муниципальные органы.

В данной статье обозначены проблемы существования монопрофильных городов, потребности в поддержке градообразующих предприятий. Определена потребность сочетания действенной государственной экономической помощи с квалифицированной активной заинтересованностью муниципальных органов власти в целях расстановки приоритетов развития. Определены факторы оказывающие влияние на выживаемость монопрофильных городских поселений.

ОБЩЕСТВО, ПРАВО, ВЛАСТЬ

Золотухин И.Н.

Проблемы национального строительства в Малайзии

Ключевые слова: Малайзия, национальное строительство, исламский фактор.

Данная статья посвящена проблемам национального строительства в Малайзии – полиэтничном и поликонфессиональном государстве, на фоне процессов межэтнического и межконфессионального взаимодействия. Рассмотрена роль государства в процессе национального строительства и политика создания «нового малазийца». Особое внимание уделено исламскому фактору.

Кузьмина О.В.

Правовые аспекты этнонациональной политики России в конце XX – начале XXI веков

Ключевые слова: национальная политика, нормативно-правовые акты РФ, регулирование межэтнических отношений.

В статье рассматриваются основные нормативно-правовые акты Российской Федерации, касающиеся национальной политики и регулирования межэтнических отношений в стране. Анализ этих документов позволяет сделать вывод, что этнонациональная политика в России еще не получила концептуального обоснования.

РЕЦЕНЗИИ

Кузнецов А.М.

Об одном направлении в исследовании международных отношений

Ключевые слова: И. Нойманн, международные отношения, коллективные идентичности, этнос, нация.

Статья посвящена проблеме применения категории коллективные идентичности к решению проблем международных отношений на примере работы И. Нойманна. Принимая вывод автора о необходимости междисциплинарного подхода к решению этой проблемы, следует отметить, что идея идентичности ограничена уровнем индивидов. Объединения индивидов следует рассматривать в рамках концептов этноса и нации.

THE ECONOMIC CHALLENGES OF REGION

Tulohonov A.K., Zomonova E.M.

The social-economic development asymmetry in near-border areas of Russia and China

Keywords: social and economic development, frontier regions, the Republic of Buryatia, Zabaikalsky Krai, external economic relations.

The article deals with the problems of social and economic development of frontier regions, such as the Republic of Buryatia, Zabaikalsky Krai. It is offered to use geographical location as a growth factor of regions situated in the Asian part of the Russian Federation. It gives a comparative characteristic of the economic development of the neighboring territories of Russia and China. It is recommended to change the role of external economic relations between two states for increasing the life level of the population living alongside the frontier.

Bistritsky S.P., Frolova N.S.

Local contact zones on Russian Far East

Key words: local contact zone, APR, investment, economy, mineral resource, transport corridor.

The local contact zone being formed in the Vanino-Sovetskaya Gavan rayon of the Khabarovskiy krai is a new large-scale project of the highly efficient production complex in East Russia involving it in the integration processes and availing more functional contact support of interaction between Russia and the APR. The development of the Vanino-Sovetskaya Gavan local contact zone is determined by the following factors: the adjoining international transport corridors (ITCs); an extensive mineral resource pull of this contact zone; a growing demand for raw resources in the APR and internationally; available investment projects; sizable state funds allocated for infrastructure development; favorable living conditions and forming several larger urban settlements.

The new local Vanino-Sovetskaya Gavan contact zone is destined to become an important element of the Russian Federation national economy. Its formation will require both great investment and human resources on a par with such larger urban agglomerations as Nakhodka and Vladivostok; development of large-scale civil and industrial engineering, the industry of construction materials and electric power engineering.

Porunov A.N.

BRIC countries and world crisis: the outcome of January-February 2009, statistics overview

Key words: economy, BRIC countries, Brazil, Russia, India, China, financial crisis, inflation, unemployment.

In article the one-stage statistical cut of development of national economies of Brazil, Russia, India and China (BRIC) in conditions of global financial crisis is resulted, the express train the analysis of the developed economic situation in these countries on results of first two months 2009 on the basis of the operative reporting of national statistical services is given.

THE ROLE OF FINANCE SECTOR IN THE DEVELOPMENT OF REGION

Votintseva L.I. , Yaroslavtseva S.V.

Appearance of regionalism as bottom for system changes in finance sphere of Russian Far East

Key words: regionalism, world crisis, financial system, regional economy, subjects of Far East Federal District, parity.

Economic dynamism of the countries of Asia-Pacific ocean region, despite world and regional crises, objectively promotes strengthening of factors of a regionalism both in inside, and in interstate mutual relations. The Far East Russia traditionally integrating with economy of the Asian countries systematically joins in processes regionalism.

In article elements of a financial system of subjects of Far East Federal District (budgetary, bank, financially-resource base) as conditions for effective and strategic interaction with frontier Asian economy on a parity basis are analyzed. The statistical characteristic of functioning of objects of sphere of the finance and productivity of dynamics of growth of their basic indicators is resulted, the direction of system changes in the given sector of regional economy under the influence of the internal and external factors, proceeding regionalism processes.

Sazonova E.S., Bezrukov I.S.

The monetary control and currency regulation measures as effective strength factor (on sample of Primorsky Region)

Key words: economy of Primorye Territory, monetary control, raw export, economic safety.

The analysis of currency transactions under the foreign trade has shown low efficiency of the norms existing in the Russian currency legislation, called to provide the control over operations of non-residents inside of the country, the international current payments, including repatriation of export currency proceeds and operations of movement of the capital depending on a condition of the balance of payments of the country.

The problem of raw export is one of important in economy of Primorye Territory. Using by residents various schemes of nonlegal export, directed on concealment of its real cost, and also calculations for the services which are not having the material maintenance, allows to leave abroad significant means in a foreign currency, that also creates threat of economic safety of region.

To one of ways of the decision of the given problem should become interaction of agents of the currency control over a regional level.

Slezko A.N.

Regional mortgage lending market: peculiarities and perspectives

Key words: bank, mortgage lending, mortgage lending market.

The article focuses on the tendencies and perspectives of mortgage lending market on a regional level. Special attention is paid to peculiarities and trends in the operations of regional mortgage lending fulfilled by commercial banks.

REGION BUSINESS ANALYSIS

Zharikov A.E.

The complication of interaction between oil & gas and fishing industries on Sakhalin shelf

Key words: Sakhalin, ecosystems, oil and gas industry, fishing industry, shelf.

The question of multipurpose exploring limited Sakhalin shelf area is concerned in article. Controversial interests of petroleum and fishing industries are overlooked more closely. Analyses of Sakhalin shelf economic elaboration shows the absence of system approach for decision of present discrepancies. As a result degradation of nature ecosystem of Sakhalin North-East coast has place.

Stashenko A.N.

Regional aspects in telecommunication service area

Key words: Russian Far East, telecommunication market, telecommunications, economic development, potential.

The article is concerned with telecommunication sphere, its role and value for economic development as necessary production factor in current conditions.

What stands out from the analysis of Russian telecommunication centers development tendencies is that the location of telecommunication centers shifts to regions with high investment potential and strategic (essential) resources of the country. The Russian Far East telecommunications market is not saturated comparing with other regions and has high potential for growth, that's why it is attractive for communication services providers.

REGION AGGLOMERATIONS

Ovsyannikova S.I.

The role of largest ports as multimodal international terminals

Key words: transshipment ports-hubs, trade relations, globalization.

The significance of international transshipment ports-hubs and their influence on economic and social development in surround regions is shown in the article. Author tells about direct and indirect benefits for government of locating large multifunction terminals and areas around with resources for producing, storage, transshipment, distributing etc. of constantly rising cargo volumes. The main idea is to show the ability for Primorsky Region of Russian Far East of efficient using its competitive geographic and other features in order to inflow into the international trade relations in globalised world.

Ivelskaya N.G.

The impact of heavy agglomerations on small cities development

Key words: monotype cities, state economical assistance, municipal authorities.

The problems of subsistence of monotype cities, support needs of (градообразующих) ventures are marked in this article. The need of combination of efficient state economical assistance with qualified active interest of municipal authorities with purpose to arrange priorities of development is defined. Influencing on survival of monotype city settlements factors are defined.

SOCIETY, LAW, GOVERNMENT

Zolotuhin I.N.

The current problems of national building industry in Malaysia

Key words: Malaysia, the building of the nation, the Islamic factor.

The article is devoted to the problems of the building of the nation in Malaysia, which is multiethnic and multiconfessional state. The problems are represented in the frame of the processes of interethnic and interconfessional interactions. The role of the state and its policy of the formation of the «new Malaysian» are considered. The special attention is given to the Islamic factor.

Kuzmina O.V.

Legal aspects of ethnic and national policy in Russia in the end of XX – beginning XXI centuries

Key words: national politics, legal acts of the Russian Federation, the interethnic relations regulation.

In the article the basic legal acts of the Russian Federation on the national politics and the interethnic relations regulation in the country are regarded. The analysis of the documents allow to draw a conclusion that the thno-national politics in Russia yet has not received a complete conceptual substantiation.

CRITICAL REVIEWS

Kuznetsov A.M.

About one approach in international relations investigations

Key words: I. Noimann, international relations, collective identities, ethnos, nation.

The concept of collective identities and its meaning for the study of the international relations is regarding in this paper on a case of I. Noimann publication. The idea of this author on the interdisciplinary nature of the identity concept is accessible. It should be pointed out that it is limited by the level of the person. Other levels of communities of individuals have been regarded by means of the ethnos theory and the nation concept.

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Владимир Николаевич Антонов – кандидат юридических наук, директор Владивостокского института международных отношений стран АТР ДВГУ, г. Владивосток.

Петр Яковлевич Бакланов – академик РАН, доктор географических наук, директор Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Владивосток.

Петр Федорович Бровко – доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой географии стран АТР Института окружающей среды ДВГУ, г. Владивосток.

Евгений Прокофьевич Жариков – доктор экономических наук, профессор Владивостокского института международных отношений стран АТР ДВГУ, г. Владивосток.

Вадим Константинович Заусаев – доктор экономических наук, профессор, директор Института рынка, г. Хабаровск.

Александр Иванович Коробеев – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Юридического института ДВГУ, г. Владивосток.

Анатолий Михайлович Кузнецов – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической антропологии Владивостокского института международных отношений стран АТР ДВГУ, г. Владивосток.

Наталья Викторовна Кузнецова – доктор экономических наук, профессор, зам. директора института менеджмента и бизнеса ДВГУ, г. Владивосток.

Владимир Иванович Курилов – заслуженный работник высшей школы РФ, доктор юридических наук, профессор, ректор Дальневосточного государственного университета, г. Владивосток.

Виталий Анатольевич Номоконов – доктор юридических наук, профессор, зам. директора по научной работе юридического института ДВГУ, г. Владивосток.

Владимир Федорович Печерица – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения Владивостокского института международных отношений стран АТР ДВГУ, г. Владивосток.

Виктор Васильевич Савалей – доктор экономических наук, профессор, начальник отдела региональной экономики ГУ Центрального Банка России по Приморскому краю, заместитель директора по науке Международного института финансов, кредита и банковского дела ДВГАЭУ, г. Владивосток.

Виктор Григорьевич Сазонов – доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой международного бизнеса и администрирования Владивостокского института международных отношений стран АТР ДВГУ, г. Владивосток.

Роберт Скалатино – заслуженный профессор, основатель Института исследования Восточной Азии университета Калифорния в Беркли (США).

**АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ
РЕГИОН**

**ЭКОНОМИКА
ПОЛИТИКА
ПРАВО**

**Научный и общественно-политический журнал
№2 (20) 2009**

Редактор *В.Г. Дроздов*
Технический редактор *А.К. Мухаматинова*
Компьютерная верстка *Н.И. Баранник*

Подписано в печать 30.07.2009 г.
Формат 70x100 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 9,83. Уч.-изд. л. 12,18.
Тираж 200 экз. Заказ

Издательство Дальневосточного университета
690950, г. Владивосток, ул. Октябрьская, 27
Отпечатано в типографии
Издательско-полиграфического комплекса ДВГУ
690950, г. Владивосток, ул. Алеутская, 56